

Гораций Голд

Вопрос формы

2020

Гораций Голд

**ВОПРОС
ФОРМЫ**

**Паровая типолитографія А. А. Лапудева
Москва
Георгіевскій переулокъ, домъ 19
2020**

26.04.1914 – 21.02.1996

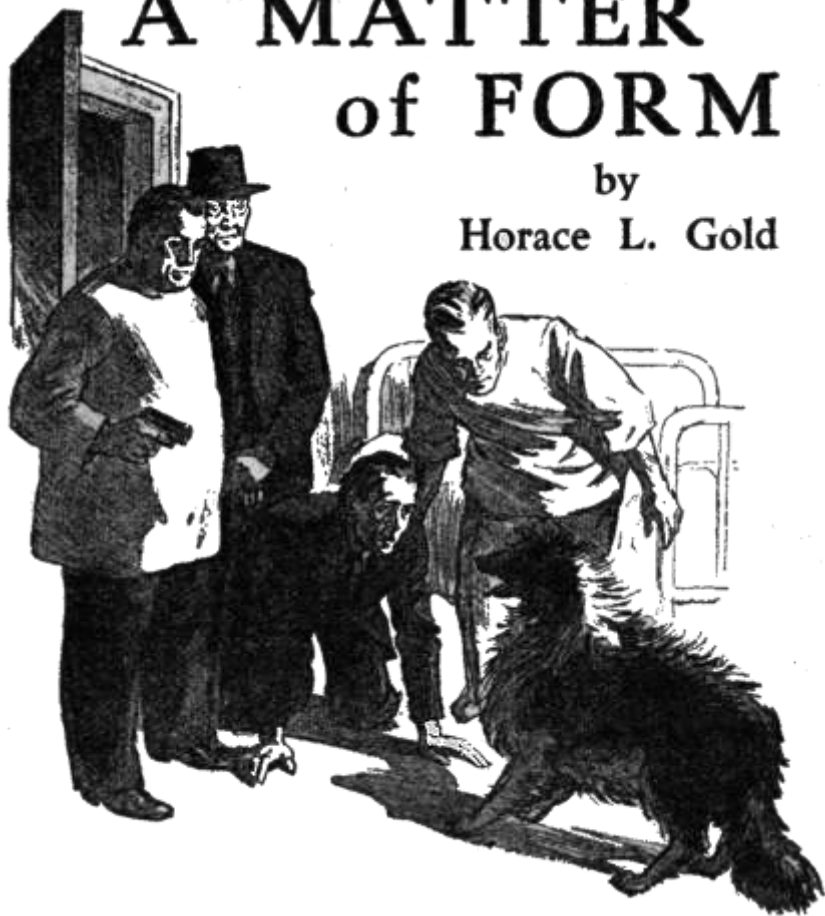
Гораций Голд. Вопрос формы. — Москва, Паровая типоли-
тография А. А. Лапудева, 2020 — 182 с.

Сборник произведений известного американского фанта-
ста.

Настоящая публикация преследует исключительно куль-
турно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо
коммерческого воспроизведения, извлечения прибыли и т. п. Все
материалы получены из открытых источников.

A MATTER of FORM

by
Horace L. Gold

ГОРАЦИЙ ГОЛД,
американский писатель

ВОПРОС ФОРМЫ

Фантастическая повесть

Резкий звонок телефона врезался в сон Гилроя. Не размыкая тесно сжатых век, репортёр перевернулся на другой бок, засунул голову под подушку и натянул сверху ещё одеяло. Но телефон продолжал трезвонить.

Моргая, он открыл глаза и увидел стекающие по стеклу окна струйки дождя. Скрипнув зубами от непрерывающегося треска телефона, он резко сорвал с аппарата трубку и выругался в неё — не то, чтобы настоящая брань, а так — изложенное поэтически мнение о человеке, способном разбудить уставшего репортёра в четыре утра.

— Я здесь ни при чём, — ответил редактор, выдержав ледяную паузу. — Ты сам эту кашу заварил и напросился на задание. Нашли ещё одного, как их бишь...

Остатки сна мгновенно слетели с Гилроя.

— Ещё одного кататоника?!

— Час назад. На углу Йорка Авеню и 91-й улицы. Сейчас он в «Мемориале» под наблюдением. — Голос редактора неожиданно приобрёл низкую доверительную интонацию. — Хочешь знать, что я думаю, Гилрой?

— Что? — жадно прошептал репортёр.

— Я думаю, что ты псих. Эти твои кататоники в лучшем случае всего лишь заурядные бродяги, допившиеся, наверное,

до зелёных чёртиков. И больше, чем на заметку из четырёх строк, они не потянут.

Гилрой уже выскочил из постели и свободной рукой натягивал на себя одежду.

— Только не на этот раз, — сказал он уверенно. — Бродяги-то они бродяги, но на этом дело не кончается. Слушайте... Чёрт побери, да у вас же смена кончилась ещё два часа назад! Что вас задержало?

Голос редактор звучал недовольно.

— Всё этот старик Тальбот. Ему же завтра семьдесят шесть. Пришлось тут настряпать кое-что о его жизни.

— И вы тратите столько времени, чтобы разукрасить этого убийцу, вымогателя...

— Спокойно, спокойно, Гилрой, — предостерегающе сказал редактор. — Ему принадлежит половина нашей газеты. Да и не так уж часто он нас тревожит.

— Пусть будет по-вашему. Но от него и идёт самая большая волна преступности в городе. Да ладно, всё равно он скоро загноётся. Вы меня можете встретить в больнице, когда закончите?

— В такую-то погоду? — редактор помолчал, обдумывая решение. — Не знаю, право. Нюх на новости у тебя, конечно, знатный, и если ты думаешь, что здесь пахнет чем-то из ряда вон выходящим... А, чёрт с ним... Да!

Торжествующая улыбка Гилроя погасла, когда нога его влезла в дырку вместо носка. Повесив трубку, он безрезультатно пытался найти в пустых ящиках другую пару.

На улице было холодно и удручающе пустынно. Чёрный снег таял и превращался в слякоть. Гилрой запахнул пальто и зашагал к Гринвич Авеню. Очень высокий и невероятно худой, он напоминал унылого аиста, высматривающего себе рыбёшку. Но усталости он не чувствовал и в помине. Напротив, он был счастлив, как только может быть счастлив человек, «пунктик» которого вдруг начал подтверждаться конкретными фактами.

Хлюпая по слякоти, он вздрогнул, подумав о кататонике, который, должно быть, пролежал в ней несколько часов, пока его не нашли и не доставили в больницу. Вот бедняга! А первого из них просто принимали за пьяного, пока полицейский не заметил повязку на его шее.

Администрация больницы заявила, что это были больные, сбежавшие после мозговых операций. Звучит убедительно, но... Кататоники не способны ходить, ползать, есть, способны ни на одно произвольное движение.

Поэтому Гилрой даже не удивился, когда не нашлось ни одной больницы и ни одного частного хирурга, заявивших о побеге своих послеоперационных больных.

* * *

Водитель такси с надеждой притормозил рядом с возбуждённо шагающим человеком. Гилрой еле сдержался, чтобы не обнять таксиста, спасшего его от непогоды. Он торопливо забрался в кабину.

— Хорошенькая ночка для убийства, — заметил водитель.

— Хотите сказать, что работа сегодня плохо идёт?

— Хочу сказать, что погода паршивая.

— Будь я проклят, если я на это возражу! — саркастически воскликнул Гилрой. — Но она не должна нас задерживать. Я спешу. В больницу «Мемориал», и побыстрее, пожалуйста!

Три кататоника за месяц! Гилрой покачал головой. Настоящая загадка. Нет, сбежать они никак не могли. Во-первых, кто-нибудь об этом заявил бы, а во-вторых — они физически не были в состоянии совершить побег. И откуда у них взялись аккуратные хирургические разрезы на шее, профессионально зашитые двумя швами и профессионально перевязанные? Разрезы, к тому же, совершенно свежие. Гилрой придавал особое значение тому, что все трое были плохо одеты и страдали лёгкой формой истощения. Но в чём же подоплёка? Он пожал плечами. Его интуиция обещала что-то из ряда вон выходящее.

Такси затормозило у тротуара. Он просунул в окошко деньги и выскочил из машины. Ревущий дождь захлёстывал его. Превозмогая порывы ветра, он устремился к подъезду.

Задыхающийся, промокший до ниточки и наполовину раскаивающийся в капризе, заставившем его носиться с тремя бродягами-кататониками, он вынул из кармана промокшее удостоверение и показал его девушке, сидевшей за столом в приёмной.

— О, газетчик! Что у нас, какая-нибудь сенсация?

— Ничего особенного, — ответил он небрежно. — Какого-то бродягу нашли на углу Йоркской и Девяносто первой. Он что, в палате наверху?

Девушка посмотрела в журнал и кивнула.

— Он ваш родственник?

— Внучек.

Выйдя из лифта, он уверенно зашагал по длинному белому коридору. У входа в палату он столкнулся с редактором — замёрзшим, промокшим и недовольным.

Дежурный доктор искоса посмотрел на них, когда они бесшумно вклинились в круг практикантов, обступивших кровать.

Кататоника уже раздели, вытерли и растёрли спиртом. Мышцы его были расслаблены, глаза прикрыты, челюсть по-идиотски отвисла. На шее была видна тёмная полоска от удалённого хирургического пластыря Гилрой увидел часть шва под остриженными волосами.

— Кататоник, док? — тихо спросил он.

— Вы ещё кто такой? — резко выпалил доктор.

— Гилрой... «Морнинг Пост».

Доктор снова посмотрел на лежащего на кровати человека.

— Кататоник, несомненно. Никаких признаков алкоголя или наркотиков. Лёгкое истощение.

Гилрой деликатно отпихнул локтями пару практикантов и пробрался поближе к врачу.

— Но инсулиновый шок ведь не дал результатов? Чего и следовало ожидать.

— Почему? — удивлённо спросил доктор. — При кататонии он всегда действует... По крайней мере, временно.

— Но в данном конкретном случае ничего не выходит, не так ли? — стоял на своём Гилрой.

Голос доктора звучал тихо, как бы признавая поражение.

— Да.

— О чём вы? — раздражённо спросил редактор. — И что такое кататония? Паралич?

— Это последняя стадия шизофрении, — ответил доктор. Мозг восстаёт против груза ответственности и забот и ищет в своей памяти время, когда ничто его не обременяло. Он возвращается в детство, но в детстве тоже были свои заботы; возвращается ещё глубже, но заботы начинались с самых ранних дней. Наконец, он замирает на стадии предродового умственного состояния.

— Но в таких случаях имеет место постепенная дегенерация, — вставил Гилрой. — Задолго до наступления полного умственного вырождения, болезнь обнаруживается и человека помещают в больницу. Он проходит через безумие, идиотизм и после долгих лет медленной дегенерации кончает тем, что отказывается использовать свои мышцы и свой мозг.

Редактор выглядел удивлённым.

— Почему же инсулиновый шок должен вывести его из такого состояния?

— Он и не должен! — выпалил Гилрой.

— Нет, должен! — сердито ответил доктор. — Инсулин резко снижает содержание сахара в крови и вызывает шок. Внезапный сахарный голод выбивает кататоника из состояния пассивности.

— Верно, — ответил Гилрой. — Из этого и видно, что в данном случае мы имеем дело не с кататонией! Перед нами что-то, очень похожее на кататонию, но где вы видели кататоника, способного на произвольные мышечные движения? И задержки слюноотечения тоже не наблюдается. Думаю, что это паралич.

— Вызванный чем? — едко спросил доктор.

— Это уж вы должны знать, чем. Я не медик. А что вы скажете о разрезе на шее?

— Чепуха! От разреза до двигательного нерва добрая четверть дюйма. Он здесь ни при чём.

— Вы ошибаетесь, док, — тихо сказал Гилрой. — Разрез под затылком очень даже при чём, а кататонию нельзя вызвать хирургическим путём. Она может быть причинена повреждениями органов, но процесс дегенерации в таком случае будет развиваться очень медленно. Этого человека умышленно оставили там, где его нашли, так же, как и других.

— Похоже, что ты прав, Гилрой. — Заметил редактор. — Что-то здесь не то. И у всех троих одинаковые разрезы?

— Абсолютно. В одном и том же месте: под самым затылком, налево от позвоночного столба. Видели ли вы когда-нибудь более беспомощного человека? Ну, как по-вашему, смог бы он удрать из больницы, хотя бы из кабинета частного хирурга?

Доктор отпустил практикантов и начал собирать свои инструменты, готовясь уйти.

— Не вижу никакого мотива. Все трое истощены, плохо одеты, жили, судя по всему, в полной нищете. Кому бы понадобилось расправляться с ними?

Гилрой преградил ему путь.

— Да причём здесь расправа или месть! Над ними ведь могли экспериментировать.

— Ради чего?

Гилрой изучающе посмотрел на него.

— У вас нет никаких предположений?

— Откуда?

Репортёр сбил свою промокшую шляпу на затылок и направился к двери.

— Пошли, шеф. Попросим Мосса подкинуть нам теориейку.

— Доктора Мосса вы здесь не найдёте, — ответил врач. — Сегодня ночью он не дежурит, а завтра, по-моему, увольняется из больницы вообще.

Гилрой сделал стойку.

— Мосс... увольняется из больницы! Слышали, шеф? Мосс — диктатор, эксплуататор и мерзавец. Но он, наверное, лучший хирург в Америке. Нет, подумать только, вокруг вас творятся такие дела, а вы тратите время на то, чтобы приукрасить преступную жизнь старика Тальбота! На улице находят троих кататоников подряд. Ничего подобного никогда раньше не случалось! Они не могут ни ходить, ни ползать, у всех троих находят таинственные разрезы в одном и том же месте. Вдобавок, величайший хирург страны оставляет больницу, которую он сам же и основал. А чем в это время заняты вы? Просиживаете штаны в конторе, кропая статейки на тему о том, какая на самом деле милая личность скрывается за грязным фасадом Тальбота!

* * *

Вуд подошёл к дверям агентства по найму рабочей силы. Безо всякой надежды он читал сделанные мелом надписи на доске. Эта контора набирала людей для промышленности, а он и на заводе-то никогда в жизни не был. Единственное, на что он мог рассчитывать, — место ученика обойщика за десять долларов в неделю; но ему уже тридцать два, а за устройство на работу нужно заплатить пять долларов.

Он огорчённо отвернулся, ощупывая в кармане три последних десятицентовика. Десятицентовик — самая маленькая, самая невзрачная американская монета...

— Что, приятель, не нашёл ничего подходящего?

— Для меня ничего, — устало ответил Вуд, даже не посмотрев на задавшего вопрос человека.

Он ещё раз пробежал глазами газету, прежде чем бросить её на тротуар. Больше он газет покупать не будет: выглядит он так, что по объявлениям лучше не ходить. Но мысли его никак не могли оторваться от статьи Гилроя. Гилрой описал ужасы кататонии. Что ж, кататоников хоть кормили по меньшей мере и давали им приют. Интересно, можно ли симулировать эту болезнь?

Но человек, задавший вопрос, всё продолжал разглядывать Вуда.

— В колледже, небось, учился?

— Что, всё ещё заметно? — зло спросил Вуд.

— А то нет. Образованного за мило видать.

Рот Вуда скривился в усмешке.

— Рад это слышать. Образование, должно быть, просвечивает сквозь мои лохмотья.

— Чего ты прёшься сюда со своим образованием? Оно здесь ни к чему. Им нужны такие, как я, — побольше мускулов и поменьше мозгов.

Вуд внимательно осмотрел собеседника. Тот был слишком хорошо одет, и слишком себе на уме, чтобы долго обивать пороги в поисках работы. Весьма возможно, что его только что уволили и он ищет себе компанию. Но таких Вуд уже встречал. Глаза жёсткие, как у волка. У волка, привыкшего обирать безработных.

— Вот что, — холодно сказал Вуд. — С меня взятки гладки. В кармане всего лишь тридцать центов.

— Я не слепой, — спокойно ответил незнакомец. — Я тебя насквозь вижу.

— Так что тебе нужно, в таком случае? — раздражённо выпалил Вуд. — Или ты хочешь сказать, что оборванный, но грязный выпускник колледжа сгодится тебе в компаньоны?

Его незванный друг нетерпеливо махнул рукой.

— Брось огрызаться. Меня сегодня не взяли на работу, потому что там нужен человек с дипломом. 75 долларов в месяц, стол и жильё. Один доктор ищет себе лаборанта. У меня потому и сорвалось, что диплома нет.

— Сочувствую тебе, — сказал Вуд, отворачиваясь.

— Но у тебя же есть диплом. Хочешь попробовать? Тебе это обойдётся в первую недельную зарплату. Моя доля, понял?

— О медицине я не имею ни малейшего представления. Я был экспертом по шифрам в конторе биржевого маклера, пока у людей ещё были деньги, чтобы делать вклады. Тебе что-нибудь расшифровать? Это всегда пожалуйста.

— Медицину тебе знать необязательно. Всё, что там требуется, — диплом, голова и немного мускулов.

Вуд замер на месте.

— Не заливаешь?

— Верняк. Но, слушай, я не хочу туда идти впустую и получить от ворот поворот. Я тебя спрошу то же самое, что у меня там спрашивали.

При одной мысли о возможной работе Вуд забыл о всякой осторожности. Он ещё раз пощупал три монеты в кармане. Очень уж они были тонкими и беспомощными. Их хватит на пару бутербродов с чашкой кофе или на кровать в грязной ночлежке. Да два раза скудно поесть и спать на сыром мартовском ветру, или найти ночлег на одну ночь, но спать голодным...

— Валяй, спрашивай, — сказал он решительно.

— Родня есть?

— Седьмая вода на киселе в штате Мэн.

— Друзья?

— Таких, чтобы сейчас меня узнали, нет.

Он впился глазами в лицо незнакомца.

— Что означают эти вопросы? При чём мои друзья и родственники...

— Ни при чём, — торопливо ответил незнакомец. — Дело в том, что эта работа связана с поездками. Хозяину не нужен человек, за которым будет тащиться жена и который будет писать длинные письма в рабочее время. Понял?

Вуд ничего не понял. Объяснение звучало на редкость неубедительно, но он думал лишь о семидесяти пяти долларах в месяц, о жилье и о еде.

— А кто он, этот доктор?

— Я тебе не лопух, — хмуро ответил его собеседник. — Ты пойдёшь туда со мной и скажешь доктору, чтобы тот уплатил мне мою долю.

Сидя в вагоне метро, Вуд тщательно избегал встреч с безразличными взглядами других пассажиров. Он спрятал ноги под сидение, чтобы не было видно полуоторванную подметку на правом ботинке. Ну и вид у него! Разве такого на работу возьмут? Но этот тип рискнул, всё же, потратиться ради него на метро.

Они поднялись по ступенькам к двери старого дома. Вуд подавил желание убежать, он заранее испытывал чувство обречённости от очередного отказа.

Если бы только можно было подстричься, погладить костюм, починить ботинки! Но что проку думать об этом, денег-то нет! А с бахромой на рукавах и брюках всё равно ничего не сделаешь.

— Не отставай, — буркнул незнакомец.

Вуд весь напрягся, когда тот позвонил в дверь. На пороге стоял человек одного с ним возраста, среднего роста и очень толстый. На нём был белый лабораторный фартук.

— Опять ты?

— Нашёл вам человека с дипломом, — ответил настойчивый знакомец Вуда.

Вуд даже отступил назад из-за унижения, которое он испытал, когда острый взгляд толстяка окинул измятую грязную одежду и брезгливо остановился на длинных волосах, всклокоченных над измождённым небритым лицом. Вот сейчас он скажет: «Такой не подойдёт».

Но толстяк отпихнул ногой красивого рослого пса колли и распахнул дверь. Ошеломлённый, Вуд проследовал за своим проводником в тесный холл. Чтобы произвести впечатление человека дружелюбного, он наклонился потрепал уши собаки. Толстяк ввёл их в гостиную.

— Как зовут? — спросил он безучастно.

Ответ застрял у Вуда в горле. Он откашлялся, чтобы выдать его.

— Вуд, — сказал он наконец.

— Родственники есть?

Вуд отрицательно качнул головой.

— Друзья?

— Больше нет.

— Что за диплом?

— Колумбийский университет, 1925 год. Точные науки.

Выражение лица толстяка не изменилось. Он сунул руку в левый карман и вынул бумажник.

— Как вы договорились с этим человеком?

— Ему причитается моя первая получка.

Вуд молча наблюдал, как несколько зелёных бумажек перешли из рук в руки. Он смотрел на них жадно, со страстью.

— Можно мне умыться и побриться, доктор? — спросил он.

— Я не доктор, — ответил толстяк. — Меня зовут Кларенс. Просто Кларенс, без «мистер».

Он резко обернулся к незнакомцу, пристально следящему за их разговором.

— Ты что здесь ошиваешься?

Спутник Вуда попятился к двери.

— Пока, стало быть, — сказал он. — Обоим нам обломилось, а, Вуд?

Вуд улыбнулся и радостно кивнул. Ироничные нотки в жёстком голосе незнакомца прошли мимо его внимания.

— Я покажу вам вашу комнату наверху, — сказал Кларенс, когда деловой партнёр Вуда ушёл. — Там, кажется, и бритва есть.

Они вышли в мрачный холл, колли следовала за ними по пятам. Лампочка без абажура свисала на проводе над столом. На стене за ним Вуд увидел себя, в овальном зеркале, нечёсаного и неопрятного. Дранный ковёр закрывал пол вплоть до двери, ведущей в заднюю часть дома, узкие ступеньки поднимались винтовой лестницей на следующий этаж. Помещение было запущенным и унылым, но у Вуда как-то сместилось понятие о роскоши.

— Подождите здесь, пока я позвоню, — сказал Кларенс.

Он закрыл за собой дверь в комнату напротив лестницы. Вуд погладил дружелюбно ворчащую собаку. Через стенку до него доносился голос Кларенса.

— Хэлло, Мосс?.. Пинеро привёл человека. Ответы даёт подходящие... Колумбийский, 1925 год... Судя по виду, ни цента... Позвонить Тальботу? Но когда?.. Хорошо... Приедете, как только закончится заседание правления?.. Хорошо... А... какая разница... Вы ведь и так от них получили всё, что хотели.

Вуд услышал, как Кларенс положил трубку на рычаг и снял её снова. Мосс? Это же великий хирург, директор больницы «Мемориал». Но в той статье о кататониках был какой-то намёк на его уход из больницы.

— Хэлло, Тальбот? — послышался голос Кларенса. Приезжайте завтра в полдень. Мосс обещает к этому времени всё подготовить... Не волнуйтесь. Этот раз уж точно последний. Нет, нет, всё будет в порядке.

Имя Тальбота показалось Вуду знакомым. Должно быть, это тот самый Тальбот, о котором писала «Морнинг Пост», семидесятилетний филантроп. Хочет, наверное, чтобы Мосс его оперировал. Что ж, его-то это не касается.

Когда Кларенс вернулся к нему, Вуд думал только о семидесяти пяти в месяц, о комнате и еде. Но, более того, он ведь нашёл работу! Несколько недель приличной еды, новая одежда — и вскоре он окончательно забудет горечь поражения.

Он забыл даже о том, чему удивился с самой первой минуты: в доме не было никаких признаков, типичных для приёмной врача. Он ни о чём вообще не мог думать, кроме отведённой ему опрятной комнаты на третьем этаже, выходящей окнами на двор. И бритья...

* * *

Доктор Мосс повесил трубку телефона умышленно спокойно. Проходя белым больничным коридором к лифту, он чувствовал на себе любопытные взгляды. Но на его тщательно выбритом розовом лице не было и намёка ответа на во-

прос, задаваемый вопрошающими глазами. В кабине лифта он стоял, небрежно засунув руки в карманы. Лифтёр не смел ни говорить с ним, ни взглянуть на него.

Мосс взял свои пальто и шляпу. Перед столом дежурного в приёмной толпилось гораздо больше людей, чем обычно. У них был настырный вид газетных репортёров. Он стремительно прошагал мимо.

Высокий, на редкость тощий человек, хищно вперивший взгляд в Мосса, был остриём клина репортёров, устремившихся ему вслед.

— Вы не можете уйти, не сделав никакого заявления для прессы, док, — сказал он.

— Могу и не вижу никаких препятствий к этому, — кивнул Мосс в ответ, не останавливаясь.

Выйдя на улицу, он махнул рукой такси, стоя спиной к репортёрам.

— По меньшей мере могли бы сказать нам, остаётесь ли вы директором госпиталя.

— Спросите об этом членов правления.

— А как насчёт кататоников?

— Спросите об этом у кататоников.

Подъехало такси. Садясь, Мосс услышал, как длинный газетчик воскликнул: «Вот холодная гадина!»

Он даже не оглянулся, чтобы насладиться их растерянностью. Несмотря на всё своё внешнее хладнокровие он чувствовал себя не так уж спокойно. Этот человек из «Морнинг Пост» — Гилрой, или как там его, — написал сенсационную статью о брошенных кем-то на улице кататониках и дошёл до того, что заявил, что они вовсе не кататоники. Тальбот — один из хозяев газеты. Ему надо сказать, чтобы публикацию этих статей немедленно прекратили. Хотя и сейчас уже остальным газетам будет достаточно статьи Гилроя, чтобы ухватиться за нить.

Умно, умно он заметил, что жертвы страдали вовсе не кататонией. Но этот репортёр из «Морнинг Пост» задал себе изрядную работёнку, пытаясь понять, как три человека, разбитые параличом, могли оказаться на улице без всяких следов, указывающих, откуда они там появились и какое отно-

шение к их состоянию имеют хирургические разрезы. Он, Мосс, и сам только недавно разрешил эту загадку до конца.

Губы подвижного рта угрюмо сжались. Где же ему теперь взять денег? Из больничных фондов он выдал всё, что можно, долг вырос до угрожающих размеров, а всё недостаточно. В бездонной прорве его экспериментов утонет с десятков таких фондов.

Если бы только удалось уговорить Тальбота, доказать ему, что неудачи на самом деле не были неудачами, что больше он не ошибётся...

Однако Тальбот — крепкий орешек. Мосс не выудит у старого скряги и цента, пока не докажет, что стадия экспериментов завершена; но нет, на этот раз неудачи не будет!

Мосс легко вылез из такси. Уверенный походкой он взбежал по ступенькам, не глядя по сторонам, хотя день был чудесный, тёплый, солнечный, и за крышами невысоких домов уже виднелась распускающаяся зелень в Центральном парке.

Он открыл дверь и нетерпеливо прошёл в узкий тёмный холл, не обращая никакого внимания на колли, весело выбежавшую ему навстречу.

— Кларенс! — позвал он. — Попросите вашего нового лаборанта спуститься вниз. Я даже не буду есть.

Он снял шляпу, сбросил пальто и пиджак, небрежно повесив их на крюк у зеркала.

— Эй, Вуд! — крикнул Кларенс, задрал голову. — Вы уже готовы?

С третьего этажа послышались лёгкие торопливые шаги.

— Кларенс, мой мальчик, — сказал Мосс тихо и стремительно. — Я знаю, что было не так. На самом деле никакой неудачи мы не потерпели. Я докажу тебе... Будем делать всё так же, как и в прошлый раз.

— Так почему же у нас тогда ничего не получилось?

На лестнице показались ноги Вуда.

— Ты всё поймёшь, как только мы закончим, — торопливо прошептал Мосс, и Вуд спустился к ним.

Даже тех нескольких часов, прошедших с момента устройства на работу, было достаточно, чтобы преобразить Вуда. Он

больше не чувствовал себя никчёмным и никому не нужным человеком.

— Вуд... доктор Мосс, — небрежно сказал Кларенс.

Вуд, запинаясь, пробормотал что-то невнятное, выражающее его энтузиазм по поводу работы, хотя он ничего не знает о медицине.

— Этого от вас пока не требуется, — шёлковым голосом ответил Мосс. — У нас вы всё равно научитесь большому, чем многим хирургам удаётся научиться за всю свою жизнь.

Эти слова могли означать всё, что угодно, или ничего. Вуд даже и не пытался понять. Что его удивило, так это какая-то потаённая дикость, прозвучавшая в тихом голосе. Странная манера разговаривать с человеком, которого наняли подавать инструменты и выполнять обыденную черновую работу.

Он молча проследовал за ними в сверкающую чистотой операционную. Здесь он чувствовал себя менее уютно, чем в отведённой ему комнате, но когда он убедил себя, что в тоне Мосса просто прозвучал характерный для него сарказм, энтузиазм вернулся к нему. Пока Мосс мыл руки в глубоком тазу, Вуд огляделся по сторонам.

В центре комнаты стоял операционный стол, ровно, без морщин обтянутый чистой простынёй. Над столом висели пять бестеневых ламп. Комната была небольшой. Даже неопытному глазу Вуда было заметно, как близко всё лежало под рукой доктора — подносы с тампонами, зажимы, стерилизационный прибор, из которого вырывались клубы пара.

— Мы проводим очень много хирургических экспериментов, сказал Мосс. — Вам по большей части придётся обеспечивать наркоз. Кларенс, покажите ему, как это делается.

Вуд внимательно наблюдал. Подача и отключение гелия, кислорода и циклопропана. Индикаторы переобогащения смеси. Не забыть проследить за водяным фильтром...

По предложению Кларенса он поднёс к лицу раструб, чтобы попробовать изготовленную смесь. Он не знал, что циклопропан действует так быстро, что иногда на этом попадаются даже опытные люди...

* * *

Вуд лежал на полу, задрал в воздух руки и ноги. Попытавшись распрямить их, он перекатился на бок. Голова его до сих пор кружилась от наркоза. На шее ощущалось что-то, похожее на хирургический пластырь.

В комнате было темно, спущенные зелёные шторы не впускали в неё дневной свет. Где-то над ним и ближе к углу раздавалось тяжёлое дыхание. Прежде, чем он успел встать и посмотреть, в чём дело, он услышал поступь приближающихся к двери шагов.

Дверь распахнулась. В комнату полился свет. Вуд вскочил на ноги, но оказалось, что стоять прямо он не может. Он снова рухнул в прежнее положение, оказавшись лицом к лицу с людьми, наблюдающими за ним с холодным интересом.

— Он пытался подняться, — констатировал один из них.

— А чего же ещё вы от меня ожидали? — резко отрубил Вуд. Голос его прозвучал странным протяжным воем, в котором нельзя было различить слова. Растерянный и разъярённый, он глянул на них.

— Держи его на мушке, Кларенс, и убери штору, — сказал Мосс. — Я хочу взглянуть на второго.

Вуд отвернулся от угрожающего дула револьвера и увидел, как доктор приподнял человека на постели. Кларенс спиной отошёл к окну и поднял штору. Яркий полуденный свет заставил человека встрепенуться. Он повернулся профилем к Вуду. Его лишённые выражения глаза остановились на выскобленном розовом лице. За ушами вились длинные неухоженные волосы.

— Можете убедиться, Гальбот. — Сказал Мосс старику.

— Снимите его с кровати и заставьте действовать так, как он должен действовать согласно вашим словам, — ответил старик, взволнованно теребя трость.

Мосс сдёрнул человека с кровати и рывком поставил его на ноги. Секунду он простоял без помощи, потом рухнул на четвереньки и устался на Вуда.

Чтобы узнать лицо перед собой, Вуду потребовалась минута, полная ошеломлённого недоумения. Он видел его каждый день всю свою жизнь, но никогда не видел так... обособ-

ленно. Круглые, пустые глаза, расслабленные мышцы, идиотское выражение...

Но это же его собственное лицо! Вуда охватила паника. Он посмотрел на своё тело, пытаясь зацепить взглядом как можно больше. Из его плеч росли две волосатые ноги, прочно упирающиеся в пол собачьими лапами. Он неуверенно заковылял к Моссу.

— Что вы со мной сделали? — заорал он, но вместо крика из его горла вырвался собачий лай. Доктор поманил своих спутников к двери. Вуд почувствовал, как у него ощерились клыки. Кларенс и Тальбот уже вышли из комнаты. Мосс, напрягшись, стоял в двери, держа руку на дверной ручке. Его ледяные и неподвижные глаза пристально следили за Вудом. Как только тот прыгнул, он захлопнул дверь и Вуд врезался в неё плечом.

— Он понимает, что произошло, — послышался за стеной голос Мосса.

Мосс был не совсем прав. Вуд понимал, что что-то случилось, но отказывался верить, что лицо стоящего перед ним на четвереньках и тупо вперившего в него взгляд человека, было его собственным лицом. И, тем не менее, он не мог не узнать его. А сам он, Вуд, стоял на четырёх собачьих лапах.

Невероятно! Гипноз? Но, повернув голову, он видел своё собственное тело, застывшее на четвереньках, как будто оно не могло подняться на ноги.

Он оказался вне своего собственного тела. Это очевидно. Каким-то образом его оттуда извлекли. Наркотиками или гипнозом Мосс поместил его в тело собаки. Он должен вернуться в своё собственное тело. Но как? Как возвращаются в своё собственное тело?

Мысли его заметались. Рассеянно он услышал своими острыми собачьими ушами, как те трое вошли в соседнюю комнату. Мозг сковал леденящий страх. Его собственное человеческое тело было непроницаемо, герметически закрыто для него.

Из соседней комнаты донёсся скрип мебели. Тальбот перестал нервно постукивать тростью.

— Это должно убедить даже вас, Тальбот, — раздался голос Мосса. — Я поменял им личности без малейшего ущерба разуму.

Вуд вздрогнул. Эти слова означали... а нет, абсурд! И, тем не менее, они действительно объясняли, почему его тело стояло на четвереньках, а не на ногах. Они означали, что внутри его тела находится колли!

— Допустим, что с этим вопросом всё в порядке, — услышал он голос Тальбота. — Но как насчёт самой операции? Не больно это, пересаживать мозги из одного черепа в другой?

— Их нельзя пересаживать из одного черепа в другой, — ответил Мосс. В его голосе появились еле заметные нотки раздражения. — Размеры разные, да и нет необходимости пересаживать весь мозг целиком. В самой глубине мозга надёжно спрятано таинственное маленькое тело — менее четверти дюйма в диаметре, — которое называется шишковидной железой. Некоторым образом эта железа контролирует личность. Когда-то она была третьим глазом.

— Была третьим глазом, а теперь контролирует личность? — воскликнул Тальбот.

— Почему же нет? Жабры наших предков-рыб превратились в евстахиеву трубу, которая контролирует чувство равновесия. О шишковидной железе не было известно практически ничего, до тех пор, пока я не разработал новый метод её извлечения из-под мозга, а не через мозг. Когда я пересадил железу кролика крысе, а железу крысы кролику, то кролик вёл себя как крыса, а крыса — как кролик. Это эмпиризм: получается, но я не знаю, как.

— Почему же тогда те трое вели себя как... Что там у вас за словечко?

— Кататоники. Видите ли, Тальбот, пересадки были абсолютно успешными, но все три раза я повторил одну и ту же ошибку, пока не понял в чём дело. Да, кстати говоря, снимите щелкопёра из вашей газеты с этой опасной темы. Он подобрался довольно близко. Все трое вели себя почти как кататоники, если не считать отсутствия задержки слюноотделения, потому что я пересадил им железы крыс. Представьте себе, что получается, когда мозг крысы пытается управлять

гигантским человеческим телом. Это вне его возможностей. Мозг просто сдаётся, отказывает. Но разница между телом собаки и телом человека не так велика. Собака обескуражена, но пытается управлять своим новым телом.

— Операция очень болезненна? — спросил Гальбот.

— Ни малейшей боли. Разрез незначительный и быстро заживает. Быстрота восстановления сознания очевидна: Вуда и собаку я оперировал прошлой ночью.

Сознание Вуда в черепной коробке собаки отказывалось функционировать. Его личность насильственно и навсегда была отторгнута от его тела и втиснута в собачью шкуру. Он был абсолютно беспомощен; его возвращение в собственное тело целиком и полностью зависело от Мосса.

— Сколько вы хотите? — осторожно поинтересовался Гальбот.

— Пять миллионов.

— Я дам вам пятьдесят тысяч наличными, — ответил надтреснутый голос старика.

— За то, чтобы обменять ваше умирающее тело на юное, сильное и здоровое? — спросил Мосс, подчёркивая каждое слово. — Цена пять миллионов.

— Я дам вам семьдесят пять тысяч, — сказал Тальбот. — Собрать пять миллионов невозможно. Это вне вопроса. Все мои средства вложены в мои... в мои синдикаты. Большую часть прибыли мне приходится расходовать на выплату зарплаты, на оборот и на закупку оборудования. Откуда я вам наберу пять миллионов наличными?

— А я этого и не хочу, — сказал Мосс с лёгкой насмешкой в голосе.

Тальбот вышел из себя.

— Чего же вы тогда хотите?

— Проценты с пяти миллионов составляют ровно половину ваших доходов. Короче, говоря вашим же деловым языком, я намерен влезть в ваш подпольный бизнес.

Вуд услышал возмущённый вздох старика.

— Не выйдет! — выплюнул он. — Даю вам восемьдесят тысяч. Это вся наличность, которую я могу собрать.

— Не валяйте дурака, Тальбот, — сказал Мосс с леденящим спокойствием. — Мне не нужны деньги, чтобы перебирать их в руках. Мне нужен большой и обеспеченный доход, достаточный для проведения моих экспериментов без осушения больничных фондов, которых мне всё равно не хватает. Если бы этот эксперимент меня не интересовал, я никогда не взялся бы за него и за пять миллионов, как бы они ни были мне нужны.

— Восемьдесят тысяч, — повторил Тальбот.

— Ну и держитесь за ваши деньги, пока не сгниёте вместе с ними. Сколько вам там осталось с вашей прогрессирующей грудной жабой? Около шести месяцев, не больше.

Трость старика нервно застучала по полу.

— Ваша взяла, шантажист, — сдался Тальбот.

Мосс рассмеялся. Вуд услышал скрип мебели, когда собеседники поднялись и направились к лестнице.

— Хотите ещё раз взглянуть на Вуда и собаку, Тальбот?

— Нет, я и так уже убедился.

— Тогда избавься от них, Кларенс. Только не вздумай больше оставлять их на улице, чтобы дать пищу для размышлений пронырливым репортёрам Тальбота. Надень на револьвер глушитель. Он внизу. Потом обработай трупы кислотой.

Глаза Вуда в ужасе обежали комнату. Ему и его телу необходимо вырваться отсюда. Но если он уйдёт один, то ему уже никогда не стать самим собой.

Но они находились на втором этаже, в задней части дома. Даже будь здесь пожарная лестница, окна ему всё равно не открыть. Выход оставался только один — через дверь.

Каким-то образом он должен ухитриться повернуть ручку двери, пойти на риск наткнуться на лестнице или внизу на Кларенса и Мосса, да потом ещё открыть дверь на улицу.

Собака в его теле жалобно завизжала. Вуд пытался преодолеть инстинктивный страх, охвативший его животный мозг. Необходимо сохранять хладнокровие.

Снизу доносились гроыхающие шаги Кларенса, который ходил по комнатам в поисках глушителя к своему револьверу.

* * *

Гилрой закрыл за собой дверь телефонной будки, выудил из кармана монетку и сбил на затылок свою бесформенную фетровую шляпу.

— Дайте мне шефа, — сказал он.

Редактор рассеянно приветствовал его. Гилрой знал, что тот пришёл совсем недавно и разбирал бумаги и прессу у себя на столе, ища свежую информацию.

— Это Гилрой, шеф.

— Что у тебя по кататоникам?

— Ничего, шеф, — мрачно ответил Гилрой.

— Где ты сейчас находишься?

— Весь день провёл в больнице, наблюдал за кататониками и ждал, пока проклюнется какая-нибудь идея.

— Ну и как? — сочувственно спросил редактор.

— Ни черта. Они беззвучны и неподвижны, а врачи ничего путного не говорят. А что у вас из полиции и из других больниц?

— Я как раз просматривал сообщения, когда ты позвонил. Вот... их отпечатки пальцев ранее зарегистрированы не были. Ни в одном полицейском участке их фотографий не опознали.

— Больницы за пределами Нью-Йорка проверяли? — с надеждой спросил Гилрой.

— Исчезнувших пациентов нигде не числится.

Гилрой вздохнул и выразительно пожал плечами.

— Итак, всё впустую. Тщательно же этих людей отбирали. По всей стране газеты печатают их фотографии, а у них, оказывается, ни друзей, ни родственников, ни приводов в полицию.

— Как насчёт чисто гуманного подхода? — подбадривающе спросил редактор. — Как они беспомощны, как плохо были одеты, истощены, как их сейчас кормят... Состряпай историю о том, кем они могли быть, судя по их рукам и чертам лица. Неплохой поворот, а?

— Нет, шеф, — простонал Гилрой, — я побит. А стряпать такие истории не по моей части. Я ведь не сопливая баба. Работать мне здесь не с чем. У этих бродяг никаких концов не найдёшь. Кто они, неизвестно, откуда взялись, неизвестно, что именно с ними произошло, тоже неизвестно.

— Вот что, Гилрой, — резко выпалил редактор. — Прекрати это нытьё, слышишь? Начальник в этой газете я, и поскольку увольняться ты, вроде бы, не собираешься, я тебе могу приказать собирать любую информацию, которая мне понадобится, хоть количество новорождённых за сутки. Ты решил, что мы напали на след сенсации, и меня в этом убедил тоже ты. И я до сих пор убеждён! Я хочу, чтобы ты выяснил всё насчёт этих кататоников. Откуда они взялись и как дошли до нынешнего состояния. Того же хочет и читатель. Я не остановлюсь, пока не добьюсь своего. Ясно? Начинай работу и вгрызайся в неё. Не давай сбить себя со следа. И, просто, чтобы показать тебе свою поддержку... Санкционирую тебе неограниченные представительские расходы по собственному

усмотрению. Берись за дело и разработай этих кататоников как только сумеешь.

На секунду Гилрой потерял дар речи.

— Вот чёрт... — пробормотал он в смущении. — Всё сделаю, шеф. Я как-то не думал, что вы так настроены.

— Мы с тобой вдвоём живо расколем эту историю, Гилрой. Но попробуй мне только ещё раз зануть, что ты потерпел поражение, и можешь начинать рассыльным в любой другой газете. Понял? Это всё!

Гилрой нахлобучил шляпу.

— Понял, шеф, — заявил он мужественно. — Можете на меня полагаться до конца.

Решительной походкой он вышел из телефонной будки.

Да, всё, что ему требуется — это терпение и острая наблюдательность. Самое трудное — найти первую зацепку, а там история начнёт разматываться сама собой. Он зашагал к выходу из больницы.

Вдруг кто-то легко прикоснулся к его руке. Гилрой обернулся и увидел врача, с которым он беседовал у постели кататоника.

— Гилрой, если не ошибаюсь? Знаете, я тут размышлял на досуге об этих разрезах на шее...

— И что же? — насторожился Гилрой, доставая блокнот.

* * *

— Ты что, снова решил увольняться? — спросил его редактор десять минут спустя.

— Вот уж нет! — Гилрой положил блокнот на телефон. — Напал на горячий след. Слушайте внимательно. Меня на него навёл один из врачей «Мемориала». Он пришёл к выводу, что разрезы на шее были сделаны для обеспечения доступа к какой-то части мозга. Они проходят по касательной в четверти дюйма от спинного хребта так, чтобы не задеть позвонки. По словам врача, задних долей мозга под таким углом не достать, да и на шее нет такой области, которую было бы удобнее оперировать со спины, чем спереди или через рот. Если такой разрез не задевает спинного хребта, а в нашем случае

он его не задевает, то служить причиной паралича он никак не может.

Поэтому доктор и предполагает, что эти разрезы были сделаны с целью обеспечить доступ к какой-то доле самого основания мозга, которую сверху не достать. К какой именно, он не знает как и не знает, почему эта операция приводит к полному параличу. Уяснили, да? Так вот, к чему всё сводится: обычно, для того, чтобы достичь какой-то части мозга, приходится снимать изрядный кусок черепа. Здесь же к мозгу проникли через разрез, рассчитанный до последнего миллиметра. Хирург, сделавший его, работал исключительно по расчётам, как лётчик «вслепую» летит по приборам. Доктор из «Мемориала» говорит, что только четыре хирурга во всей стране способны на такую ювелирную работу.

— Кто именно, чёрт бы тебя побрал! Ты спросил, кто именно?

— Естественно, — обиженно ответил Гилрой. — В Нью-Йорке — Мосс, в Чикаго — Фабер, да ещё Кроуниншоу в Портленде, и, возможно, Джонсон в Детройте.

— Так чего же ты ждёшь? — завопил редактор. — Найди Мосса!

— Мосс исчез. Покинул свою квартиру, не оставив адреса. Он был зол, как чёрт. Правление потребовало его отставки, и он уволился с весьма подмоченной репутацией. Ходят слухи о злоупотреблениях больничными фондами.

— Найди Мосса, — ответил редактор. — С остальными я свяжусь сам. Похоже, что след хороший.

Гилрой повесил трубку и быстрыми шагами хищника понёсся к двери.

* * *

Вуд подобрался. Вот-вот Кларенс найдёт глушитель и поднимется наверх, чтобы пристрелить его и тело. Бежать, немедленно бежать! Неловко и неуклюже Вуд поднялся на задние лапы и попытался взять в передние лапы дверную ручку. Когти соскользнули с неё. Он услышал, как Кларенс остановился, услышал звук выдвигаемых ящиков.

Ужас охватил его. Он яростно вцепился в ручку зубами. Чувствительные дёсны пронзила боль, ручка поддалась, оставив во рту привкус меди.

Тяжестью своего тела он тянул ручку к полу, резко выгибая шею, чтобы повернуть её. Щёлкнул язычок, вылетая из замка. Он навалился на дверь. Снизу опять донеслись громовые шаги.

Бесшумно Вуд вышел в холл и осторожно заглянул на лестницу. Она всё ещё была пуста. Кларенса не было видно.

Вуд вернулся в комнату и дёрнул своё тело за одежду, пытаясь и вытаскивая его в холл. Они начали спускаться по ступенькам.

Как раз в это время из комнаты внизу вышел Кларенс и направился к лестнице. Вуд сжался в комок, услышав металлический звук — он понял, что Кларенс надел на револьвер глушитель. Уверенно взбегая вверх по лестнице, Кларенс оказался прямо перед ним. Открыв от удивления рот, Кларенс потянулся было за револьвером, но клыки Вуда впились ему в горло. Они клубком скатились вниз. Кларенс остался лежать на полу. Вуд, потянув за собой своё тело, рванулся к двери.

Услышав, как из задней комнаты выбежал на шум Мосс, он яростно впился зубами в ручку двери, охваченной страхом при мысли, что Мосс может настичь его раньше, чем он с ней справится.

Но замок щёлкнул, и он всей своей тяжестью навалился на дверь, распахивая её. Его человеческое тело на четвереньках последовало за ним. Он подтолкнул его в сторону Центрального парка, желая убраться подальше от Мосса.

Оглянувшись, он увидел, как доктор провожает их взглядом, стоя в двери, и в страхе потащил своё тело за угол, где можно было прикрыться потоком автомобилей.

Он избежал смерти, и тело его всё ещё было при нём, но паника не улеглась, а разгоралась всё сильнее. Как ему кормить своё тело, как ему найти для него приют, уберечь от Мосса и гангстеров Тальбота? И как заставить Мосса вернуть ему его собственное тело?

Но было очевидным, что первоочередная его задача спрятать тело подальше от чужих глаз. Оно было голодно и рыс-

кало в поисках еды. Вид человека, бегающего на четвереньках по тротуару и приносивающегося к нему, вызвал брезгливое внимание прохожих. Не прошло и минуты, как их чуть ли не окружила толпа. Вуд перепугался до смерти. Вцепившись зубами в одежду тела, он перетаскил его через улицу на другую сторону, где можно было укрыться за деревьями и кустами Центрального парка.

Однако Мосс времени зря не терял. Чёрная машина пронеслась на красный свет и устремилась к ним. С другой стороны мчался полицейский автомобиль с включённой сиреной. Чёрная машина сбавила ход. Вуд встал перед своим телом, рыча на двух приближающихся к нему полицейских. Один из них отшвырнул его ногой, другой просунул телу руки подмышки и попытался его поднять.

— Псих. Вообразил себя собакой, — сказал полицейский не без интереса. — Куда его, в дурдом?

Его напарник кивнул. Вуд обезумел. Он рванулся вперёд, злобно клацая зубами. Объясниться с людьми он не мог, но надо было что-то делать, чтобы защитить своё тело. Полицейский опять отшвырнул его ногой.

Внезапно он понял, что они пристрелили бы его, не будь они так заняты телом. Он метнулся в поток автомобилей, рискуя попасть под колёса.

— Всадить, что ли, в него пару пуль?

— Укусит ещё. Позвоним в участок из госпиталя.

Полицейский автомобиль рванулся с места. Вуд хотел бежать за ним, но другие машины вклинились между ними.

Он увидел, как большой чёрный автомобиль отчаянно развернулся и устремился к нему. Никто, кроме гангстеров Тальбота, не стал бы так упорно его преследовать.

Он метнулся к дорожке, ведущей в глубь парка, и скрылся в зарослях. Из-за кустов он видел, как вышедшие из машины гангстеры рассыпались в цепочку. Он тихо отполз вглубь кустов, оставляя их в стороне.

Пока что особой опасности они для него не представляли. Но он был убит потерей своего тела. Пока тело находилось рядом, оно было источником мужества, хотя он даже смутно не представлял себе, как заставить Мосса вернуть его. Сейчас же к проблеме, как заставить Мосса сделать операцию, добавилась проблема, как снова оказаться рядом со своим телом.

Но его желудок сводило от голода. Прежде, чем строить планы, необходимо было найти еду. Он осторожно выполз из своего убежища. Гангстеры уже скрылись из вида. После долгого выжидания в засаде он поймал белку и перегрыз ей хребет. При мысли о том, что придётся есть сырую тушку зверька, его чуть не стошнило. Положение его было ужасным. Люди Тальбота искали его, чтобы пристрелить, а полицейские тоже, вероятно, получили уже инструкцию уничтожить злобную бродячую собаку.

И в кошмарном сне такое не приснится. Он был абсолютно беспомощен. Против него ополчились преступный мир и силы охраны порядка. Тем, кто согласился бы ему помочь, он не в состоянии объявить, что он — человек. Да и кто способен ему помочь? Кто, кроме Мосса? Допустим, что ему удалось бы ускользнуть от полиции и от гангстеров, пробраться в госпиталь и каким-то образом объяснить... Ну, и что? Всё равно ведь никто, кроме Мосса, не сумеет выполнить операцию!

Он осторожно затрусил по парку. Необходимо разработать какой-то метод коммуникации. И найти кого-то, достаточно влиятельного, чтобы воздействовать на Мосса.

Но кто же, кто обладает такой силой и как с ним объясниться?

У самого выхода из Центрального парка беда чуть не настигла его. Он бежал по тропинке, идущей параллельно с проезжей дорогой. Курсирующая по дороге чёрная машина вдруг набрала скорость и пронеслась мимо него. Он услышал приглушённый хлопок и свист пули над головой. Отпрянув в кусты, он заметался от дерева к дереву, стараясь двигаться так, чтобы всё время находиться в укрытии.

Гангстеры высыпали из машины. Но продирались они сквозь кустарник медленно, а проворные ноги Вуда унесли его от них на добрых три сотни футов.

Выбравшись из парка, он понёсся по улицам, не обращая внимания на транспорт. На Бродвее он почувствовал себя в большей безопасности среди густой толпы людей. Бандитов Тальбота здесь можно было не бояться, но на мостовой показался полицейский автомобиль. Вуд спрятался за переполненным мусорным баком у какой-то грязной забегаловки.

Пронизывающий ветер с реки сорвал газету, лежавшую поверх груды мусора в баке, и прилепил её на стенке соседнего бака.

Вуд вспомнил, как день назад он стоял у входа в контору по найму, разговаривая с одним из гангстеров Тальбота.

Ему тогда ещё пришлось в голову, что лучше уж впасть в кататонию, чем голодать. Теперь-то он так не подумал бы.

Привстав на задних лапах, он перевернул мусорный бак. Бак с грохотом покатился к сточной канаве, рассыпая мусор по всему тротуару. Прежде, чем из двери выскочил, ругаясь, швейцар, Вуд раскидал лапами груды отбросов, схватил зубами скрученную газету, отдающую кислым запахом гниющей еды, и пустился наутёк.

Укрывшись от ветра на задворках какого-то дома, он расправил газетный лист и пробежал его глазами. Газета была вчерашняя, та самая, которую он выбросил у двери агентства

по найму. В левой колонке он нашёл статью о кататониках, подписанную журналистом Гилроем.

Вуд быстро затрусил по улице, тесно прижимаясь к домам, тщательно наблюдая за автомобилями, в которых могли быть либо гангстеры, либо полицейские...

Уже темнело. До захода солнца он успел пробежать добрых три мили. Запыхавшись, он остановился у громадного здания «Морнинг Пост». Здание казалось неприступным.

Он наблюдал за входной дверью главного подъезда, выжидая момент, когда кто-нибудь распахнёт дверь так, чтобы можно было проскочить вовнутрь. С надеждой смотрел он на подходившего к двери пожилого джентльмена. Однако тот мягко, но решительно отпихнул его. Вуд обнажил клыки, для него это была единственная форма ответа. Человек торопливо закрыл за собой дверь.

Вуд избрал иную тактику. Он увязался за высоким тощим парнем, лицо которого казалось добрым, несмотря на выражение угрюмой сосредоточенности. Вуд неуклюже завился хвостом, демонстрируя свои дружественные намерения. Высокий человек остановился, почесал Вуда за ушами, но в дверь с собой не пропустил. Но прежде, чем он успел закрыть её, Вуд яростно прыгнул, чуть не сбив его с ног, и оказался в вестибюле, где понёсся между бесчисленными ногами, устремившись к лестнице. Высокий человек выругался ему вслед.

Вуд миновал этаж за этажом. Вот, наконец, он у двери отдела новостей. Он остановился, перевёл дыхание. Потом зажал ручку двери в зубах и повернул её. В его чувствительные ноздри ударила едкая волна табачного дыма, уши пронизала боль от грохота и шума. Пробиваясь между рядами заваленных бумагами столов, он с надеждой оглядывался по сторонам. Он видел людей, склонившихся над машинками, не замечающих ничего, кроме своей работы, юнцов, бегом разносящих между столами пачки бумаг, мужчин и женщин, летящих из стороны в сторону. Умные, проникательные, внимательные лица...

Кое-кто на секунду отрывался от своего дела, чтобы взглянуть на него, но сразу же возвращался к работе, почти его не видя.

Он дрожал от волнения. Ведь это были люди, которые могли и воздействовать на Мосса, и понять его, Вуда. Кто, как не они! Лапой он дёрнул за ногу репортёра, печатающего на машинке, заискивающе глядя на него. Репортёр посмотрел под стол и отпихнул Вуда.

— Отвяжись, — сказал он сердито. — Иди домой.

Вуд отпрянул. Мозг его напряжённо заработал: как же ему изложить свою историю? Чем заменить слова человеческой речи? И его осенило. Он же специалист по шифрам и кодам...

Он залаял, чередуя длинные протяжные звуки с короткими. Испуганно завопила женщина. Репортёры повскакали с мест и встали плотным кругом, не смея подойти к Вуду вплотную. Вуд пытался пролаять текст азбукой Морзе и с надеждой искал глазами того, кто поймёт его. Но встречал он в ответ лишь неприязненные холодные взгляды.

— Это та самая псина, которая напала на меня внизу, — сказал высокий худой человек.

Вуд залаял было снова, но из отделённой стеклянной перегородкой клетушки вышел редактор.

— Что за шум? — требовательно осведомился он и увидел Вуда. — Убрать к чертям этого пса!

— Вот, вот! Уберите-ка его отсюда! — заорал худой.

— Слушай, Гилрой, он же очень милый и ласковый пёс. Посмотри-ка на него своим гипнотическим взглядом.

Вуд моляще впился глазами в Гилроя. Хоть он и не мог объясниться, но автора статей о кататониках он нашёл! Гилрой шёл прямо на него, произнося обычные в таких случаях фразы, которыми успокаивают разбушевавшихся собак.

Вуд так был близок к успеху! Ему бы только суметь выразить себя, прежде, чем его поймают и выдворят.

Прыгнув на стол, он смахнул на пол банку чернил, растёкшихся тёмной лужей. Не теряя ни секунды, ой схватил лист белой бумаги, обмакнул лапу в чернила и попытался писать.

Но лучик надежды мгновенно погас. Собачье когти — это не человеческий палец. На бумаге, просто получился отпечаток его лапы.

Уныло, но не сопротивляясь, чтобы не злить Гилроя, Вуд позволил завести себя в лифт. Он опять неуклюже завилял хвостом. Потом сел и попытался состроить гримасу, которая на человеческом лице показалась бы дружелюбной. Гилрою она понравилась. Он потрепал Вуда по голове. И решительно выставил его за дверь.

Но Вуд не отчаивался. Как бы то ни было, он сумел проникнуть в редакцию и обратить на себя внимание. Он знал, что газета — это единственная сила, способная повлиять на Мосса. Осталось лишь решить проблему коммуникации. Но как? Писать лапой он не мог, и никто в редакции не понял азбуки Морзе.

Прижавшись к белой бетонной стене, он лихорадочно искал выход. У него не было ни речи, ни послушных пальцев. Единственное, что оставалось — лаять. Должен хоть кто-то в этой толпе услышать в его лае точка и тире.

И, действительно, не одна голова повернулась к нему. Уж что-что, а внимание-то он к себе привлекал. Но понять его так никто и не понял.

На какой-то миг он потерял рассудок. Он заметался под ногами прохожих, заливаясь хриплым отчаянным лаем, прыгая на людей, которые казались ему понятливее остальных, не отставая от них, пока не становилось ясным, что послание до них не дошло.

Никаких результатов, кроме робкого похлопывания по голове или испуга. Он смолк и опять прижался к стене, чувствуя себя побеждённым. Никому и в голову не придёт услышать морзянку в собачьем лае. Когда он был человеком, он, наверное, реагировал бы точно так же. Люди видят в его лае только лишь попытку собаки обратить на себя внимание. И ничего более.

Он долго рыскал по улицам, завидуя ступающим вокруг него человеческим ногам, твёрдо и уверенно идущими в нужном им направлении. Самоуверенным, эгоистичным ногам, не

сделающим ни одного шага в сторону от своего пути, чтобы помочь ему.

Владельцы этих ног обладали способностью выражать самые тонкие оттенки мысли и чувства речью, письмом, телефонным звонком...

Его же голос был всего-навсего хриплым пронзительным воем, раздражающим людей. Лапы его были пригодны только к бегу, а заострённая морда не могла выражать никаких человеческих чувств.

Наконец, после долгих поисков, он наткнулся на огрызок карандаша. Стиснув его в зубах, он затрусил к докам на Западной улице.

Ветер с реки гонял на берегу многочисленные обрывки бумаги. Некоторые были довольно большими и относительно чистыми.

Поймав кусок бумаги, он твёрдо зажал его в лапах. Языком и зубами он переместил огрызок карандаша во рту так, чтобы он находился прямо над бумагой. С трудом он вывел большими печатными буквами: «Я человек». Эти два слова заняли у него всю страницу, не оставляя места для дальнейшей информации.

Выплюнув карандаш, он стиснул бумагу в зубах и побежал обратно к зданию газеты. Впервые с момента своего побега от Мосса, он почувствовал уверенность в себе.

Вуд проскользнул в вестибюль с группой усталых молодых репортёров, возвращающихся с заданий. Он снова поднялся по лестнице, положил бумагу на пол и сжал дверную ручку своими мощными зубами.

Гилрой сидел за своим столом, печатая статью на машинке, Вуд подбежал к нему с бумагой в зубах и положил ему лапу на колено.

— Какого чёрта! — выдохнул Гилрой, испуганно отдёргнул ногу и отпихнул Вуда.

Но Вуд не уходил. Дрожа, он вытягивал шею как можно дольше, пока Гилрой не выхватил у него изо рта лист бумаги. Вуд застыл, жадно впившись глазами в тощего репортёра.

Лицо Гилроя потемнело от гнева.

— Кто это здесь вздумал дурака валять? — неожиданно заорал он, но почти никто не обратил внимания на его крик. — Кто запустил сюда эту псину и всунул ей в зубы кретинскую записку? Ну, сознавайтесь, кто?

Вуд запрыгал вокруг него, истошно лая, пытаясь объяснить

— Да заткнись ты! — загремел Гилрой, — Эй, рассыльный! Вышвырни его отсюда, да смотри, не пускай обратно. Не бойся, он тебя не укусит.

И опять Вуда постигла неудача!

Но он не намерен был сдаваться. Когда прошёл истерический приступ отчаяния, мозг его заработал ясно и чётко. Неудача? Да, но всё же он нашёл способ коммуникации. Ему просто не хватило места, чтобы разъяснить всё, как надо. Но он напал на правильный путь, которым и надо теперь следовать.

Прежде, чем рассыльный загнал его в угол, Вуд подпрыгнул и схватил со стола карандаш.

— Отнять у него карандаш, мистер Гилрой? — спросил мальчик.

— Я тебе дам свой, если не хочешь, чтобы тебе руку отхватили, — фыркнул Гилрой, возвращаясь к своей машинке.

Вуд спокойно сидел у ног рассыльного, пока тот вызывал лифт. Теперь ему не терпелось поскорее выбраться из здания и вернуться в найденное им в доках убежище, где он мог бы обдумать возможность более подробного послания.

Он понял, что алфавиту нужно найти какую-то замену, доступную его неуклюжим зубам.

* * *

Настойчивые попытки собаки вернуться в редакцию раздражали Гилроя.

Скомкав принесённую ею бумажку, он швырнул её в корзину. Какой-то странный розыгрыш.

Его длинные пальцы проворно выстукивали последнюю страницу статьи. Собрав пачку листков, он направился к редактору.

Редактор внимательно изучил первый абзац и торопливо пробежал глазами остальной текст. Он явно чувствовал себя неловко.

— Ну как, неплохо? — вырвалось у Гилроя.

— А-а, что? — редактор растерянно посмотрел на него. — Нет, хорошая статья. Очень даже хорошая, по правде говоря.

— Я должен благодарить за этот материал вас, — восхищённо продолжал Гилрой. — Сам-то я уже был готов сдать. Казалось, что зашёл в тупик. А сейчас вдруг полиция подбирает на улице психа, который ведёт себя по-собачьи, а на шее у него точно такой же разрез, как у тех троих. Может быть, этот факт и не очень проясняет картину, но, по крайней мере, придаёт ей новый поворот. Ничего, теперь-то я уверен, что мы докопаемся...

Редактор рассеянно слушал Гилроя. Его беспокойство возрастало с каждой фразой репортёра.

— А ты его видел, этого последнего?

— Разумеется! Я законтачил с тем доктором из больницы. Ей-богу, не знай я всей истории с самого начала, я бы тоже принял этого человека за психа. Он скачет по полу, всё обнюхивает и пытается лаять. Но на шее у него разрез, зашитый двумя швами!

— Да, события разворачиваются интересно и быстрее, чем я ожидал, — сказал редактор, тщательно складывая странички статьи Гилроя в ровную стопку. — Но вот только... — Он запнулся. — Не знаю даже, как и сказать тебе это, Гилрой.

Репортёр насупил брови.

— Что не так на этот раз? — спросил он недоумённо.

— Видишь ли, я вынужден снять тебя с этого дела. Мне очень жаль, потому что оно начало вырисовываться. Мне очень жаль, Гилрой, но, чёрт возьми, такие уж у нас порядки.

— Такие, да? — Гилрой впился руками в крышку стола и наклонился к редактору. — На чьи мозоли мы наступаем? Не понимаю. Больнице это всё безразлично. Имён я никаких не называю. Просто потому, что не знаю, кого назвать. Так в чём же дело?

Редактор пожал плечами.

— Ничего не могу поделать. С приказами вышестоящих не спорят. Но у меня есть интересное задание для тебя...

Гилрой в ярости отошёл к окну. «Отдел рекламы вряд ли может стоять за запретом, — подумал он. — Они от этой больницы рекламы не имеют. Что же касается большого босса Тальбота — то он вмешивался в дела редакции только в тех случаях, когда надо было прикрыть какую-нибудь грязную историю по части уголовщины. Редакторы? Они от силы поддаются на дюйм, когда общественное мнение требует от них милую. Следовательно, раз редакторы и отдел рекламы здесь ни при чём, никого, кроме Тальбота, не остаётся...»

Гилрой нетерпеливо забарабанил костяшками костлявых пальцев по оконной раме. Зачем Тальботу понадобилось прикрывать этот материал? Допустим, он нашёл новый способ справляться с предателями. Сомнительно. Тальбот не пойдёт на такие ухищрения, когда у него всегда остаётся старый способ, дешёвый и эффективный: залить тело в цементный блок и отправить на дно реки.

— Сдаюсь, — сказал Гилрой, не поворачиваясь. — Никак не пойму, что Тальботу за корысть в этом деле.

— И я никак не пойму, — признался редактор.

Услышав эти слова, Гилрой резко развернулся на каблучках.

— Так вы знали, что приказ исходил от Тальбота?

— А от кого же ещё? Но не расстраивайся, дружище. Забудь на время всю эту кататонию. Займись-ка завтра информацией, которую Джонсон передал по телефону из ратуши.

Гилрой рассеянно пробежал глазами протянутую ему бумажку. Гнев на его лице сменился изумлением.

— Что за чертовщина? Единственное, что я понял из этого сообщения: общество защиты животных и любителей собак заявили мэру протест против организованного избиения в городе всех рыже-белых колли!

— Вот именно.

— И у вас сложилось мнение, что за этим избиением стоит банда Тальбота?

Когда редактор кивнул, Гилрой в отчаянии всплеснул руками.

— Я ничего не понимаю. С какой стати эти бандиты пытаются замять материал о кататониках и пытаются перестрелять ни в чём не повинных колли? Пойду домой и нарежусь в стельку!

Он пулей вылетел из кабинета. Редактор даже не успел пожать плечами, как Гилрой ворвался обратно.

— Шеф, мы с вами — пара патентованных идиотов! — завопил он. — Помните эту колли, ну, ту, которая прибежала с куском бумаги в зубах и которую мы выставили на улицу? Это же и есть собака, которую пытаются укокошить люди Тальбота! Она хотела принести нам записку от кого-то!

— Чёрт возьми, — редактор вскочил со стула. — А где она?

Гилрой выразительно всплеснул руками.

— Пошли! К чертям пальто и шляпы!

Они вылетели в комнату репортёров, где сотрудники ночной смены читали за столами свои бумаги.

— Все бросайте свои дела и живо за мной! — крикнул редактор.

Он впихивал их в лифт, растерянных и ничего не понимающих.

Выскочив на улицу, он огляделся по сторонам.

— Здесь его нет, Гилрой. Вот что, дубины, всем рассыпаться по улицам! Как только увидите рыже-белую колли, свистните ему. Пёс сам к вам подойдёт. Вперёд, и никаких вопросов!

Гилрой оставил редактора свистеть у подъезда, а сам засвистел по Западной улице. Целый час он шатался, посвистывая, в районе мрачных доков. Ему попались несколько бездомных дворняжек, но колли нигде не было видно. В конце концов устав и проголодавшись, он вернулся к редакции, сердясь на себя за то, что упустил собаку, когда она приходила к нему сама.

Редактор всё ещё свистел у подъезда что было сил, собрав вокруг себя небольшую толпу прохожих, надеющихся увидеть что-нибудь из ряда вон выходящее. Один за другим возвращались репортёры.

— Ну что? — спросил редактор, на минуту перестав свистеть.

— Пока ничего. А здесь пёс не показывался?

— Пока нет. Но придёт, никуда не денется, — и редактор засвистел снова, не обращая никакого внимания на косые взгляды и грубые замечания прохожих. Он был человеком стальной воли.

Послышался топот ног. Из-за угла вынырнул один из репортёров, свистевший вслед удирающей от него собаке.

— Вот она, вот она! — завопил Гилрой и рванулся сквозь толпу зевак. Собака бросилась ему навстречу и Гилрой вырвал у неё из зубов грязный кусок бумаги. С другой стороны улицы показалась большая чёрная машина, и собака мгновенно скрылась в доках.

Гилрой кинулся было за ней, но остановился и глянул на бумагу, которую держал в руке. Подбежал редактор, нещадно поливая его руганью за то, что он упустил собаку. Гилрой протянул бумажку ему.

— Ну и собачка, — сказал Гилрой. — Почитайте-ка.
Брови редактора поползли вверх. На бумажке было написано:

;;;; ;;;, " ;;;;" " ;;;;"
;; ;;; ;;; " ;;;" ; ; ;;; " ;;;;

— Будь я проклят! — воскликнул редактор. — Это ещё что такое? Ничего не понимаю!

— И не поймёте, — ответил Гилрой. — Это шифр. У вас есть знакомые криптографы?

— Можно обратиться в полицию или в ФБР.

— Как бы не так, отдать им сами не знаем что. Оставайтесь здесь, шеф. Я вернусь с расшифровкой.

Он исчез прежде, чем редактор успел раскрыть рот. В каталоге библиотеки на 42 улице Гилрой зашёл в телефонную будку и набрал номер.

— Кто это? Ротбарт? Слушай, Ротбарт, это Гилрой. Будь другом, спустись на улицу. Там у подъезда стоит шеф. Позови его к телефону, а сам постой там вместо него. Если увидишь рыже-белого колли, хватай его и тащи в контору. Договорились? Спасибо.

— Как дела, Гилрой? — с надеждой спросил редактор несколько минут спустя.

— Пока никак, шеф. Поэтому я и звоню. Я здесь просмотрел книги по военной дешифровке, всякую детскую ерунду и историю криптографии. Нашёл несколько интересных шифров, но ничего, похожего на наш.

— Что собираешься делать дальше?

— Не знаю, право. Может быть, в полицию пойду.

— Ни в коем случае, — твёрдо сказал редактор. — Попроси библиотекаря тебе помочь.

Повесив трубку, Гилрой подошёл к дежурному.

— Где бы мне найти человека, разбирающегося в криптограммах?

Дежурный вежливо пошептался с коллегой.

— Хранитель отдела рукописей знает в них толк, — сказал он, возвращаясь к Гилрою. — Вниз по лестнице...

Быстро поблагодарив его, Гилрой бросился в указанном направлении.

— Взгляните-ка, — сказал журналист, кладя бумажку на стол.

— Похоже, занятная штучка, — осторожно сказал хранитель, — но за двадцать лет мне не попало ни одной, которую я не мог бы расколоть. — Он ещё раз посмотрел на бумажку.

— Можете сказать, что в ней написано?

— Дайте мне попробовать. Шифр Бэкона разгадали только три столетия спустя.

Гилрой застонал. Таким сроком он не располагал.

— Здесь ясно видны группы, — продолжал хранитель, которому триста лет были нипочём. — Принцип частотности здесь не годится.

— Это я и сам знаю, — хрипло сказал Гилрой.

— Если вы такой умный, то зачем вы пришли ко мне?

— Ладно, ладно, не буду вам мешать, — и испуганный журналист сбежал.

Вернулся он час спустя, после того, как поел и ишагал окрестные кварталы, нервно жуя сигарету за сигаретой.

На столе перед хранителем выросла стена бумаг высотой по грудь Гилрою.

— Что-нибудь получилось?

Хранитель был слишком занят, чтобы отвечать. Он молча выписывал на листке бумаги букву за буквой:

«кататоников оперировал мосс

на деньги тальбота спасите меня от них».

— Если бы я ещё и знал, что автор имел в виду, — сказал хранитель, — то, возможно, увидел бы в этой фразе даже смысл.

Гилрой вырвал бумажку у него из рук. Дверь громко захлопнулась за ним.

Трясаясь в такси обратно в редакцию, Гилрой особой радости не испытывал. Если собаку убили, на всей этой истории с кататониками можно поставить крест. Собака была единственной ниточкой к автору послания.

Вуд пробирался тёмными узкими проходами за фруктовым рынком на Западной улице. Здесь можно будет укрыться среди ящиков с фруктами, если гангстеры Тальбота нападут на его след. От реки пришлось уйти, потому что они наверняка опознали его и вызвали подкрепление. На своих быстрых автомобилях они без труда оцепят район, в котором он находится, и прочешут его, пока не загонят Вуда в угол.

Но то, что его вышли искать газетчики, было гораздо важнее. Расшифровали они его послание или нет, в любом случае Гилрой понял, наконец, что он ищет контакта с ними.

Безошибочное собачье чутьё вывело его в ближайшую к редакции точку. Он осторожно выглянул на угол. Чёрной машины не было видно: но ему придётся проскочить без прикрытия добрых сто ярдов, да ещё под самыми фонарями. Напряглись мощные мышцы ног.

Стрелой он пронёсся по тротуару прямо к ногам человека, нетерпеливо переминающегося у двери.

— Наконец-то, — воскликнул редактор. — Вовнутрь, живо! — и распахнул дверь. В считанные секунды оба влетели в лифт и вот они уже в кабинете редактора.

— Надеюсь, никто тебя не видел, а то обоим крышка, — буркнул редактор, усаживаясь за стол.

Вуд растянулся на холодном полу, слушая как редактор проклинал Гилроя за то, что тот до сих пор отсутствует. Вуд надеялся, что к этому времени его послание уже расшифруют и поймут, что он человек в собачьей шкуре. Но стало ясно, что Гилрой всё ещё занят с расшифровкой.

В любом случае, он был пока что в безопасности. Гилрой скоро вернётся, он всё узнает. Надо потерпеть. Вуд поднял голову и прислушался. Он узнал характерную походку Гилроя. Хлопнула дверь.

— А, собака уже здесь? Посмотрите-ка, что я принёс! — Он положил бумагу на стол перед редактором.

Вуд не сводил глаз с лица редактора, жадно читающего принесённую Гилроем бумагу. Вуд даже не обратил внимания на огромный бутерброд, который Гилрой положил рядом

с ним. Он был ошеломлён тем, что Гилрой не проявил к нему никакого интереса. Он так ничего и не понял, но, может быть, редактор поймёт?

— Вот, значит, как! Стало быть, и Мосс, и Тальбот! Теперь вырисовывается ясная картина.

— С Моссом мне всё понятно, — сказал Гилрой. — Он единственный, кто мог выполнить такую операцию. Но Тальбот... Ему-то какой прок в этом деле? И кто же, в конце концов, послал нам шифровку? И откуда он получил информацию?

Вуд чуть с ума не сошёл от отчаяния. Он ведь мог всё объяснить, он-то уж лучше всех знал, какой Тальботу прок от экспериментов Мосса. Вопрос коммуникации был им решён. Тальбот и Мосс были разоблачены, но он и на шаг не приблизился к тому, чтобы вернуть себе своё собственное тело.

Ему придётся написать ещё одну шифровку — длинную и более подробную, которая ответит на все вопросы, только что заданные Гилроем. Но, чтобы сделать это... Его прямо дрожь пробрала. Чтобы сделать это, ему снова придётся пробираться сквозь патрули гангстеров, ведь его шифровальная таблица была нарисована на полу в углу убежища.

— Надо заставить пса отвести нас к автору шифровки, решительно сказал Гилрой. — Это единственный способ загнать в угол Тальбота и Мосса. Пока что у нас есть только обвинение, но ни одного юридического доказательства, с которым можно было бы выступить в суде.

— Он должен находиться где-то недалеко отсюда, — сказал редактор.

Гилрой посмотрел на Вуда.

— Я тоже так думаю. Пёс приходил сюда и лаял, пытаясь заставить нас следовать за ним. Мы его выгнали, но через полчаса он вернулся, принеся в зубах написанную каракулями записку. Потом, ещё через час, он принёс шифровку. Следовательно, её автор находится где-то рядом. Дадим псу поест, а затем...

Он вдруг шумно проглотил слюну и изумлённо взглянул на редактора. Вскочив с места, он кинулся к Вуду и запустил пальцы в густые волосы его шеи.

— Смотрите, шеф, это же хирургический пластырь! Когда собака наклонила голову, чтобы откусить кусок, волосы упали в сторону, и я его заметил.

— По-твоему, эта собака — кататоник? — улыбнулся редактор. — Ты скоро свихнёшься на этой почве, Гилрой.

— Весьма вероятно. Но я, всё же, хочу посмотреть, что скрывается под этим пластырем.

Сердце Вуда яростно забилося. Он знал, что разрез на шее его собачьего тела как две капли воды похож на те, которые Гилрой видел у «кататоников». Гилрой всё поймёт с первого же взгляда.

Когда Гилрой дёрнул пластырь, Вуд пытался стерпеть пронизывающую боль, но всё же дёрнулся в сторону. Рана была свежей, и густые волосы плотно прилипли к пластырю. Он позволил Гидрою сделать ещё одну попытку. Но боль была невыносимой. К тому же он боялся, что рана откроется.

— Прекрати, — сказал редактор. — Он тебя укусит.

Гилрой выпрямился.

— Можно снять пластырь с помощью эфира.

— Ты что, и впрямь думаешь, что его оперировали? Мосс на собаках не работает. Влип, наверное, в потасовку, или один из горилл Тальбота успел угостить его пулей.

Зазвонил телефон.

— И всё же, хотел бы я посмотреть, что скрывается под пластырем, — сказал Гилрой, пока редактор снимал трубку.

Все надежды Вуда мгновенно погасли. Он чувствовал себя виноватым в том, что невольно сопротивлялся Гилрою.

— В чём дело, Блэйн? — спросил редактор в трубку. Он внимательно слушал, лицо его нахмурилось.

— Дрянь дело, — сказал он Гилрою. — Автомобили Тальбота патрулируют наш район. Не знаю, право, как ты сумеешь пройти сквозь них с собакой.

Вуд встревожился. Он бросил недоеденный бутерброд и заворчал.

Гилрой с любопытством посмотрел на него.

— Я готов поклясться, что он понял ваши слова и реагирует на них.

— Обычная реакция собаки на голос.

— Нам надо доставить его к хозяину, — сказал Гилрой. — Могу это сделать, если вы со мной.

— Конечно, я с тобой. Но что ты намерен предпринять?

— Пошли! — Вуд и редактор, торопясь, последовали за тощим репортёром. Молча они дождались лифта, молча спустились в вестибюль.

— Ждите здесь, за дверью, — сказал Гилрой. — Когда я подам сигнал, бегите со всех ног.

Через несколько минут к подъезду подкатило такси и Гилрой, сидящий в напряжённой позе в кабине, открыл дверцу. Он наблюдал за углом улицы. Из-за поворота выехал чёрный автомобиль и медленно проплыл вдоль такси. В свете фонаря сверкнул ствол автомата. Гилрой подождал ещё минуту после того, как чёрная машина свернула на Западную улицу, и отчаянно замахал длинными руками.

— Быстро! Быстро! — хрипло крикнул он.

Редактор схватил Вуда на руки, толкнул дверь и вылетел на улицу. Такси рванулось с места. Вуд в отчаянии свернулся на полу. Они думают, что он отведёт их к своему хозяину, они до сих пор так и не поняли, что автором шифровки был он. Как ему объяснить им, наконец, что писал он?

— Думаю, что мы проехали достаточно, — сказал Гилрой и постучал пальцами по стеклянной перегородке, отделяющей кабину от водителя. Машина затормозила. Вуд решительно последовал за журналистами. Вести их он мог только в одно место. Он затрусил мелкой рысцой, чтобы они не отстали от него.

Гилрой и редактор глядели в темноту подвала, в котором Вуд нашёл убежище.

— Выходите! — сказал Гилрой. — Мы ваши друзья. Мы хотим вам помочь.

Ответа не последовало. Зажигая спички, они полезли вовнутрь.

Вуд остановился приблизительно в том месте, где днём начертил шифровальную таблицу, и залаял. Журналисты кинулись к нему.

— Увидел, должно быть, что-то, — шёпотом сказал редактор.

Гилрой прикрыл ладонью спичку, осветил и пожал плечами.

— Он на землю показывает, — сказал редактор.

Гилрой опустил спичку, но, прежде, чем свет достиг пола, он вскрикнул и выронил её, размахивая обожжёнными пальцами в прохладном воздухе. Редактор пробормотал слова сочувствия и зажёл новую спичку.

— Это и есть то, что мы ищем? Квадрат на земле, испсанный буквами и цифрами?

— Я вернусь через секунду, — ответил Гилрой. В темноте его лица не было видно, но Вуд заметил, как вдруг напрягся его голос. — Пойду принесу фонарь.

— Что мне делать, если придёт этот человек? — поспешно спросил редактор.

— Ничего, — отрезал Гилрой. — Он не придёт. На таблицу только не наступите.

Гилрой исчез. Редактор зажёл очередную спичку.

— Что он, чёрт его побери, здесь увидел?..

Никогда в жизни не был ещё Вуд так взволнован. В самом деле, что увидел Гилрой? Была ли это очередная догадка, вроде той, которая осенила его в кабинете редактора, когда он понял, что люди Тальбота охотятся именно за Вудом? Или он понял, наконец, истинную сущность Вуда? Гилрой сказал, что автор этой таблицы не придёт, но его слова могли означать всё, что угодно. Вуд лихорадочно искал способ раз и навсегда объяснить, кто он. Но нашёл он только пассивное решение: следовать тому, что скажет Гилрой.

Когда, наконец, Гилрой вернулся, освещая себе путь ярким лучом света, редактора прорвало.

— Кончай со всем этим, Гилрой. Не могу же я терять целую ночь. Даже если мы и раскопаем правду, напечатать мы всё равно ничего не сможем...

Гилрой не обращал на него внимания. Он направил свет мощного фонаря на квадрат с шифровальной таблицей.

— Смотрите сюда. — Сказал он и внимательно поглядел на Вуда, который тоже повиновался его команде и стал рядом с редактором.

— Тот, кто сделал эту таблицу, был очень осторожен. Он стоял спиной к стене, чтобы его никто не застал врасплох. Таблица обращена к нам верхом. Стойте на месте! — резко добавил он, увидев, что редактор хочет обойти таблицу с другой стороны. — Отпечатки ваших ног нам не нужны. Присмотритесь внимательно туда, где должен был стоять тот, кто писал.

Редактор пристально посмотрел.

— Что же ты здесь увидел? — спросил он озадаченно.

— Земля сырая и довольно мягкая. И на ней сохранились отпечатки ног, которые вы только что чуть не затоптали. Но не человеческих ног!

Редактор прочистил горло.

— Брось дурака валять!

— Целое, — сказал Гилрой почти что самому себе, — всегда больше, чем просто сумма составляющих его частей. Перед вами ряд ничем не связанных между собой фактов. Совершенно очевидно несвязанных. Потом вылезает один факт — который отнюдь не кажется важнее всех остальных, — но вдруг всё становится на свои места, и перед вами подробная картина.

— Что ты бормочешь? — спросил редактор.

Гилрой согнул свою длиннющую спину и подобрал с пола огрызок карандаша. Он повертел его в руках, прежде чем отдать редактору.

— Это тот самый карандаш, который собака схватила со стола, когда мы выгоняли её из редакции. Вот, пожалуйста, следы зубов на боковых гранях. Собака несла его в зубах. Но вот следы зубов у тупого конца карандаша. Может быть, я и схожу с ума... — Он достал из кармана грязный листок с шифровкой и распрямил его. — Я сразу обратил внимание на эти пятна, но ничего тогда не понял. Как по-вашему, что это такое?

Редактор послушно исследовал бумажку в свете фонаря.

— Возможно, отпечатки ладони, — сказал он.

— Детской, что ли? Нет. Мы оба знаем, что это отпечатки лап. Точно такие же отпечатки лап, как и у таблицы. Вы ведь

уже поняли, что у меня на уме. Посмотрите только, как слушает нас пёс.

Не повышая голоса, он обернулся и сказал: «А вот и автор записки пожаловал».

Инстинктивно Вуд обернулся тоже, но никого не увидел. Повернувшись обратно и посмотрев на Гилроя, он заметил страх в его угрюмых глазах.

— Зарубите это себе на носу и не обманывайте себя, шеф. Мосс и Тальбот создали оборотня!

Вуд залаял и радостно потёрся о ноги Гилроя. Его поняли!

Но редактор разразился смехом. Обыкновенным заливным смехом.

— Напрасно ты работаешь в газете, Гилрой. Время только теряешь зря.

— Допустим, — яростно ответил Гилрой. — А другое объяснение у вас есть? Собака прорывается в редакцию и начинает лаять. До меня только что дошло, что я никогда в жизни не слышал, как собаки лают то коротким, то протяжным лаем. Она миновала все этажи и отделы и попала именно в репортёрскую, потому что именно туда она и хотела попасть. Мы её выгнали. Она вернулась с бумажкой, на которой каракулями было написано: «Я человек». Эти два слова заняли у неё целую страницу. Попробуйте писать зубами и увидите, какие каракули у вас получатся.

Собаке было необходимо найти более экономную систему письма, вот она и воспользовалась простым шифром. Но потеряла свой карандаш. И украла один из наших. Потом пробралась обратно сюда, укрываясь от головорезов Тальбота. У таблицы нет отпечатков ног, но есть отпечатки лап. И на принесённой нам бумаге тоже следы лап. А этот пёс слушает каждое наше слово и понимает его. Когда я сказал, что автор записки стоит за его спиной, он повернулся. Что вы скажете на это?

Но слова Гилроя всё ещё не убедили редактора.

— Хорошая дрессировка...

— При всём моем к вам уважении должен сказать, что мозги у вас куриные. Эй, как тебя по имени, — сказал он Вуду, — чтобы ты сделал, если бы здесь был Мосс?

Вуд зарычал.

— Раз у тебя хватило ума придумать код, то хватит ума и найти способ, чтобы всё нам рассказать. Всё, что произошло.

Это воистину была триумфальная минута для Вуда. Пусть он не отвоевал ещё своё тело! Теперь это лишь вопрос времени. Его бурной радости, вызванной словами Гилроя, было достаточно даже для лишённого всякого воображения редактора.

Гилрой поднял с пола острую деревяшку и быстро начертил на земле линию маленьких алфавитных знаков. Потом, отшвырнув палку, отступил на шаг и осветил фонарём.

— Выкладывай всё.

Вуд прыгал перед нарисованными на земле буквами, тыкась носом по очереди в те, которые были нужны.

Т-а-л-ь-б-о-т-у н-у-ж-н-о з-д-о-р-о-в-о-е
м-о-л-о-д-о-е т-е-л-о.
М-о-с-с с-к-а-з-а-л
ч-т-о м-о-ж-е-т э-т-о с-д-е-л-а-т-ь.

— Чёрт побери! — вырвалось у редактора.

В наступившей тишине было слышно лишь возбуждённое сопение собаки и тяжёлое дыхание мужчин.

Вуд добился своего!

* * *

Гилрой сидел за машинкой в своей квартире. Вуд, стоя у него за спиной, следил за пальцами, быстро мелькающими по клавиатуре. Редактор нервно расхаживал взад и вперёд по комнате.

— Потерял столько времени, — жаловался он, — а если напечатать эту историю, то вообще потеряю всё. Чёрт побери, Гилрой, что, по-твоему, подумают о ней читатели, если я сам до сих пор не могу в неё поверить?

— Гм-гм, — промямлил Гилрой.

— Ты понимаешь, что нам обоим это будет стоить работы?

— Перспектива потерять работу не так уж меня волнует, ответил Гилрой, не отрываясь от машинки. — Гораздо больше меня волнует то, что Вуд должен получить своё тело обратно. И без нашей помощи ему не справиться.

— Ты не находишь, что это звучит смехотворно? «Вуд должен получить своё тело!» Представь только, что сделают из этой фразы другие газеты!

Гилрой нетерпеливо подвинулся на стуле.

— Они её никогда не увидят.

— Так за каким же чёртом ты пишешь статью? — ошеломлённо спросил редактор. — И почему не даёшь мне вернуться в редакцию?

— Тихо! Я через минуту закончу.

Он вставил в машинку новый лист бумаги, на котором его проворные пальцы начали выстукивать чёрные обвиняющие слова. Пасть Вуда ощерилась в собачьей гримасе, когда Гилрой улыбнулся ему и ободряюще кивнул.

— Не терпится, дружище? Ну, пошли.

Он накинул пальто и небрежно нахлобучил шляпу.

— Куда мы? — осторожно спросил редактор.

— К Моссу, естественно, если только у вас на примете нет более подходящего для визита места.

Любое промедление было для Вуда невыносимым. Он дёрнул редактора за рукав.

— Можешь не сомневаться, что я найду десяток куда более подходящих мест. Да перестаньте же, Вуд! Я иду, иду. Но, чёрт побери, Гилрой, уже начало одиннадцатого, а я ещё и не брался за работу. Бога ради, кончай всё это дело быстрее.

У выхода редактор прикрывал Вуда, пока Гилрой ловил такси. Когда Гилрой подал знак, что улица пуста, редактор схватил Вуда в охапку и ринулся к машине.

Гилрой назвал адрес. Услышав его, Вуд молча оскалил зубы. До Мосса было рукой подать, и сопровождали его два человека, которые лучше кого бы то ни было могли убедительно, связно и красноречиво изложить все его требования, а в случае необходимости поднять в его защиту общественное мнение! Что сможет сделать против такой силы Мосс?

На улице, где жил Мосс, Гилрой попросил водителя сбавить скорость. У дома хирурга стояли два чёрных автомобиля с охраной.

— Высадите нас за углом, — сказал Гилрой.

Они вбежали в подъезд ближайшего дома.

— Что теперь? — спросил редактор. — Не можем же мы прорваться силой. — Чёрный ход там есть, Вуд?

Вуд отрицательно замотал головой.

— Тогда нам остаются только крыши, — решил Гилрой.

Выглянув из подъезда, он окинул взглядом здания, отделяющие их от дома Мосса.

— Здесь шесть этажей, следующие два пятиэтажные, здание, соседнее с Моссом, шестиэтажное, а в доме Мосса три этажа. Придётся нам полазить вверх и вниз по пожарным лестницам, чтобы попасть к нему на крышу. Готовы?

— Готов, — отрешённо вздохнул редактор.

Гилрой толкнул дверь. Заперто. Он яростно затрезвонил наугад в первый попавший звонок. После короткой паузы раздался щелчок реле. Распахнув дверь, он помчался вверх по лестнице, перепрыгивая через четыре ступеньки сразу.

— Кто там? — раздался женский голос.

Они пронеслись мимо задавшей вопрос женщины.

— Простите, мадам, — на ходу крикнул Гилрой. — Ошиблись!

На лице её появилось выражение удивления и испуга, но Гилрой, заранее предвидя её реакцию, улыбнулся и весело помахал ей рукой.

Дверь чердака была закрыта на заржавевший в петле крючок. Гилрой вышиб его ребром ладони. Они выбежали на гудронированную крышу, чёрную и холодную в тихой пугающей ночи.

Вуд и Гилрой обнаружили пожарный проход, ведущий на крышу соседнего дома. Гилрой схватил Вуда левой рукой и повис на лестнице.

— Это безумие, — хрипло сказал редактор. — В жизни не делал ничего более глупого. Почему бы нам для разнообразия не проявить рассудок и не обратиться в полицию?

— Да? — презрительно фыркнул Гилрой, спускаясь вниз. А какое обвинение вы предъявите Моссу?

— Ну...

— Обдумайте формулировку по дороге.

Гилрой и Вуд уже были на крыше следующего дома и ждали, пока спустится редактор.

Тот лез по лестнице быстро, но рассеянно. Мысли его блуждали.

— Можно предъявить обвинение в том, что он действительно совершил. Превратил человека в собаку.

— Здорово наша формулировка прозвучит в обвинительном заключении. Бросьте. И ступайте полегче, пожалуйста. Проклятая крыша гремит под ногами, как барабан.

— А что ты скажешь насчёт обвинения в похищении людей? — спросил редактор, перегибаясь через парапет крыши соседнего с Моссом дома.

— Не смешите меня. Тело Вуда находится в больнице под наблюдением врачей. Как вы докажете, что Мосс похитил его? А о первых трёх и говорить нечего.

Редактор угрюмо кивнул, всё ещё пытаясь подыскать возможную формулу обвинения. Гилрой осторожно посветил фонариком на крышу Мосса. Охраны на крыше не было.

— Пошли, Вуд, — сказал он, засовывая фонарь за пояс и прижимая Вуда к себе. Чтобы использовать свою левую руку для спуска по лестнице, ему пришлось сильно стиснуть Вуду брюхо.

Вуд был благодарен хотя бы за одно то, что в таком положении он не мог видеть крышу тремя этажами ниже. Гилрой держал его надёжно, но дышать ему было трудно. Горло сжалось комком.

— Ничего, ничего, — ободряюще сказал Гилрой. — Мы уже почти у цели.

Он видел, как за ними спускался по плохо закреплённой лестнице редактор. Лестница стонала и раскачивалась под их тяжестью, отходя от красной кирпичной стены. Их сердца замирали при каждом её рывке.

Наконец Гилрой ощутил под ногой прочную незыблемую крышу. Он порывисто улыбнулся в темноте. Вуд выскользнул

из-под его руки. Не переставая вполголоса ругаться, к ним присоединился редактор.

Он вызвался нести Вуда, когда они дошли до задней пожарной лестницы. Раскачиваясь под его рукой, Вуд почувствовал, как дрожат мышцы несущего его человека. Ему, Вуду, нечего было терять, кроме жалкой собачьей жизни, но и он отнюдь не испытывал полного бесстрашия перед лицом всех опасностей, которые им приходилось преодолевать. И он вполне сочувствовал редактору, которому было что терять и который так до конца и не верил ещё, что Вуд человек. Нелегко ему, наверное, смириться с фактом, что под шкурой самой на вид обыкновенной собаки скрывается разумная человеческая личность.

Редактор поставил Вуда на железную решётку.

Гилрой быстро догнал их и дёрнул закрытое окно. Оно не поддавалось.

— Без «фомки» не обойтись, — пробормотал Гилрой и потрогал пальцами края рамы. — Нож есть?

Редактор порылся в карманах, достал связку ключей, огрызки карандашей, спички, бумажки и, наконец, дешёвую пилочку для ногтей. Гилрой выхватил пилочку у него из рук и начал отковыривать ей сухую оконную замазку.

— Приготовьтесь, — прошептал он.

Всадив пилочку в верхний угол рамы, он подцепил стекло и начал вытаскивать его из оконного переплёта. Оно застряло с боков и, благодаря этому, не упало. Гилрой подцепил края и осторожно извлёк стекло, бесшумно уложив его в стороне.

— Пошли, — он полез в пустой проём. — Передайте мне Вуда.

Они очутились в тёмной комнате. Вуд возбуждённо принюхивался, чувствуя близость человека, которого он ненавидел и который один только мог вернуть ему его тело.

«Сейчас, — думал он. — Сейчас!..»

— Гилрой, — жарко зашептал редактор. — Мы можем предъявить Моссу обвинение в вивисекции.

— Верно, — так же шёпотом ответил Гилрой. Но они услышали, как он осторожно повернул ручку двери.

— Так куда же ты? — в панике чуть не крикнул редактор.

— Поскольку уж мы здесь, — холодно ответил Гилрой, — давайте покончим, наконец, с этим делом.

Отворилась дверь, забрезжил слабый свет. В центре длинного, узкого, тускло освещённого холла была видна лестница, спускающаяся через весь дом. Внизу этой лестницы они найдут Мосса.

Своим звериным чутьём Вуд поймал его запах. Хирург не так давно был здесь.

Они осторожно спускались по лестнице, стараясь не поднимать шума.

Послышалось постукивание трости, потом какая-то фраза.

Вуд поднял голову и торжествующе посмотрел на Гилроя. По звукам он определил, что Мосс и Тальбот находились в задней комнате.

Из-за прикрытой двери доносились еле слышные голоса.

— Сядьте, док, — сказал Тальбот — Грузовик скоро придёт.

— Меня мало беспокоит моя личная безопасность, — ядовито ответил Мосс. — Просто я терпеть не могу разгильдяйства, особенно, когда вы утверждаете...

— Джейк не виноват. Он возвращается с дела.

Мысленно Вуд видел, как гладко выбритое розовое лицо Мосса скорчилось в презрительной гримасе.

— Жить вам осталось не больше полугода и в каждую минуту этого полугода вы можете умереть. Тем не менее, ваша ненасытная жадность никак не может успокоиться. Не можете устоять перед искушением урвать кусок даже сейчас.

— Не теряйте головы, док. Эти, ката... или как их там, говорить не могут, а собака, по всей вероятности, роется в отбросах. Было бы с чего драпать.

— Я меняю убежище только из предосторожности. Вы недооцениваете силу человеческой изобретательности, даже если она и ограничена собачьим телом и потерей речи.

Вуд ухмыльнулся своим друзьям. Редактор напрягся, Гилрой вынул револьвер и взялся левой рукой за ручку двери. Редактор сделал невольное движение, пытаясь остановить его, но дверь распахнулась прежде, чем успел вцепиться в ручку Гилроя.

В зловещей тишине Вуд и Гилрой вошли в комнату. На револьвер Тальбот даже не обратил внимания, ему не раз в жизни приходилось смотреть в чёрное дуло, но при виде Вуда челюсть его отвисла, нервно дёргаясь, лицо перекосилось. Он завопил и панически рванул рубашку на груди, как бы стараясь дать выход раздирающему грудь давлению.

— Вот вам наглядный урок, Тальбот, — безучастно сказал Мосс. — Никогда нельзя недооценивать противника.

Гилрой больше не мог изображать ледяное спокойствие.

— Помогите же ему!

— Как? — пожал плечами Мосс — У него грудная жаба. Либо он справится со своими конвульсиями сам, либо нет. Мне нечем ему помочь. А чего вы, собственно, хотите?

Ответа не последовало. Они в ужасе, смотрели, как на глазах у них умирал человек. Револьвер в руке Гилроя обмяк, но Мосс даже и не пытался убежать. Тальбот рухнул на пол бесформенным мешком.

Вуда охватило отвращение. Он знал, что инстинкт самосохранения часто заставляет врачей черстветь, но только исключительно чёрствое чудовище могло так спокойно реагировать на страшную смерть Тальбота, как будто ничего и не произошло.

— Да бросьте, в самом деле, не так уж это и ужасно, — ядовито сказал Мосс.

Вуд перевёл взгляд с тела Тальбота на жёсткие глаза Мосса, в которых не было и тени страха. Хирург даже не сделал никакой попытки защищаться, даже не вздумал позвать на помощь охраняющих дом бандитов. Он смотрел на них, сохраняя почти нечеловеческое самообладание.

— Конец вашим планам, — выплюнул Гилрой.

Мосс пожал плечами в вежливом презрении.

— Какое значение имеет для меня его смерть? Его общество никогда не доставляло мне удовольствия.

— Возможно. Но удовольствие вам доставлял запах его денег. Однако теперь его нет, и он не сможет помешать нам опубликовать вот это.

Гилрой вынул из кармана несколько листков и протянул их Моссу.

Небрежно прислонившись к стене, хирург с интересом прочитал их. Дойдя до конца, он снова взял первый листок и внимательно его перечитал. Потом вежливо вернул рукопись Гилрою.

— Всё ясно, — сказал он. — Меня обвиняют в том, что я поменял личности собаки и человека. Более того, вы даже описываете якобы разработанный мной метод.

— «Якобы»! — яростно закричал Гидрой. — Вы что же, намерены всё отрицать?

— Разумеется. Ну, не фантастика ли? — Мосс улыбнулся. — Но суть не в том. Даже признайся я, на основании каких доказательств меня могли бы осудить? Как мне представляется, у вас есть только один свидетель — собака по имени Вуд. А я что-то не припомню, чтобы собаки выступали свидетелями в суде.

Вуд был ошеломлён. Он не ожидал, что Мосс так нагло опровергнет все обвинения. Любой другой человек на его месте давно сломался бы.

Съёжившийся редактор растерянно повторял одну и ту же фразу: «У нас есть доказательства преступной вивисекции».

— Но нет доказательств, что хирургом был именно я.

— Вы единственный человек в Нью-Йорке, способный совершить подобную операцию.

— И что с того?

Вуд слушал, чувствуя, как в нём нарастает гнев. Каким-то образом они позволили Моссу перехватить инициативу, и теперь он хладнокровно и насмешливо парировал их удары. Ничего удивительного, что он даже не пытался бежать. Он был уверен в полной безнаказанности. Вуд с ненавистью зарычал. Мосс лишь окинул его презрительным взглядом.

— Хорошо. Допустим, в суде мы доказать ничего не сможем, — сказал Гилрой, стиснув в руке револьвер и сжав палец на спусковом крючке. — Но нас это не так уж волнует. Ваше любопытство учёного может найти себе удовлетворение в операции, которую вы сделаете Вуду, чтобы вернуть его в его собственное тело.

Презрительная мина на лице Мосса не изменилась ни на йоту.

Он смотрел на палец, напрягшийся на спусковом крючке, с выражением полнейшего безразличия.

— Ну? — выдохнул Гилрой, многозначительно поведя револьвером.

— Заставить меня оперировать вы не можете. А к своей смерти я отношусь также безразлично, как и к смерти Тальбота. — Улыбка его стала ещё шире, углы рта опустились,

обнажая зубы в гримасе, которая была цивилизованным подобием оскала Вуда. — И, тем не менее, эта ваша история о якобы возможной операции подобного рода заинтересовала меня. Я готов попробовать за моё обычное вознаграждение.

Редактор отпихнул Гилроя и торопливо закрыл дверь.

— Они идут сюда, — запинаясь, пробормотал он. — Бандиты Тальбота.

Двумя прыжками Гилрой оставил Мосса между собой и дверью. Ствол его револьвера твёрдо уткнулся в спину хирурга.

— Вы, оба! Быстро станьте так, чтобы дверь прикрыла вас!

Вуд и редактор послушно отступили в сторону. В холле слышались шаги. Потом кто-то хрипло крикнул: «Эй, босс! Грузовик пришёл».

— Велите им убираться, — тихо сказал Гилрой.

Мосс крикнул в ответ: «Я в задней комнате».

Гилрой злобно толкнул его стволом под рёбра.

— Вы сами напрашиваетесь. Я ведь велел вам...

— Вы не посмеете убить меня, я нужен вам для операции.

— Если вы не боитесь нас, то зачем зовёте этих бандитов? Что у вас на уме?

Дверь распахнулась. На пороге появился гангстер. Он замер на месте, его глаза окинули труп Тальбота и стоящих рядом с ним Мосса и Гилроя. Быстрым движением он выхватил оружие.

— Что случилось с боссом? И кто это с вами?

— Уберите оружие, Пинеро. Босс умер от сердечного приступа. Вас это не должно удивить, вы же знаете, что он был смертельно болен.

— Да, знаю. Но как сюда попал этот тип?

— Он здесь находится с самого начала. отошлите грузовик. Я никуда не еду. А о теле Тальбота я позабочусь.

Гангстер неуверенно переминался с ноги на ногу, но за неимением другого начальства решил выполнять приказ Мосса.

— Хорошо. — Он закрыл дверь.

Мосс обернулся к Гилрою.

— Так на чём же мы остановились? Ах, да. Пока вы тут тряслись от страха, я успел обдумать ваше предложение. Я буду оперировать бесплатно.

— Ещё бы, — помахал револьвером Гилрой.

Мосс презрительно отмахнулся.

— Вот уж никак не из-за этого! Смерти я не боюсь, как не боюсь и ваших обвинений. На операцию я соглашаюсь лишь потому, что хочу удовлетворить интерес, вызванный идеей столь смелого эксперимента.

Вуд перехватил взгляд издевающихся, жёстких, зловещих глаз Мосса.

— И конечно же, — мягко добавил Мосс, — я выполню операцию. В конце концов, я даже настаиваю на этом.

Угроза, скрытая в его словах, не прошла мимо Вуда.

Как только он ляжет под нож Мосса, ему конец.

Неверное движение, скальпеля, умышленная небрежность в приготовлении газовой смеси, умышленно занесённая инфекция и Мосс навеки снимет с себя обвинение. Ему достаточно будет сослаться на то, что такая операция оказалась ему не под силу. Следовательно, экспериментатором вообще был не он. Вуд отпрянул, бешено тряс головой.

— Вуд прав, — сказал редактор. — Он-то Мосса знает. И знает, что этой операции ему не пережить.

Гилрой нахмурился лоб. Револьвер в его руке стал воплощением бесплодной силы. Даже Мосс знал, что он им не воспользуется. Не сможет воспользоваться, потому что хирург был им нужен только живым. Их цель заключалась в том, чтобы заставить Мосса сделать операцию. «Что ж — подумал он, — мы своего добились, Мосс сам вызвался оперировать». Но все четверо отлично знали, что в этой операции Вуд был обречён. Мосс искусно обернул их победу полным поражением.

— Что же, чёрт побери, нам теперь делать? — взорвался Гилрой. — Ты что скажешь, Вуд? Рискнёшь? Или лучше останешься жить в собачьей шкуре?

Вуд оскалился, отползая в угол.

— В собачьей шкуре он хоть наверняка жить останется, — отрешённо сказал редактор.

Мосс улыбнулся, заверяя их любезно-издевательским тоном, что сделает всё возможное, пытаясь вернуть Вуду его тело.

— За исключением несчастного случая, разумеется, — сплюнул Гилрой. — Не пойдёт, Мосс. Он и так проживёт, но вы своё получите.

Он хмуро посмотрел на Вуда и многозначительно кивнул в сторону Мосса.

— Пошли, шеф, — сказал он, выводя редактора за дверь и закрывая её за собой. — Старые друзья хотят остаться наедине. Им есть о чём потолковать...

Мгновенно Вуд прыгнул вперёд, отрезая Мосса от двери, угрожающе впившись в него полными ярости глазами. И в первый раз за всё время с хирурга слетела маска безразличия. Он осторожно сделал шаг в сторону и вдруг понял, что перед ним зверь...

Вуд медленно шёл на него. Мосс нервно наблюдал за огромной собакой, с надеждой поглядывая на дверь. Но Вуд подходил всё ближе и ближе. Мосс закрылся руками...

И тут нервы его сдали. Он не мог заговорить эти бешеные звериные глаза, как заговорил человека с револьвером. Он нырнул вбок и мотнулся к двери. Вуд прыгнул, сбив Мосса с ног. Зубы его сомкнулись. Хлынула кровь.

Мосс проиграл, но остаток своих дней Вуд был обречён прожить в собачьей шкуре. Да и остаток этот был невелик: продолжительность жизни собаки всего пятнадцать лет. В лучшем случае, Вуд мог рассчитывать ещё лет на десять.

* * *

Вуд так и не нашёл себе работы в обличье человека. У него была специальность, он был образован, но в мире рыночной конкуренции не было места для таких, как он. Конторы по найму не могут пристроить избыток нормального человеческого разума, содержащийся в сильных, ловких, полных желания работать человеческих телах.

Но тот же человеческий разум в красивом теле колли стал ценным рыночным товаром. Это была диковинка, феномен, на который стоило поглядеть за свои кровные, уплаченные за билет.

— Люди всегда питали слабость к уродам, — философствовал Гилрой по пути в театр, где Вуд выступал в тот день. — Безобидным уродам люди платят, чтобы они их развлекали. Настоящим же уродам всегда достаются власть и сила. Рассуди это, Вуд, а я не могу понять. Но, думаю я, в нашем мире только тогда можно будет жить по-человечески, когда всех этих уродов уберут в надлежащее место.

Такси остановилось у служебного входа. С зазывающих красно-жёлтых афиш на стене театра скалилось приукрашенное изображение морды Вуда.

— Бог ты мой! — раскрыл рот таксист. — Будет о чём де-тишкам рассказать! Вёз Говорящую Собаку. Вот ведь честь выпала.

Сбившиеся в толпу прохожие пялили глаза на Вуда: визжа тормозами останавливались рядом машины, и их водители присоединялись к почтительному созерцанию.

— Какой он хорошенький, — взвизгнула женщина. — И умненький!

— Ну да, — услышал Гилрой хвастливый голос таксиста, — я их сюда и привёз. Как он себя ведёт? — голос таксиста снизился до доверительного шёпота. — Тот парень, что ехал с ним, его менеджер, наверное, разговаривал с ним так же по-человечески, как мы с вами. Как будто пёс понимал каждое его слово.

— А он и понимает, — авторитетно заявил один из зевак.

— Бросьте ерунду городить, — сказал другой. — Дрессированный он, вот и всё. Мне бы такого.

Специальный наряд полиции быстро разогнал толпу зевак и проложил проход к двери.

— Стыдно должно быть, — сказал полисмен. — Таковую бузу подняли, и из-за кого? Из-за какого-то пса!

Вуд обнажил клыки и заворчал на него. Полицейский сразу попятился назад.

Вуд и Гилрой специально разработали эту сцену для рекламы. Действовала она безотказно: ретивый страж порядка всегда подворачивался под руку, а публика всегда наслаждалась его испугом.

Вуд не мог избавиться от восторженных поклонников и внутри театра. Его партнёры по выступлениям настоятельно хотели поиграть с ним, потыкаться в него носом, вместе поскулить.

— Семь тысяч в неделю, надо же! — размышлял про себя Гилрой, ожидая за кулисами своего выхода. — И за что? За чепуху, на которую способен любой болван из публики.

За прошедший год ни он, ни Вуд так и не привыкли к растущим цифрам в своих банковских книжках. Выступления, фото, статьи в газетах и журналах — и всё по астрономическим ставкам... Но Вуду никогда не набрать достаточно денег, чтобы выкупить человеческое тело, в котором он голодал.

— Эй, Вуд, — прошептал Гилрой, — наш выход.

На сцене их встретил оглушительный рёв аплодисментов. Вуд работал безупречно. Опознавал предметы, названные конферансье, вытаскивал их из общей кучи.

Капельдинеры шли между рядами, собирая записки с вопросами зрителей и передавали их Гилрою.

Вуд зажал в зубах длинную указку и встал перед большим щитом, увешанным буквами. Он указывал букву за буквой, составляя ответы на вопросы зрителей. По большей части они спрашивали о будущем, просили подсказать ход событий на бирже, интересовались бегам. Но были и серьёзные вопросы, специально заданные, чтобы прозондировать его сообразительность.

В белом свете прожектора Вуд автоматически отвечал на уже привычные вопросы. Горечи он больше не испытывал, её сменило тоскливое и безнадёжное чувство поражения. Он смирился со своей собачьей жизнью. На его счету в банке числилась фантастическая цифра с шестью знаками слева — такой цифры он даже в самых необузданных мечтах никогда не представлял. Но ни один хирург на свете не сможет ни вернуть ему его тело, ни продлить срок его жизни более десяти оставшихся ему лет.

И вдруг в глазах всё померкло. Исчез Гилрой, исчез щит с буквами, исчезла изо рта указка, исчезло море лиц, тарасивших глаза...

* * *

Он лежал на койке в больничной палате. Реальность чистых простынь под ним и тяжесть одеяла, укрывавшего его, не вызывали никаких сомнений, как и не вызывало сомнений и то, что его тело вытянулось в длину на кровати.

И, независимо от всей ладони, его палец поднялся, повинаясь его воле. Ноготь победно громко царапнул по простыне.

Дежуривший в палате врач обернулся на звук и посмотрел прямо в зажёгшиеся мыслью глаза Вуда. Потом оба перевели взгляд на сгибающийся и разгибающийся палец.

— Вы возвращаетесь, — сказал наконец врач.

— Я возвращаюсь, — тихо успел ответить Вуд, прежде чем палата исчезла и он услышал, как Гилрой повторил свой вопрос.

Теперь он ощущал, что ум и тело составляют единое целое. Мосс совершил ошибку. Личность человека — это нечто большее, чем просто маленькая железа у основания мозга. Пересаженные ткани поглощались телом и перестраивались по его подобию.

Что-то говорило Гилрою, что эти возвращения Вуда в свой естественный облик будут продолжаться чаще и чаще, до тех пор, пока он снова и уже навсегда не обретёт своё истинное «я».

A Matter of Form, 1938

Перевод: Ю. А. Зарахович

Иллюстрации: Ч. Шниман, Е. А. Шукаев

Bodyguard

By CHRISTOPHER GRIMM

Illustrated by CAVAT

ТЕЛОХРАНИТЕЛЬ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Парень у стойки бара был чертовски красив, и он об этом знал. Знала это и блондинка, стоявшая рядом. Такого же мнения был и невыразительной внешности человек в сером костюме, наблюдавший за ними из кабины видеофона в углу.

Все посетители бара знали этого крупного парня, который всем своим видом показывал превосходство над окружающими. Большинство присутствовавших задевало его вызывающее поведение. Даже его девушка всё больше нервничала: это она привыкла всегда находиться в центре внимания. А рядом с Гэбриэлом Локардом она чувствовала себя пустым местом.

Что касается инопланетян (а это был бар, открытый для всех), то им было просто смешно: для них все люди были просто жалкими и неисправимо уродливыми.

Рядом с Гэбом стоял невысокого роста некрасивый человек. Он выглядел молодо, как, впрочем, большинство людей в то время — настолько высоки были достижения науки, способной отсрочить старость, хотя и бессильной против смерти. У него не было каких-либо внешних достоинств — следствие того, что пластическая хирургия не оправдала тех больших надежд, которые возлагались на неё в XX столетии.

Гэб, по своему обыкновению, сделал резкий и нетерпеливый жест; человек, стоявший рядом, в этот момент собирался что-то выпить, и содержимое стакана, который он подносил ко рту, выплеснулось ему на одежду. Послышался звон стекла. Теперь человек выглядел не только некрасивым, но и смешным. Он почувствовал это, и ему стало очень неприятно.

— Извините, приятель, — лениво проговорил Гэб. — Это моя вина, позвольте мне её исправить. — Он сделал знак бармену: — Повторите то же самое для моего приятеля.

Некрасивый человек тщетно пытался вытереть брюки полотенцем, которое ему поспешил принести официант.

— Вы, конечно, позвольте мне заплатить за чистку, — продолжал Гэб и наугад вынул из портмоне несколько банкнот. — Вот, лучше купите себе новый костюм.

Он произнёс это с таким видом, как будто делал одолжение. Это было слишком — коротышка схватил наполненный стакан, который бармен услужливо поставил перед ним, и уже собирался было запустить его вместе с содержимым в красивое лицо Локарда, как вдруг чья-то рука легла ему на плечо.

— Не нужно этого делать, — проговорил невыразительной внешности мужчина, сидевший до этого в углу бара, — вы ведь не хотите попасть из-за него в тюрьму.

Он взял стакан из обмякшей руки коротышки. Тот в недоумении уставился на незнакомца. Запоздалая предусмотрительность подсказывала ему, что сила не на его стороне, и отступил. Он ведь не хотел ввязываться в настоящую ссору, а хотел лишь отплатить за нанесённую обиду.

Гэб с интересом посмотрел на подошедшего:

— А, это снова ты?

Человек в сером костюме улыбнулся:

— Кто же, кроме меня, тебя защитит?

— А я думал, ты уже бросил это дело. Впрочем, ничего не имею против, когда ты поблизости, — поспешил добавить Гэбриэл. — Знаешь, иногда ты появляешься весьма кстати.

— Значит, ты не против, когда я рядом? — обладатель невыразительной внешности снова улыбнулся. — От кого же ты тогда скрываешься, если не от меня? От себя ведь не убежишь. Однажды ты уже это пробовал, помнишь?

Гэб запустил пальцы в густую русую шевелюру:

— Ладно, приятель, давай выпьем, ведь прошлого не вернёшь. Я должен тебе, и я это признаю. Может быть, мы договоримся?

— Когда-то я пил с тобой слишком часто, — заметил незнакомец, — и всё было просто чудесно, а?

Человек в сером костюме внимательно посмотрел на удивительно красивое молодое лицо; намечающиеся мешки под глазами, временами безвольный рот оставляли не самое благоприятное впечатление...

— Следи за собой, дружище, — предостерег он, уходя. — Иначе скоро не будет смысла тебя охранять.

— Кто это был? — спросила девушка.

Парень вздрогнул:

— Я никогда раньше его не видел.

Конечно, зная Гэбриэла, его подруга допускала, что тот говорит неправду. Но как раз в этот момент он не лгал.

Когда в гостиничном номере Гэбриэла Локарда погас свет, человеку в сером костюме, наблюдавшему за окнами с улицы, стало ясно, что его подопечный уже никуда не уйдёт. Он направился к ближайшей аэростанции. Там он поместил все свои вещи в ячейку камеры хранения, оставив при себе лишь немного денег. Набрав кодовое слово — «телохранитель», он опустил монетку, и захлопнув дверцу, вышел на улицу.

Стань этот человек жертвой несчастного случая, не осталось бы примет, по которым могли бы его опознать. Откровенно говоря, идентифицировать его было бы просто невозможно, так как он — «никто» уже много лет.

Незнакомец сел в свободное авиатакси.

— Куда тебе, приятель? — привычно спросил пилот.

— Я здесь впервые, — ответил пассажир и предоставил выбирать пилоту.

— Понятно! Девочки?.. Наркотики?.. Острые ощущения?..

Но каждый раз незнакомец отрицательно качал головой.

— Азартные игры? — наконец предложил пилот, гадая, что всё это могло бы значить. — Кости?.. Рулетка?.. Фарджин?

— Где-нибудь в этом городе играют в зеркл?

Пилот задвигался, чтобы лучше видеть в монитор лицо пассажира, сидевшего у него за спиной; ничего необычного, человек, каких множество.

— Послушай, приятель, почему бы тебе не совершить самоубийство? Это ведь проще и быстрее.

— Ты меня не понял, — едва заметно улыбнулся незнакомец. — Могу поспорить, ты никогда не пробовал играть. Каждый раз, когда я играю, это похоже на... Не могу передать, как меня это захватывает! — Он вздохнул, весь дрожа — так, что пилот ошибочно истолковал это как проявление восторга.

— Каждый раз, говоришь? Так ты, значит, призрак, «летучий голландец»? — Пилот сплюнул в открытое окно. — Если

бы не работа, вышвырнул бы тебя прямо из кабины, даже не стал бы приземляться. Ненавижу «голландцев» — любой нормальный человек их терпеть не может.

— Однако глупо ставить личные предубеждения выше служебных обязанностей, не правда ли? — хладнокровно заметил пассажир.

— Конечно. Ну, тогда тебе придётся раскошелиться.

— С этим проблем нет, бластер тоже имеется.

— Да, тебе палец в рот не клади, — мрачно заметил пилот.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Стояла ранняя осень. Ночь выдалась дождливой, небо затянуло облаками. Гэбриэл Локард был пьян и не мог управлять вертолётom, но упрямство брало верх.

— Давай я поведу, дорогой, — предложила блондинка, но тот лишь отрицательно тряхнул красивой головой.

— Погоди, я способен на кое-что большее, чем просто красиво выглядеть, — проворчал Гэб, вспомнив неприятный разговор, который произошёл между ними накануне и следы которого виднелись на щеке девушки даже сквозь толстый слой пудры.

К счастью, вертолёт летел невысоко, что, несомненно, было нарушением правил. Уже падая, почти у самой земли, он врезался в сигнальную вышку, стоящую в предместье небольшого городка, и с грохотом обрушился на землю. Сразу же рядом приземлился аэромобиль, всё время следовавший за ними. Низенький толстый человек бросился к потерпевшему аварии аппарату, не обращая внимания на морозящий дождь.

Придя в себя, девушка с негодованием увидела, что незнакомец вытащил из кабины на мокрую траву Гэба, склонился над ним и стал его разглядывать, светя себе карманным фонариком. На неё он не обращал ни малейшего внимания, как будто её не существовало вовсе. Лишь когда она сама попыталась выбраться, мужичок, казалось, вспомнил о ней. Он вытащил девушку из разбитой кабины, и как раз вовремя — через несколько мгновений баки с горючим взорвались и вертолёт охватило пламя.

Гэб открыл глаза и увидел толстяка, который задумчиво смотрел на него.

— Мой ангел-хранитель, — пробормотал он. Происшедшее немного отрезвило его, правда, не до конца. Он сел: — Похоже, я не ранен, а то бы вы меня там и оставили.

— Это не шутки, — заметил толстяк.

Девушка вздрогнула, и Гэб вспомнил, что он был не один.

— Что с Элен? С ней всё в порядке?

— Похоже на то. С вами всё нормально, мисс? — спросил, как ей показалось, совершенно безразличным тоном незнакомец.

— Не мисс, а миссис, — поправил Гэбриэл. — Позвольте мне представить вам госпожу Локард, — заявил он и, сидя, поклонился девушке. — Красивая кошечка, а?

— Счастлив познакомиться, миссис Локард, — проговорил незнакомец и только сейчас принялся внимательно разглядывать её. Казалось, его маленькие глазки изучали синяк на щеке, скрытый под слоем пудры. — Думаю, вы будете достойны своей новой фамилии, — заявил он.

Языки пламени, пожирившего вертолёт, освещали лица. Всё остальное вокруг было погружено во мрак.

Поблизости нигде не было фонарей; даже в городке улицы едва освещались и казалось, до этого никому нет дела. Городок, цивилизация, вся планета находились в запущенном состоянии, жизнь здесь начинала увядать.

Было сыро, и девушка, поёжившись, пыталась укутаться в тонкую кофточку. Гэб вдруг без всякой причины засмеялся. У девушки появилось ощущение, что она уже где-то встречала этого толстяка, чего, конечно же, не могло быть — у неё была хорошая память на лица.

— Ты познакомишь меня со своим... своим знакомым, Гэб? — попросила она.

— Я не знаю этого человека. У вас есть имя?

— Конечно. — Толстяк вытащил из бумажника удостоверение. — Здесь написано: Доминик Бланки, розничный торговец сигаретами... Только он уже больше не торговец — бедняга разорился две недели назад, и теперь он ничто.

— Вы спасли нам жизнь, — сказала девушка, — и я хотела бы... Мы бы хотели вас отблагодарить. — Она потянулась за бумажником.

Незнакомец не обратил на это никакого внимания, ведь её он спас мимоходом. Он покачал головой:

— Спасибо, миссис Локард, у меня достаточно денег. Идёмте, — обратился он к её мужу, — если хотите, я отвезу вас домой. И предупреждаю: в дальнейшем будьте осторожнее. Иногда, — добавил он задумчиво, — мне даже хочется, чтобы с вами что-нибудь произошло. Ведь в этом случае у меня не было бы проблем, верно?

Гэбриэл вздрогнул.

— Я буду осторожен, — пообещал он, — клянусь, я буду осторожен.

Когда незнакомец убедился, что его подопечный благополучно скрылся в ночи, он пересчитал оставшиеся наличные и попросил пилота доставить его в ближайшее место, где играют в зеркл. Тот невозмутимо выполнял указания пассажира. Возможно, он был толстокожим. Но, вероятнее всего, и не подозревал, что толстяк — вовсе не отъявленный негодяй или отчаявшийся тип, ищущий приключений. Он считал его «голландцем», летающим от одного места, где играли в зеркл, к другому, наслаждаясь этой игрой. Этим, если можно так сказать, спортом, вовсе не желая вовлекать в него других — что было, возможно, единственным моральным оправданием.

Но, скорее всего, пилот ни на что не обращал внимания.

В зеркл играли подпольно, в глубокой тайне. Игра была запрещена законом. Многие законопослушные граждане даже не знали, что точно означает это слово. В их сознании оно ассоциировалось с многочисленными кошмарами, скрывавшимися под пикантным, ни о чём не говорящем определением «преступления против человеческой природы». В настоящее время это выражение как нельзя лучше подходило именно для этой игры, в зеркл, а не к прочим видам деятельности, применительно к которым оно обычно употреблялось. Это было преступление как против закона, так и против человеческой природы, где жертва должна была нести наказание

наравне с преступником, иначе разрушилась бы вся система законности земного общества.

Играть в зеркл было сказочно дорого, что было выгодно дельцам игры — винзам. Эти странные существа с седьмой планеты созвездия Альтаир совсем не заботились о благе людей, которые были им совершенно чужды. Единственной их целью было набить карманы банкнотами Межзвёздного банка, чтобы по возвращении на свою планету — Винау — купить побольше рабов. На Винау тела не пользовались большим спросом. Кроме того, для винзов зеркл была аналогом земной игры в «музыкальные стулья», не приносящей больших доходов.

Когда винзов арестовывали, (что, правда, происходило нечасто), они выслушивали приговоры с невозмутимым спокойствием. Винзы обладали необыкновенными способностями и силой и чувствовали себя как бы выше закона. Земной суд не мог ничего поделаться с существами, продолжительность жизни которых составляла около двух тысяч земных лет. А смертную казнь на планете уже давно не применяли. Что, похоже, спасло землян от неловкого положения — ведь никто точно не знал, может ли их оружие поразить винзов. Может, они просто воскресают после нескольких лет небытия? Как бы там ни было, но между планетой Винау и Землёй всегда был мир — ведь торговать было выгоднее, чем воевать. Поэтому власти Земли не закрывали доступ для уважаемых граждан дружественной планеты.

Пилот доставил толстяка в одно из тех мест на окраине городка, где обычно играли в зеркл. Винзы, проводя игру, старались не привлекать излишнего внимания. Входная дверь была распахнута, внутри не наблюдалась та роскошь, которая чувствовалась во время игры. Заброшенный дом, тусклый зеленоватый свет — дымка, скрывавшая скорее нищету и запустение, нежели запретные удовольствия. В маленьких городках всегда так: вы рискуете быть вовлечённым в игру, не зная наверняка, с кем играете.

Винзы, как правило, вели игру в открытую и на этом имели хорошие деньги. Что же касается местных жителей (а в маленьких городках все друг друга знали), то их больше за-

ботило, как свести концы с концами. И они не обращали на винзов никакого внимания.

«Интересно, — думал толстяк, — что привело моего подопечного в эту дыру? Может, он надеется, что с его преследователем что-нибудь произойдёт и он от него избавится?» Такой план был бы логичным для человека, за которым следил толстяк. Впрочем, выбора не было. Он заплатил пилоту воздушного такси и вошёл в дом.

— Ты один? — поинтересовалось зелёное существо невысокого роста, в потрёпанной одежде.

— Да, один, — ответил толстяк.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Заподозренный в краже бежал по переулку. Кто-то стрелял ему вслед, но огненные лучи бластера не достигали цели. Стрелявший, измождённого вида парень, не пытался преследовать. Он склонился над телом Гэбриэла Локарда, лежавшего в канаве.

— Всё позади, — произнёс незнакомец. — С ним будет всё в порядке. Какого чёрта вы оба здесь находились?

— Я думаю, Гэбриэлу нужно было здесь находиться, — ответила девушка, как бы размышляя вслух. — Я и представить себе не могла, что это за место, пока он не привёл меня сюда. Это — самое отвратительное из всех, где мы уже бывали. Похоже, Гэб ищет неприятностей.

— Да, похоже на то, — согласился парень, покашливая.

Холодало, а на Земле отсутствовал защитный купол, предохранявший от неблагоприятных изменений погоды. Атмосфера была очень подвижна, и не было смысла его создавать.

Девушка пристально посмотрела на незнакомца

— Сейчас вы выглядите иначе, но ведь вы тот самый человек, который вытащил нас из разбившегося вертолёта? А до того вы были тем, в сером костюме? А ещё раньше...

На измождённом лице незнакомца появилась улыбка;

— Да, это был я.

— Значит, правда всё то, что рассказывают об игре в зеркл? Значит, есть люди, которые меняют тела, как... перчатки?

Девушка машинально поправила дорогой синтетический платок, покрывавший лунного цвета волосы. Она всегда заботилась о своей внешности. Если бы до замужества она и не придавала этому большого значения, Гэбриэл приучил бы её следить за собой.

Парень опять улыбнулся. Он хотел что-то сказать, но снова закашлялся.

— Но зачем вы это делаете? — спросила она. — Просто из удовольствия? Или ради Гэбриэла?

Девушка немного нервничала. Она чувствовала опасность, но не понимала, что происходит, не могла определить, угрожает ли что-нибудь именно ей.

— Вы не хотите, чтобы он узнал, кто вы, верно? — не успокаивалась она.

— Спросите его сами, — услышала она в ответ.

— Он мне ничего не скажет. Он никогда мне ничего не рассказывает. Мы просто живём вместе, и всё. Раньше я этого не понимала, но теперь вижу, что так было с того времени, как мы поженились. Да ещё от вас скрываемся, не так ли?

Худое лицо парня оставалось бесстрастным. Девушке было интересно, до какой степени он владеет телом, одним из многих своих тел. Может он на эта ответить? Как он проникает в тело другого человека? Она не должна думать об этом, иначе захочется сыграть в зеркл. Есть лишь один путь освободиться от Гэбриэла. Однако, подумала она, это не лучший способ — её тело слишком красиво, чтобы неосмотрительно рисковать.

Пошёл снег. Невесомые, пушистые хлопья кружились и падали на неподвижное тело её мужа. Элен укуталась плотнее в тонкую шубку из меха какого-то экзотического животного с далёкой планеты. Парень снова начал кашлять. На небе зажглась звёздочка, едва поблёскивая на фоне плоского и бледного лика Луны. Это был звездолёт, пополнивший запасы на пути к Далёким мирам. «Хорошо бы оказаться на том корабле», — подумала девушка. Но она была здесь, на Богом

забытой планете угасшей Солнечной Системы, с мужем без сознания и незнакомцем, который за ними следит. «Видимо, придётся оставаться здесь... Всем троим придётся здесь жить».

— Если вы следите за Гэбриэлом, значит, вы что-то против него замышляете? — предположила она. — Почему же тогда вы помогаете ему?

— Я ему не помогаю, и он знает об этом, — ответил незнакомец.

— Вы опять поменяли тело? — неуверенно спросила девушка. — Вы ведь всегда так поступаете после... после встречи с нами. Мне кажется, у меня появилась способность узнавать вас, даже когда вы меняете тело. У вас есть что-то, что остаётся неизменным.

— Очень плохо, что он женился, — внезапно заявил парень. — Я всегда следовал за ним, и он никогда не мог меня узнать. Так или иначе, это очень плохо, плохо для вас.

За шесть месяцев замужества Элен тоже пришла к подобному выводу, но никогда не призналась бы в этом постороннему. Хотя вряд ли этот незнакомец был посторонним. Он был частью их семьи на протяжении всего времени, что она была знакома с Гэбом. Значит, он должен её знать. Элен начинала подозревать, что незнакомец связан с ним больше, чем она предполагала.

— Зачем вам опять менять тело? — настаивала она в поисках ответа, который, одновременно, пугал её. — Ведь ваше довольно хорошее. Стоит ли рисковать, ведь можно получить плохое?

— В том то и дело, что моё тело плохое, — ответил парень. — Оно болезненное. Вообще-то никто не допускается к игре, не пройдя медицинского обследования. Но в тех местах, по которым шляется ваш муж, это правило часто нарушается, особенно, если у игрока много денег.

— На сколько вам хватит этого тела?

— Месяцев на четыре-пять, если быть осторожным, — улыбнулся парень. — Не беспокойтесь, я сменю его раньше. Правда, это дорого обойдётся тому, кому оно достанется. Но я ведь тоже пострадал.

— Но как вам это удаётся? — спросила она снова. — Зачем вы это делаете?

«Окружающие никогда не подшучивали над Гэбриэлом Локардом просто ради развлечения даже после близкого с ним знакомства. А этот человек наверняка знает Гэба лучше других», — пронеслось в её голове.

— Спросите у мужа, — ответил парень.

Настоящий Гэбриэл Локард посмотрел на лежавшую ничком, присыпанную снегом фигуру человека, укравшего его тело и его имя, и пнул его носком ботинка.

— Будет лучше взять такси, он может тут замёрзнуть насмерть.

Парень махнул рукой, и появилось авиатакси.

— Передайте ему, когда он придёт в себя, — обратился он к Элен, пока пилот тащил тяжёлое тело её мужа к машине, — что мне порядком надоело всё это. Скажите ему, что иногда мне кажется, для моего лица было бы полезнее отрезать, ну, например, нос...

— Сожалею, — произнёс винз безразличным тоном на чистейшем английском, лишь слегка шепелявя. — Боюсь, вы не сможете принять участие в игре.

— Но почему? — измождённый молодой человек стал одеваться.

— Причина вам известна. У вас неважное тело, а наше заведение имеет хорошую репутацию.

— Но у меня достаточно денег, — молодой человек закашлялся.

Винз неопределённо пожал плечами.

— Я заплачу вам вдвойне, — настойчиво продолжал посетитель.

Существо отрицательно покачало головой:

— Сожалею, но я вам уже сказал: у нас не играют втёмную.

— В таком городке, как этот, не играют втёмную? — удивился парень.

— Именно по этой причине мы ведём игру честно, — заявил винз, но щупальца его задрожали.

Человек, знавший винзов давно, хотя и несколько поверхностно, понял, что его собеседник не устоит. Плотная мантия, в которую был одет винз, была сделана из материала, похожего на пушистый зелёный бархат. Она была украшена необычными драгоценными камнями странной огранки. Когда винз впервые ступил на Землю, он был беден, а теперь по человеческим меркам стал невообразимо богат.

— У нас здесь и так полно забот, — заметил он как бы между прочим. — Почему бы вам не попробовать сыграть в другом городе, где правила соблюдаются не так строго?

Молодой человек лишь криво улыбнулся, ведь он не мог играть открыто. Он никогда не рисковал, следуя за своим подопечным в одном и том же облике. И хотя его узнала только одна Элен, он будет чувствовать себя скованно, пока не сменит тело. Ему самому было интересно, зачем он всё это делает: из-за Гэбриэла, а может, потому, что ни одно из тел, которые у него были, не подходило ему? Что его толкало на это: жажда реванша или казавшаяся невероятной надежда — добыть в этой полной опасностей игре такое тело, которое было бы лучше, чем его настоящее? Он этого не знал.

В данный момент у молодого человека не было другого выхода. Он обязан был сыграть, иначе ему пришлось бы слишком долго ждать, пока Гэб доберётся до другого города, да ещё девушка, увидев его появление в том же облике, может обо всём догадаться и рассказать мужу. Конечно, глупо было говорить ей, что у него больное тело. Парень до сих пор не мог понять, что заставило его так опрометчиво ей довериться.

Винзы сплели щупальца, и, казалось, совещались. Затем тот, который разговаривал с незнакомцем, опять подошёл.

— Как выяснилось, есть один человек, но только для неофициальной игры, — прошепелявил он. — Никаких вопросов, могу только сообщить, что он здоров.

Посетитель колебался.

— Он не может играть открыто, — думал он вслух, — значит, это преступник.

Зелёное лицо винза, если это можно было назвать лицом, оставалось бесстрастным.

— Это мужчина? — поинтересовался парень.

— Конечно, — важно ответил винз.

Существовали определённые правила, и винзы неукоснительно их придерживались. Одно из них — странный запрет, не позволявший вести игру между мужчиной и женщиной, и здесь были бессильны даже деньги потенциальных игроков. Также никогда не было случаев, чтобы телами обменивались земляне и инопланетяне. Было ли это следствием табу или, может быть, биологической несовместимости, никто точно не знал.

Возможно, такой шаг был предосторожностью со стороны винзов. Если бы стало известно, что вземное существо «осквернило» тело человека, возмущённые люди объявили бы винзам войну, так как на Земле бытовало мнение, что человеку от рождения дана неповторимая сущность. А винзы, несмотря на своё превосходство над людьми, были существами миролюбивыми и прагматичными. Оголтелые противники присутствия чужеземцев на Земле даже пустили слух, будто девизом обитателей планеты Винау было: «Не нужно воевать с землянами, нужно их надувать».

— Должна же быть какая-то веская причина у того, другого, чтобы идти на такой риск? — потёр в задумчивости подбородок парень. — Сколько это будет стоить?

— Тридцать тысяч, — ответил винз.

— Но это же в три раза больше обычной цены!

— Ваш партнёр согласен на пятикратную оплату.

— Ну, ладно, — сдался парень.

Он шёл на огромный риск. Ведь если человек, с которым ему предстояло играть, был преступником, то, помимо его тела, придётся взять на себя ответственность за все преступления, которые тот совершил. Впрочем, выбора не было.

Незнакомец посмотрел в зеркало и нашёл своё новое тело просто замечательным: оно было стройное и красивое, нечего было даже сравнивать с предыдущим. Многие хотели бы выглядеть так же. В карманах никаких документов не оказалось, да они и не требовались — он сразу же узнал лицо. Нельзя сказать, что оно принадлежало какой-нибудь знаменитости

или было запоминающимся, просто «голландец» никогда не проходил мимо объявлений о розыске преступников, которые всегда расклеивались в общественных местах. Он допускал, что когда-нибудь он может случайно заполучить тело одного из тех типов, чьи описания были развешаны повсюду. Незнакомец знал, что этот человек, хотя и не был очень важной птицей в преступном мире, тем не менее находился в розыске. Отмена смертной казни не означала всепрощения, и этот тип, за которым охотилась полиция, не позволит себя схватить без сопротивления. Полицейские тоже понимали, что им будет нелегко поймать его.

«Может быть, на этот раз мне повезёт, — подумал владелец нового тела, пытаюсь освоиться с непривычными ощущениями. — Хотя оно и дышит здоровьем, как и моё первое, но, кажется, не совсем удобно. Да, теперь я способен на многое, может быть, даже на большее, чем его предыдущий владелец. Возможно, мне даже удастся с ним улизнуть».

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ

— Послушай, Гэб, — сказала Элен, — не пытайся одурачить меня, я знаю тебя слишком хорошо. У тебя тело того человека — настоящего Гэбриэла Локарда, — она приложила к носу космическую пыль, наблюдая в зеркале туалетного столика за реакцией мужа.

Локард (обладатель его тела) от неожиданности привстал на кровати, где он до того валялся.

— Это он тебе сообщил? — встревоженно спросил Гэб

— Нет, он не сказал мне ничего определённого, а лишь посоветовал расспросить тебя, если мне захочется знать. Почему он охраняет тебя, хотя явно ненавидит? Только потому, что не хочет, чтобы с твоим телом что-нибудь случилось?

— А ведь у меня действительно хорошее тело, не правда ли? — расслабившись, ответил Гэб

Он даже не пытался рассеять её подозрения. Похоже, даже почувствовал облегчение при мысли, что может с кем-то поделиться своей тайной.

— Не такое хорошее, как должно было бы быть, — отреагировала Элен, повернувшись к мужу. Она смотрела на него без всякого восхищения. — Произойдёт худшее, если ты будешь продолжать в том же духе, Гэб, скажи мне...

— Вернуть ему тело, да? — Локард с интересом посмотрел на жену. — Тебе бы это понравилось! Ты бы стала его женой. Вот было бы занятно: в здоровом теле — здоровый дух! Тебе не кажется, что это уж слишком?

— Я совсем не думала об этом, — наивно ответила она и продолжала: — я, конечно же, останусь с тобой, когда ты получишь своё старое тело назад.

«Ну уж нет, — подумала она про себя, — совсем не хочу продолжать таскаться с тобой по всем этим злачным местам!»

Элен была лишь раз в заведении подобного рода, но этого оказалось достаточно; она не могла этого забыть. И, несмотря на все его уговоры и угрозы, отказывалась идти снова.

— Ты не можешь вернуть себе старое тело, да? — продолжала она. — Ты же знаешь, где оно и чем занимается его владелец.

— Я не желаю это знать! — злобно прокричал Гэб. — Если бы я даже мог его вернуть, я бы не сделал этого. Любой, кто завладеет им, умрёт от ужаса, как только увидит своё отражение в зеркале, — продолжал он, вытягивая ноги на кровати. — Ты не представляешь себе, какое у меня было отвратительное тело!

— Могу представить! — заметила она неосмотрительно. — Тебе не нужно тело, которое подходило бы твоему характеру. Как жаль, что ты смог поменять его лишь однажды!

Гэбриэл вскочил с кровати и ударил по губам. Хотя удар был в полсилы, ей было очень больно. Элен почувствовала, как губная помада смешивается с кровью, которая медленно заливает недавно напудренный подбородок. Девушка упала на пол и замерла, чтобы не доставлять Гэбу удовольствия видеть её слёзы. По опыту, она знала, что если притвориться, будто тебе очень больно, он не ударит снова. Один или два раза Гэб причинял ей боль и унижал по-настоящему. Он слишком боялся попасть в тюрьму — в настоящую тюрьму и, может быть, поэтому не хотел уродовать жену.

Гэб снова сел на кровати и закурил.

— Давай, Элен, поднимайся. Я ведь прекрасно знаю, что ты притворяешься.

— Ты что, покалечил его, чтобы заставить поменяться телами? — спросила она, не вставая с пола.

— Да нет же, — весело засмеялся он, — я только напоил его. Мы были друзьями и это было не трудно. Он был моим единственным другом, остальные избегали меня из-за внешности. — Лицо Гэба исказилось. — Что заставило его думать, что он, чёрт возьми, настолько лучше других, что может себе позволить со мной дружить? Я поступил с ним порядочно, так как он всегда хорошо относился ко мне.

Гэб задумчиво уставился в потолок, который от давности уже начал трескаться.

— Он даже не понимал, какое богатство у него есть! — Локкард с удовольствием похлопал себя по широкой груди. — А когда сообразил, было уже слишком поздно. Он воспринимал своё тело как должное, а мне просто мучительно было смотреть, как он обладает им. Ведь я же не мог наслаждаться своим. Окружающие вечно меня избегали, особенно девушки...

Элен села на полу.

— Дай мне сигарету, Гэб, — попросила она.

Муж прикурил и передал ей.

— Понимаешь, Элен, я дал ему больше, чем он мог ожидать. Чёрт побери, я вёл себя великодушно, а оказался в дураках. Я перевёл ему лишь половину того, что у меня было, или около того. Нужно было отдать всё, что я имел, тогда у него не оставалось бы повода преследовать меня на этой планете или на любой другой, если бы я решил отправиться туда на звездолёте.

Гэб криво улыбнулся:

— Конечно, он не сделает мне ничего плохого. Вредя мне, он сам себе роет яму

— Но он тебя постоянно спасает, — напомнила ему жена.

— Моей жизни никогда ничего не угрожало, если бы не это постоянное преследование. Оно выводит меня из себя. Я рассчитывал начать новую жизнь, получив это тело, — сердито признался Гэбриэл.

И она поверила ему. Ведь у каждого есть добрые намерения, не было оснований отказывать в них и ему. Локарду, или как там он себя называл.

— Это всё моя внешность... Я совсем запутался, — продолжал Гэб. — Если бы у меня была возможность всё исправить, отправиться на Проксиму Центавра, например, и дальше на одну из планет, совершить там что-нибудь хорошее... Но никто даже не дал мне попробовать. А теперь, когда меня преследуют, мне остаётся лишь скрываться и убегать, хотя сбежать невозможно. Я уже почти в ловушке.

— А что он может сделать, если ты останешься и встретишься с ним? — спросила девушка.

— Чёрт его знает, он очень изобретателен. Так или иначе, он попытается завлечь меня в новую игру. Не представляю себе, как это у него получится, но, похоже, именно это у него на уме. Что ещё он может предпринять?

— Да, что ещё? — повторила Элен с иронией.

Сигарета догорела у Гэбриэла в руке и он потянулся за второй.

— Ему необходимо время, чтобы где-нибудь договориться о неофициальной игре. Но, пока я переезжаю с места на место, у него ничего не получится, если он не начнёт быструю игру. Но он не может это сделать, уж слишком сложно. К счастью, у него нет таких связей, как у меня. Их не купишь за деньги. А у меня всё схвачено на этой проклятой планете.

Элен встала и села к туалетному столику.

— Значит, мы продолжаем колесить по планете? — спросила она, рассеянно проводя гребнем по светлым волосам, которые падали на ещё более бледные плечи. — Как бы ты поступил, если бы я тебя бросила, Гэб?

— Я бы тебя убил, — ответил он без колебаний. — Если бы мне пришлось подвергнуть своё прекрасное тело опасности, тебе бы это не понравилось, да и твоему парню тоже.

— Прекрати называть его моим...

— Не спеши, может, в этом есть смысл, — Гэбриэл посмотрел на Элен с выражением, которого она раньше не видела в его красивых глазах. — Он не может меня убить, но ничто не помешает мне убить его.

— А как же полиция? — Она старалась говорить спокойно, делая вид, что занята причёской. Но мысли её были далеко. Иной раз гребень даже не касался волос, рука двигалась машинально. — Тебя станут разыскивать, значит, ты ничего не выигрываешь. Ты же не профессиональный убийца, Гэб, ты не сможешь скрыться.

— Я могу нанять кого-нибудь для этого дела. Не забывай, у меня ещё достаточно денег.

— Но как ты его узнаешь? — повернувшись в пол-оборота, спросила она с тревогой.

— Ты опознаешь его, Элен. Ты же сама говорила, что можешь это сделать.

Молодая женщина готова была расплакаться, ведь она, сама того не желая, предавала незнакомца. Гэб примирительно потрепал её по щеке:

— Киска, ты же знаешь, я не хотел тебя обидеть. Эти проклятые обстоятельства вынуждают меня так поступать. В один прекрасный день, когда я избавлюсь от этого тела, ты увидишь, я стану другим человеком.

ГЛАВА ПЯТАЯ

— С чего вы взяли, что я пойду на такое? — осторожно поинтересовался маленького роста адвокат, избегая вкрадчивого взгляда голубых глаз мужчины, сидевшего перед ним за старинным столом.

Обстановка офиса была старомодной, что, однако, вовсе не свидетельствовало о плохом состоянии дел; просто юристы слыли большими приверженцами традиции, согласно которой принято использовать вышедшую из моды мебель. Несмотря на работавшие кондиционеры и очистители воздуха, на всех предметах лежал слой пыли, что, впрочем, неизбежно — Земля планета пыльная.

— Не вы, лично, безусловно, — сказал Гэбриэл, если так можно было назвать человека, заполучившего его тело. — Но вы знаете, как свести меня с кем-нибудь, кто может это сделать.

— Чушь какая-то. Не представляю, кто мог дать вам такие сведения, сэр. — Вынужден попросить вас покинуть моё заведение, пока я не вызвал...

— Это Пэт Ортис мне вас порекомендовал, — негромко, но выразительно произнёс Гэб. — Он также рассказал много интересного о вас, Горман.

Тот побледнел:

— Я порядочный адвокат.

— Может быть, да, а может, и нет. Не такой это городишко, чтобы быть порядочным. Ты уж точно не паинька, раз Ортис имел с тобой дела. Он тебя хорошо знает.

Адвокат облизал губы:

— Не впутывайте меня, дайте мне шанс, что вам стоит?

Локард побагровел:

— Шанс! У каждого есть шанс, только не у меня! Найди мне кого-нибудь, кто выполнит моё поручение, и я обещаю, что Ортис будет молчать.

Горман снял очки и потёр выцветшие, водянистые глаза.

— Как я найду вам человека, который возьмётся за подобное дело? У меня нет таких связей.

— Я уверен, что ты сможешь, если захочешь. Займись этим делом, я не тороплю. Я пробуду здесь некоторое время.

— А тот человек, которого вы хотите убрать с дороги, — поинтересовался Горман, — откуда вы знаете, что он никуда не уедет?

— Он будет здесь столько же времени, сколько я, — засмеялся Гэбриэл.

Маленький адвокат глубоко вздохнул.

— Извините, господин Локард, но боюсь, что я действительно не смогу быть вам полезен.

Посетитель встал.

— Ладно, если это твоё последнее слово, мне остаётся лишь связаться с Ортисом.

Он повернулся и направился к выходу,

— Подождите! — взмолился адвокат.

— Итак? — вопросительно взглянул на него Локард.

Горман замялся:

— Возможно, я бы мог кое-что для вас сделать... На днях я случайно узнал, что в городе объявился Джед Кармоди.

Гэбриэл заинтересованно посмотрел на адвоката.

— Я думал, вы слышали это имя. Это убийца, он часто бывает в этом городке. Весьма вероятно, что у него сейчас нет денег. Конечно, я никогда не имел с ним дела лично...

— Конечно! — передразнил Гэб.

— Однако я посмотрю, что можно будет сделать, — в голосе Гормана зазвучали оправдательные нотки. — Вы можете подождать, господин Локард? Мне необходимо некоторое время, чтобы выяснить, где этот человек. Вы ведь знаете, — проблеял адвокат, — я совсем не занимаюсь такими делами.

— Я подожду, в разумных пределах, конечно, — ответил Гэб и вышел.

За дверью послышалось шипение пневмолифта. Маленький адвокат поднялся и подошёл к окну — прямоугольному проёму из прозрачного неподвижного пластика в стене старого дома, в старом городе, на старой планете... Он посмотрел вниз, на улицу, и почти женский рот адвоката искривился в некоем подобии улыбки. Он вернулся к столу и взял трубку видеофона.

Гэбриэл перешёл улицу и направился в маленькое кафе с золотыми буквами «Только для людей» на стеклянной вывеске — в этом городке строго придерживались старых привилегий для коренных обитателей планеты. Он вошёл. Внутри звонил невидимый видеофон и звук зуммера доносился сквозь гам и болтовню. Выждав, пока глаза привыкнут к полумраку, он заметил Элен. Она ждала его за столиком недалеко от входа, обгрызая кожуру с какого-то экзотического фрукта.

— Ну, как — спросила она, — нанял своего убийцу?

— Тише! — Гэбриэл грузно плюхнулся на стул рядом с ней. — Ты хочешь, чтобы у меня были неприятности? Тогда и тебе не сдобровать, — продолжал он, не дожидаясь ответа. — Не забывай, что это тело твоего парня, — Локард имел в виду своё тело, — и у него сейчас неприятности.

— Он не мой парень.

Официант, выглядывая из кабины видеофона, подозвал жестом какого-то человека, сидевшего в полумраке в глубине кафе.

— Где он? — вдруг встревоженно вскрикнул Гэб. — Он должен быть где-то здесь! Элен, скажи мне, где этот человек, — Гэбриэл грубо схватил её за руку, поворачивая из стороны в сторону. — Этот тип здесь? Который из них? Вон тот?

Она была не в силах скрыть возглас удивления, когда встретила взглядом с худощавым парнем, входившим в кабину видеофона. Тот бросил на неё мрачный взгляд.

— Итак, это он, да? — расслабился Гэб. — Не очень страшный, выглядит, как нормальный человек. Я сделаю так, чтобы Горман предупредил тех, кто ведёт игру в зеркл, — продолжал он, закуривая, — чтобы этого парня не допускали к игре, ведь это единственное место в округе. Я проделаю всё чужими руками, и здесь у него ничего не получится... Перебраться куда-нибудь в другое место и договориться об игре он не сможет, пока я здесь. А я уж побуду здесь до...

Гэб подумал и улыбнулся:

— До самого конца.

«Это не тот человек, — вдруг радостно поняла Элен. — Ему удалось! Он, в конце концов, совершил обмен! Гэб прощитался».

Она почувствовала некоторую жалость к обречённому незнакомцу — обладателю измождённого, угловатого тела. Он был почти при смерти и грозить ему ещё чем-то было бессмысленно. Гэбриэл, настоящий Гэбриэл, был спасён!

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Худощавый молодой человек вошёл в контору Гормана, закрыв за собой дверь электроключом.

— Это я, в новом обличье, — отрекомендовался он.

— Да, тебя не узнать, Джед, — приветливо заметил адвокат. — Хорошо выглядишь, прямо как поэт или что-то в этом роде.

— Да, хорошо для маскировки. Но, чёрт возьми, это дрянное тело! — Молодой человек без сил повалился на стул, стоявший возле стола.

Горман был поражён слабостью и немощью этого парня.

— Дай мне сигарету, Лэс. Этой штуке, — он презрительно посмотрел на своё тело, — скоро крышка. Оно не протянет больше чем несколько месяцев. Выгодный же я обмен совершил!

Горман тоже закурил:

— Тому парню, который поменялся с тобой, тоже достался не подарок, — пробормотал он, выпуская клубы дыма.

— По крайней мере, он будет жить, — заметил Кармоди. — Если ему, конечно, повезёт. Я надеюсь, что он будет вести себя неосмотрительно и попадётся. Тогда я заберу свои деньги, и ищи-свищи. Я не могу добраться до них сейчас, легавые засекут любого, кто появится поблизости от места, где я их припрятал. Они будут наблюдать за ним, пока не поймут меня. Полиция не знает точно, где спрятаны деньги, но в общих чертах место им известно.

— Ты что, Джед, хочешь, чтобы я тебе их достал? — спросил адвокат, ощупывая взглядом лицо пришедшего.

— Скажешь тоже! Единственное, что мне от тебя нужно — чтобы ты был в курсе. И ещё мне нужен твой ракетоплан. — Он в изнеможении улёгся на металлическую поверхность стола. — Ты ведь знаешь, где это место, Лэс. Ты будешь сидеть тихо, пока я всё благополучно не закончу?

Горман отпрянул:

— Не говори ерунды, Джед, — голос адвоката срывался, — если бы я знал, где это... И потом, ты не так уж и опасен в своём новом теле, сам ведь знаешь.

— Не очень-то обольщайся этим, Горман. Ты всегда был трусом и любой мог тебя запугать. — Он нервно засмеялся. — Ты понял — любой!

Но адвокат не разделял веселье собеседника.

— Тебя устроят наличные? — отрывисто спросил он.

Джед саркастически усмехнулся:

— С чего ты взял, что я буду рисковать состоянием с такой тёмной лошадкой, как ты, Лэс? Я истратил последние деньги

на обмен телами и не прочь взять немного в долг. Ты же знаешь, у меня припрятаны миллионы, — раздражённо закончил он. Горман молча наблюдал за ним. — Я верну тебе, как только полиция схватит того болвана, которому досталось моё тело...

— Ты мог бы заработать кое-какие деньжата, — сказал Горман, поигрывая пресс-папье. — Ты видел того здорового бандита в кафе? Я говорил тебе о нём по видеофону.

— Да, у него классное тело. Я был бы не прочь иметь такое.

— Кажется, он ищет наёмного убийцу. Я сказал ему, что в городе, по моим сведениям, объявился Дждед Кармоди и что он мог бы взяться за это дельце.

— Что ты ему сказал? — парень в ярости вскочил.

— Успокойся, я сказал ему, что Дждед Кармоди где-то здесь. А ты что — Кармоди?

Парень сел и перевёл дух.

— Верно, сейчас я никто.

— Но хоть какие-то документы у тебя есть? — поинтересовался Горман.

— Нет, с чего ты взял? Но зачем говорить первому встречному, что я появился в городе?

— Я просто подумал, что ты бы не отказался от денег, которые сами плывут в руки.

Парень сделал нетерпеливый жест.

— Мне не хочется ввязываться в это грошовойе дело и рисковать своей шкурой. Не говори чепухи. Я не хочу высываться, пока того парня с моим телом не поймают легавые.

— А я надеялся, что ты меня выручишь, — тихо произнёс адвокат.

Собеседник внимательно посмотрел на Гормана:

— Но почему ты обратился именно ко мне?

Тот неопределённо пожал плечами.

— Ага, понимаю! На тебя надавили? — догадался Кармоди.

Адвокат кивнул.

— Хорошенькое начало, дружище! Неужели ты всерьёз полагаешь... — В широко посаженных глазах наёмного убийцы сверкнул недобрый огонёк. — Погоди, я, кажется,

придумал! Почему бы тебе не разыскать человека, который завладел моим телом, чтобы он занялся всем этим? Пошли кого-нибудь и пускай его уверят в том, что ой настоящий Кармоди, понимаешь?

Горман взглянул на собеседника с интересом, но затем с сомнением покачал лысеющей головой:

— Нет никаких оснований полагать, что он пойдёт на преступление.

— Любой, завладев моим телом, должен будет, чёрт побери, стать преступником, если не хочет очутиться за решёткой... Послушай, что он предпримет, когда поймёт, что влип? Захочет поменять тело, не так ли? А для этого ему понадобится много денег, — предположил Джед.

— Возможно, они у него есть, — устало возразил Горман.

— Нет времени это выяснять. — Молодой человек возбуждённо потёр руки. — Если он пойдёт на это, то будет действовать под моим именем. Так, картина проясняется.

— Возможно, ему удастся убить того, кого имеет в виду Локард, и не попасть в полицию. Такие случаи бывали. С другой стороны, ты не протянул бы долго на свободе, Джед, — заявил адвокат.

— Он не профессионал, у него ничего не получится. Кроме того, будь уверен... — Он остановился на полуслове и стукнул себя рукой в грудь. — Ты сказал, у меня нет имени? Придумай мне что-нибудь подходящее.

Адвокат изучающе посмотрел на худое бледное лицо:

— Джон Китс, ничего? Просто и со вкусом!

Его собеседник ненадолго задумался, затем произнёс:

— Ладно, хорошее имя, простое и не такое избитое, как Джон Смит. Итак, нужно отвести от этого лже-Кармоди полицию, я сам прослежу за ним так, как дева Мария не следила за агнцем божииим. Как только он кого-нибудь прикончит по заказу этого Локарда, я наведу на него легавых. Они схватят его с моим телом, и им даже в голову не придёт, что это не я. А я между тем спокойно достану свои денежки и рвану куда-нибудь подальше, где можно достать отличное тело — и дело в шляпе! Не бойся, Горман, тебе тоже перепадёт, ты ведь всегда был моим компаньоном.

— Не завидую я этому парню, — сказал адвокат.

— Он подсунул мне эту развалину, а получил взамен моё здоровое тело. Подумай сам, Лэс, он был обречён. А сейчас у него есть всё, чтобы жить. Сделай так, чтобы он взялся за это дело. Если ты захочешь, у тебя получится, ты же в таких вопросах мастер. И не говори ему, кому принадлежало раньше это тело.

— Ладно, не скажу, — вздохнул Горман, — Будем надеяться, что мне удастся его уговорить. Не забывай, я тоже в этом заинтересован, Джед... ах, чёрт, Джон.

— Тогда принимайся за дело, — сказал новоиспечённый Джон Китс. — До встречи!

— Пока, Джонни.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Элен сидела у туалетного столика и расчёсывала волосы, когда раздался лёгкий стук в дверь гостиной, настолько лёгкий, что казалось, кто-то, проходя по коридору, случайно задел её. Гэбриэл вскочил с кровати, на которой он валялся, наблюдая за девушкой, и на мгновение замер. Стук повторился более настойчиво. Гэбриэл направился в гостиную.

— Кто бы это мог быть в столь поздний час? — спросила Элен. — Уже почти час ночи. Гэб, будь осторожен!

Гэбриэл остановился и с подозрением посмотрел на неё:

— Зачем ты это говоришь? Тебе ведь всё равно, что со мной случится.

Это был скорее вопрос, нежели утверждение. Голос его дрожал, но это ничуть не тронуло Элен. Раньше она была способна сочувствовать ему, но теперь всё, что он делал и говорил, не вызывало у неё ничего, кроме страха и отвращения.

— Если кто-нибудь стукнет тебя по башке, когда ты откроешь дверь, кто же тогда защитит меня? — наивно проговорила она, однако улыбаясь при одной только мысли об этом.

Гэб хрипло выругался и двинулся к ней, сжимая кулаки. Элен закрыла лицо, ожидая удара, но в это время постучали третий раз, и её муж, с шумом захлопнув за собой дверь в

спальню, неохотно пошёл открывать. Элен подошла к двери и немного приоткрыла её. Она догадывалась, кто это мог быть, но совсем не волновалась: настоящему Гэбриэлу Локарду, как бы он ни выглядел, со стороны её мужа уже ничто не угрожало. Элен было интересно, как же на этот раз выглядит их преследователь. Дверь в коридор находилась вне поля её зрения, но она услышала, как та открылась.

— Вы Локард? — послышался глухой сиплый голос. — Меня прислал Горман.

— Входите, господин Кармоди. Вы ведь Кармоди?

— Тсс!.. — предостерег посетитель. — Если меня поймут, я не смогу быть вам полезен.

— Ах, простите, я совсем забыл... Входите же!

Старые половицы закрипели под тяжестью шагов, и девушка смогла теперь увидеть посетителя: это был здоровенный малый, ещё больше, чем Гэбриэл. У него были полные, чувствительные губы, тёмные волосы закрывали лоб до самых бровей. По походке, по манере разговаривать Элен сразу узнала его. Она прижалась к стене, её била дрожь. Пришлось зажимать рот носовым платком, чтобы муж не услышал дикий, неудержимый смех.

— Садитесь, Кармоди, — любезно предложил Гэбриэл, передавая бокал вошедшему, — почувствуйте себя как дома!

Наступила короткая, странная пауза.

— Итак, — продолжал Гэб с улыбкой, которая могла расположить любого, кто не знал его, — я полагаю, мы легко найдём общий язык?

— Я тоже на это надеюсь, — ответил Кармоди задумчиво, глядя на дверь в спальню.

— Вы опасаетесь, что нас подслушивают? — догадался Гэбриэл. — Там лишь моя жена. Конечно, она всё слышит, но никому ничего не расскажет. Иди сюда, Элен!

Кармоди машинально встал, как только она вошла. Его взгляд ощупывал каждую линию её стройной красивой фигуры в плотно облегающем непрозрачном платье из тёмно-пепельного шёлка — очень редкого материала, недавно опять вошедшего в моду.

— Сядьте, — бесцеремонно приказал Гэбриэл, — мы не на приёме.

Кармоди сел, стараясь не смотреть на Элен, которая принялась готовить себе коктейль.

— Лапушка, — сказал ей муж, — ты ведь никому не скажешь о нашей скромной встрече, правда?

— Да, — ответила она, глядя на Кармоди, — не скажу. — Затем подняла стакан: — За убийство!

— Элен! — с ударением проговорил Гэбриэл, не в силах совладать с неизвестно откуда появившимся предчувствием. — Ты не посмеешь никому сказать об этом. Если ты это сделаешь, берегись!

— Я уже сказала, что никому ничего не собираюсь рассказывать.

Гэбриэл не верил, что она осмелится предать его. Ведь она — его жена, находится рядом с ним потому, что испытывает к нему интерес. Ведь он красив и, кроме того, богат. А что касается отдельных эпизодов их совместной жизни, то какой мужчина иногда не выходит из себя?..

— Перейдём к делу, — сказал Кармоди резко. — Кого вам нужно убрать?

— Я не знаю имени этого человека, — ответил Гэбриэл, — но я могу его описать.

Когда он закончил говорить, наступила небольшая пауза. Кармоди был спокоен. Элен отвернулась к бару и он не видел её лица. Она слегка вздрагивала, и Локарду показалось, что жена плачет. «Не следовало быть столь откровенным при ней», — подумал он.

— Мне кажется, я знаю этого человека, — начал Кармоди, — если он уже не поменял тело. Я видел его пару дней назад.

— Не должен, — ответил Локард. — Вы считаете, что сможете сделать всё в лучшем виде?

— Не сомневайтесь, — заверил его визитёр.

Элен Локард вышла из дверей заведения, на которых была надпись: «Для дам. Люди и гуманоиды», и, повернув за угол, двинулась по коридору. Неожиданно чья-то мускулистая рука показалась из находившейся рядом кабины видеофона и вта-

щила её внутрь. Она испуганно вскрикнула, но, рассмотрев незнакомца и быстро придя в себя, проговорила:

— Ах, так это... Вы назначили мне встречу?

— Вы не испугались? Вы знаете, кто я?

Она утвердительно кивнула.

— Вы — настоящий Гэбриэл Локард.

Незнакомец буквально прижимал Элен своим телом к стенкам кабины: внутри было очень тесно. Его тело показалось ей в некотором смысле более привлекательным, чем у мужа.

— Зачем вы здесь прячетесь?

— Я не прячусь, я наблюдаю, — объяснил он. — Я не могу сейчас открыто появляться на людях, полиция идёт по следу Кармоди. Не хочу, чтобы они обнаружили меня.

«Ах, — подумала она, по возможности отстраняясь от незнакомца, — не нужно давать волю чувствам, он всё равно скоро сменит тело».

— Я ищу возможность поговорить с вами с прошлой ночи, — пробасил тот, тщетно пытаясь понизить голос, очень громкий из-за мощных голосовых связок. — Но ваш муж постоянно рядом. Вы не сказали ему, кто я?

Девушка медленно покачала головой:

— Я бы не сделала этого, — сказала она с упрёком. — Я ничего не сказала ему и о том, другом человеке, хотя... Когда я увидела там, в баре, что он смотрит на меня, я, кажется, вскочила или что-то в этом роде, а Гэб по ошибке принял его за вас.

Наступило тягостное молчание. Оба стояли в тесной кабинке, прижавшись друг к другу.

— Я понимаю, как вы очутились в теле Кармоди, — продолжала она. — Но как вас втянули в это грязное дело?

— Всё очень просто. Адвокат, у которого был ваш муж, послал своих подручных разыскать Кармоди и те вышли на меня. Я бы, конечно, отказался, если бы Горман не упомянул, кто за всем этим стоит.

— А тот, другой человек, сейчас он настоящий Кармоди? — вопросительно взглянула девушка. У неё были серые, а может быть, даже зелёные глаза, незнакомец не мог точнее

разглядеть. — Значит, если даже его убьют, это не будет иметь никакого значения?

— Я никогда не пойду на это, — напомнил ей парень с кротостью, которая так отличалась от бесцеремонности, сопровождавшей его появление. — Я не убийца, поверьте мне. Я никогда никого не убивал. Надеюсь, мне никогда не придётся этого делать.

Элен никогда не задумывалась, кем был этот человек, кем он был раньше, пока не начал играть. Конечно, он был Гэбриэлом Локардом, но кем был Гэбриэл Локард? Уж точно не одуревшим от наркотиков, охваченным страхом дилетантом, как её муж. Он просто не мог им быть, иначе его тело не было бы в столь хорошем состоянии при том образе жизни, который ведёт его нынешний владелец. Впрочем, теперь это не играло уже никакой роли. Единственное, чего ей хотелось, чтобы тело принадлежало его настоящему владельцу, но это, казалось, добиться было невозможно.

— Что вы собираетесь предпринять? — нетерпеливо спросила девушка.

— Не знаю, — ответил Кармоди. — Дав согласие убить этого... Джона Китса, как он себя называет, я понял, что всё в моих руках. По крайней мере, мне так кажется. У меня нет выбора, придётся следить за ним, чтобы ваш муж думал, что я выполняю его указания. А там решу, как поступить. Знаете, иногда меня посещает странное ощущение, что Китс следит за мной.

— Возможно, по той же причине вы следите за Гэбриэлом. — Элен робко взяла парня за руку, тоже более мускулистую, чем у мужа. — У вас хорошее тело, вы ведь знаете. Похоже, и Китс так считает.

— Это же бессмысленно, — воскликнул парень, нетерпеливо освобождаясь от её руки. Ему не хотелось, чтобы молодой женщине нравилось это тело — тело преступника, которое, несмотря на всю его привлекательность, подходило ему не больше, чем любое другое. — Мне кажется логичным, если бы он пытался сменить как можно больше тел после своего собственного... Проклятье! Идёт ваш муж! — Незнакомец закрыл девушку своим широким телом, когда Гэбриэл Локард

с хмурым видом проходил мимо. — О'кей, — прошептал он, когда тот повернул за угол, — возвращайтесь за стол и сделайте вид, что злитесь на него за опоздание.

Кармоди проследил, пока Гэбриэл не проследовал обратно, направляясь в ресторан отеля, и неторопливо пошёл в том же направлении. Из рядом стоявшей кабины видеофона Джон Китс мрачно смотрел вслед удалявшейся фигуре. Как он ни прислушивался, в этих кабинах была хорошая звукоизоляция и единственное, что он выяснил, так это то, что незнакомец быстро нашёл общий язык с женой Локарда. Китс ничуть этому не удивился, прекрасно зная привлекательность своего бывшего обличия. Он загрустил.

Не поворачиваясь лицом к монитору, он набрал номер Гормана.

— Это я, — коротко бросил он. — Послушай, я хотел бы знать, кто этот тип, которого мы собираемся отправить к праотцам?

— Не знаю, — с любопытством ответил адвокат, — даже понятия не имею. Я не интересовался. Не думаю, что Локард сказал бы мне. А в чём дело?

— Я не видел, чтобы он встречался с кем-то, кроме жены Локарда, на которого он работает. В таком деле я не стал бы связываться с женщинами, разве что случайно. А он прямо сияет от радости.

В голосе адвоката уже послышалась заинтересованность:

— А может, он следит за кем-нибудь ещё?

— Есть только одна возможная кандидатура. Всё это слишком невероятно, но иногда мне кажется, что он следит за мной, — Джон Китс болезненно засмеялся.

Последовала длинная пауза.

— Этого не может быть, — задумчиво произнёс Горман, — не может быть. Он даже не знает, кто ты.

Слабый румянец выступил на бледном лице Китса.

— Я никогда не думал об этом, но ты не прав. Он знает, кто я, он догадался. То была неофициальная игра... — Голос говорившего ослабел и захлебнулся в кашле. — Когда ты сказал ему, что он — Джек Кармоди, он, естественно, догадался, кому досталось его тело.

— Убедить его, что он — Кармоди, была твоя собственная идея, — мягко напомнил Горман. — Как бы там ни было, это ведь не повод, чтобы охотиться за тобой. И какое отношение ко всему этому имеет Локард?

Горману самому было интересно во всём разобраться.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

— Послушай, Горман, — заявил Кармоди, — я работаю не на тебя, а на Локарда, какого чёрта ты послал за мной так поздно?

— Тогда зачем ты пришёл? — с улыбкой поинтересовался адвокат, откидываясь на стуле.

Здоровенный парень недоумённо пожал плечами:

— Я и сам не знаю. Может быть, из любопытства? Думаю, ты вряд ли ожидаешь, что я поступлюсь интересами моего хозяина.

Горман засмеялся:

— Ты, похоже, посмотрелся видеофильмов. Не забывай, старина, что с таким телом ты преступник, а не герой.

Кармоди, захваченный врасплох, вытаращился на него. «Коротышка не мог знать, — подумал он, — ведь Кармоди, Локард, “Голландец” не сделали ничего плохого, они не совершали преступлений, не преступали мораль. С другой стороны, я не сделал ничего хорошего, чтобы помочь другим».

— Что ты имеешь в виду? — он наконец пришёл в себя.

— Скажи мне, Локард нанял тебя, чтобы убить того, кто скрывается под именем Джон Китс, верно?

— Да, но как ты узнал это? — Кармоди начал испытывать перед Горманом тот примитивный страх, который он ощущал перед винзами; такая сверхчеловеческая пронизательность больше подходила инопланетянам.

— Мне сказал Китс. Он и есть настоящий Кармоди, — ответил адвокат.

— Значит, тебе всё известно?

— Известно!.. Я уже давно всё знал, — засмеялся Горман.

— Разве клиент станет делать секреты от своего адвоката?

— Если умный, то станет, — с отрешённым видом стукнул то столу Кармоди. — Хотя этот Китс не слишком умён, не так ли?

— Да, он звёзд с неба не хватает. Но это была его идея столь чудесным образом от тебя избавиться. Не такая уж и плохая задумка! Тебя должны были убрать, — объяснил он с обезоруживающей улыбкой. — И как гениально — легавые делают это за нас! Конечно, мы и понятия не имели, кто твоя жертва.

— Теперь я понимаю, — иронично ответил Кармоди. — Но почему ты рассказываешь мне всё это сейчас? — Он почувствовал, что знает ответ: — Ты боишься, что я действительно убью его?

Адвокат покачал головой и с улыбкой сказал:

— Боюсь, что нет. — Он соединил вместе кончики пальцев. — Я готов заплатить тебе вдвое больше, чем Локард, сколько бы это ни стоило, чтобы Китс, то есть настоящий Кармоди, скрывающийся под таким именем, исчез навсегда.

Собеседники не доверяли друг другу, между ними не было ничего похожего на ту особого рода честность, которую молва обычно приписывает преступникам. Кармоди встал, даже сидя он был намного выше адвоката. «Он возвышается надо мной, словно олицетворение злого рока», — подумал Горман.

— А если я откажусь? — спросил Кармоди.

Горман с трудом передвинул назад стул, на котором сидел.

— Тогда я убедил бы Китса рискнуть своим новым телом и совершить то единственное убийство, которое, в конечном счёте, обеспечит ему безопасность.

— Ты полагаешь, ему пришлась бы по вкусу идея убить меня?

— Думаю, он был бы в восторге, — ответил адвокат.

— Послушай, Горман. — Кармоди начал тихо, но постепенно его голос становился всё громче, он больше не мог подавлять раздражение, которое накопилось в нём за годы скитаний. — Я по горло сыт всем этим: скрываться, убегать, меняться телами... А теперь меня нанимают как убийцу! Я честный человек! Может, тебе не приходилось встречать та-

ких людей раньше, так посмотри на меня хорошенько, а то может статься, что мы не встретимся с тобой вновь!

— Я смотрю и вижу Джеда Кармоди. Не думаю, что это образчик чести.

— Но я чувствую себя не Джедом Кармоди! — воскликнул посетитель.

— Скажи это легавым, — громко рассмеялся Горман. — По закону ты отвечаешь за все его преступления. Если ищейки упрячут тебя в тюрьму или, что им более удобно, застрелят тебя при задержании, а затем у них появятся подозрения, что настоящий Кармоди поменял тело, они, возможно, и станут искать кого-нибудь ещё. Да только тебе от этого лучше не будет, особенно если ты к тому времени окажешься на том свете.

— Да, ты прав, — нетерпеливо и резко ответил Кармоди. — Я обо всём этом уже думал, ты не сказал мне ничего нового. — Он умолк на несколько мгновений, затем добавил: — Хорошее это тело, почти такое же, как моё настоящее...

— Ты же не имеешь в виду ту развалину, которая досталась Джону Китсу? — Горман удивлённо поднял брови.

— Это имя — твоя идея, не спорю. Нет, это не моё настоящее тело.

— Ах, так ты «голландец»! Крутой парень! — Горман не смог скрыть презрение. — Ну что, приятель, допрыгался, меняя тела!

Кармоди старался не обращать внимания на слова адвоката, но у него это не получалось. «Это неправда, — думал он, — я потратил годы, играя в зеркл, но это не доставляло мне никакого удовольствия, совсем никакого». Он не хотел унижаться и спорить с Горманом.

— Может быть, мне удастся добраться с этим телом до одной из отдалённых планет, — размышлял Кармоди вслух. — По крайней мере, стоит попробовать.

— Смелые мысли, — насмешливо заметил Горман, — но слишком рискованно, чтобы осуществить. Тебе не кажется, что лучший выход — оставить всё так, как есть? Сколько тебе предложил Локард?

— Полмиллиона.

У Гормана перехватило дух:

— Ты, конечно, говоришь неправду, но пусть будет так... У Кармоди, то есть у Китса, есть в десять раз больше. Я приберу всё это к рукам, как только буду уверен, что он не сможет причинить мне зла. Для меня полмиллиона — это деньги и, даже если поверить, что ты не лжёшь, ты всё равно не сможешь отказаться от миллиона, кем бы ты ни был, «голландец»!

— Не смогу? — Кармоди направился к двери, но затем обернулся. — Думаю, тебе будет интересно узнать, что я стою раз в сто больше, а может быть, и того более.

— Если у тебя полно денег, тогда зачем ты занимаешься всем этим? — скептически заметил адвокат.

— Тебе этого не понять. — Кармоди нахмурился. — Я и сам не уверен, что себя понимаю.

Дверь за ним захлопнулась, и из коридора послышалось шипение пневматического лифта.

«Прёт напролом, — довольно подумал Горман. — Он делает это. Должен сделать». Однако полной уверенности у него не было.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Когда Кармоди вышел из дома, где находился офис адвоката, из темноты соседнего подъезда появилась фигура Джона Китса. Тот взглянул на залитый светом прямоугольник окна Гормана, затем посмотрел вслед Кармоди и в нерешительности закусил губу. Немного поколебавшись, решил пойти за обладателем его старого тела. Китс больше не доверял Горману, он и раньше не очень-то верил ему. В делах подобного рода нельзя полагаться ни на кого. Он допустил ошибку, но всё ещё можно было исправить.

Если даже здоровенный малый и знал, что за ним следят, то не подавал виду. Он определённо направлялся к гостинице, не обращая внимания на пилотов воздушных такси, предлагавших свои услуги. Парень быстро шагал по сверкающим огнями проспектам, которые наполняла весёлая музыка, по

тёмным переулком, где зазывали сыграть в фарджин. Он ни на что не обращал внимания.

Гостиница находилась на одном из центральных проспектов; Локарды всегда останавливались в самых лучших отелях. Кармоди быстро пересёк почти безлюдный холл и поднялся пневмолифтом на седьмой этаж.

Зная наверняка цель его визита, Китс вошёл вслед за ним в гостиницу.

Кармоди выскочил из лифта и, добежав до двери номера Локардов, громко постучал. Через мгновение дверь открыла Элен. Как и в прошлый его приход, она была в неглиже. Её серо-зелёные глаза широко раскрылись, когда она увидела, кем был поздний посетитель. Она приложила палец к губам:

— Тише, Гэб спит! Не будем будить его, пока нет необходимости, — и тихо затворила дверь. — Что случилось, Дждед?

Парень был так сильно взволнован, что едва мог говорить.

— Элен, давай убежим на Проксиму Центавра! Если мы туда доберёмся, там нас никто не найдёт. А с Проксимы мы сможем...

— Но как же твоё тело? — возразила она.

— Чёрт с ним! — он схватил её за руки. — Ты для меня значишь больше, чем эта никчёмная оболочка.

— Но Гэбриэл никогда не позволит нам уехать.

«Проксима Центавра, — вспомнила Элен, — ведь об этом мечтал и Гэб!»

Парень ещё сильнее сжал её руки. «На теле наверняка будут синяки». Разве могла она предположить, что когда-нибудь полюбит человека, который ставит ей синяки.

— Пускай только попробует остановить нас! Сейчас я сильнее его, — горячо прошептал Кармоди.

Она посмотрела на него.

— Ты всегда был таким, дорогой. Но у него большие связи, ему и не понадобится ничего делать. Он может просто навести на тебя полицию.

— Мы не должны упускать этот шанс... Но, может быть, я требую слишком многого. Я понимаю, у меня нет права просить тебя идти на такой риск, — с горечью добавил он. — Я

думаю только о себе и совсем не думал о тебе, сейчас я это осознаю.

— Ах, нет, Джед!

— С кем ты разговариваешь, Элен? — послышался сонный голос из спальни и на пороге появился красавец Гэбриэл, на ходу одевая халат. — А, привет, Кармоди! — На его лице появилось хищное выражение, остатки сонливости улетучились, как дым. — Вы уже всё сделали?

— Нет, не сделал. Скажу вам больше, я не буду этого делать!

Локард посмотрел на него с удивлением:

— В чём дело? Вы же обещали?

Кармоди вздохнул:

— Да, это так. Но я водил вас за нос. Я всегда такой — не решаюсь, откладываю на потом, сомневаюсь, что предпринять... Но сейчас я решил.

— Может, вы боитесь его, это ничтожество по имени Китс? — едко, с раздражением спросил Локард. — Или вам мало полмиллиона? В чём причина?..

Услышанного было достаточно для человека, скрючившегося в нише вентиляционной системы. Он из последних сил подавлял в измождённом теле приступы кашля. Слёзы выступили у него на глазах. Человек выяснил всё, что хотел, и медленно направился к выходу. Он уже строил планы, как поступить со своими врагами. С самого начала все против него сговорились, а легавые даже не знали, что он в городе. Это всё Горман! Это он сказал ему, что полиция следит за каждым его шагом, его лучший друг, предложивший поменять тело, ведь он прекрасно знал, что любое тело, какое бы он ни получил, сделает его более уязвимым. Горман заплатит за это...

— Более чем достаточно, — ответил Кармоди. — Да только я не убийца.

Он не догадывался, что был ещё один человек, который слышал их разговор, и который уже ушёл.

— Насколько мне известно, вы согласились взяться за это дело? — заметил Локард.

— Убийца — Джед Кармоди, а я не Джед Кармоди.

Локард отпрянул назад и уставился на парня, на вид здоровее его, затем отступил ещё на несколько шагов:

— Ты — это не он? Ты был им всё это время? — Он в смятении посмотрел на жену. — И ты это знала, предательница, знала и молчала! Да я все кости тебе переломаю!

— Только тронь её, и я переломаю все кости тебе! Видишь, твоё тело для меня больше ничего не значит, — заявил парень. От неожиданности Локард замер на месте. — Я мог бы тебя убить, ты это знаешь. Как Кармоди, закоренелому убийце, мне нечего терять. Но я оставлю тебя в живых как заложника для Элен. Я же целый вечер пытался вас убедить, что я не убийца. — Он повернулся к Элен. — Ты отправишься со мной на Проксиму?

— Да-да, Джед, — ответила она, с опаской глядя на мужа.

— Тогда собирай вещи, а я пока пойду в офис транспортной компании и всё подготовлю. — Он посмотрел на часы. — Сейчас три. Я постараюсь вернуться часам к восьми. Вздремни, если сможешь.

Молодая женщина перевела испуганный взгляд на мужа.

— Хорошо, Джед, но как же?..

— Вот возьми, — он протянул ей бластер, которым его снабдил Горман, — и не волнуйся, у меня есть ещё один.

Дверь за ним захлопнулась.

— Отдай бластер, сука! — прорычал Локард, вырывая из слабых рук Элен оружие.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Кармоди вышел из гостиницы, повернул налево и направился в космопорт, работавший всю ночь. Не успел он далеко отойти, как за спиной раздался голос: «Не так быстро, господин... Кармоди». Что-то твёрдое упёрлось ему в спину.

— Это ты, Китс? — спросил Кармоди, впрочем, не ощущая никакого страха.

— Верно, — закашлялся тот. — Ты думал, что ты очень ловко подсунул мне не только больное, но ещё и чужое тело, не так ли?

— Но и ты ведь действовал не из добрых побуждений, мистер Китс? — насмешливо заметил Кармоди.

— Я... хочу назад своё тело!

Внезапно в голову Кармоди пришла мысль настолько великолепная, что он с трудом сдерживался, дабы не выдать себя.

— Убив меня, ты ничего не выиграешь, а только усложнишь дело.

— У тебя есть выбор: либо идти и играть со мной в зеркл, либо тебе крышка, — ответил Китс.

Кармоди облегчённо вздохнул, стараясь, чтобы стоявший сзади человек этого не заметил.

— Тогда платить будешь ты. У меня нет с собой таких денег.

— Платить, платить, — проворчал Китс, — вечно мне приходится за всё платить! Но ты действительно не будешь сопротивляться? — в некотором недоумении спросил он.

— Да! Кстати, я буду рад избавиться от этого тела. Как я ни пытался, мне не удавалось сдерживать его стремления... Полегче, приятель, ты же не хочешь испортить тело, которое собираешься заполнить?

— Что-то уж слишком просто всё получается, — пробормотал Китс. — Может, это новая ловушка?

— Тебе вечно мерещатся ловушки, господин убийца, независимо от того, есть они или их нет. Ты и Локард — вы оба если скрываетесь от кого-то, значит, на то существуют серьёзные причины. То он за тобой следит, то ты за ним, и оба вы не знаете, кто есть кто.

— Ты слишком много болтаешь, — прорычал Китс. — Заткнись и иди дальше!

— Опять вы? — спросил винз с порога.

Настоящий Кармоди был слегка ошарашен, он всегда считал винзов весьма далёкими от земной жизни, чтобы они могли различать лица людей.

— Боюсь, ни один из вас не будет допущен к игре, — продолжал винз.

— Но вы не можете отказать нам в неофициальной игре, правда? — начал Джон Китс агрессивно.

Щупальца винза вздрогнули.

— Если так, то нет причин для запрета. Если вы хотите и можете сыграть втёмную, каждому из вас это обойдётся в сто тысяч.

— Но это же в два раза больше, чем я заплатил на прошлой неделе! — возмутился Китс.

— Вы, конечно, вольны пойти куда-нибудь в другое место, если угодно, — винз неопределённо пожал щупальцами.

— Проклятье! — выругался убийца с внешностью поэта. — У нас нет выбора, вы это знаете. Ладно, не будем спорить.

Это было странное ощущение — прийти в себя и очутиться вновь в истощённом теле. Оно было ещё неудобнее, чем раньше. Ведь тело Кармоди-преступника в прекрасной физической форме, а это — в ещё худшем состоянии, чем прежде. Его использовали сверх его слабых сил.

Настоящий Гэбриэл Локард, скрывавшийся в теле Кармоди, а теперь ставший Джоном Китсом, открыл глаза и посмотрел на винза, склонившегося над ним.

— Мы сказали вашему напарнику, что вы уже очнулись и ушли, — объяснил тот. — Он склонен к насилию, его сердце переполнено злобой, а мы не содействуем таким людям. Для вас это невыгодно.

— Он уже ушёл?

Винз утвердительно кивнул.

— Сколько времени прошло? — измождённый парень встал, осмотрел одежду, которая была на нём; Кармоди слишком торопился и ничего не взял из карманов. Там было немного денег, пачка сигарет «Милгот» и набор электронных ключей.

— Он ушёл только что, — ответил винз, с некоторым удивлением глядя на человека. — Разве вы не избегаете его?

— Нет, я должен быть там, где он.

— Ладно, это ваши проблемы, — недоумённо вздохнул винз, глядя вслед выходящему с большим трудом на ночную улицу обладателю тела, в котором едва теплилась жизнь. — Но зачем же, если подумать здраво, тратить столько денег?

Крепкая, широкоплечая фигура Джона Кармоди ещё виднелась в конце улицы, и худой парень поплёлся за ним. Он

собирался пойти за Кармоди, проследить, что тот будет делать и, если потребуется, направить его, куда следует. Он не думал догонять его. У Кармоди не было нужды использовать бластер, так великодушно оставленный его прежним владельцем. Он теперь был так силён, что мог запросто разделаться с доходягой Китсом, если бы только захотел, что было вполне вероятно.

В это время Кармоди, настоящий Кармоди, избавившись от необходимости немедленного мщения, стал понимать, насколько более выгодно положение, в котором он очутился. Если бы он под горячую руку прикончил Китса, то потерял бы полмиллиона. В его правилах было брать за исполнение заказа вперёд наличными, и теперь убить Китса было его заданием. Он не верил, что этот Локард заплатит, когда работа будет сделана. Конечно, у него самого было полно денег, припрятанных в надёжном месте, но полмиллиона не помещают. А доходягу Китса нетрудно будет найти и позже. Кроме того, вряд ли полиция его схватит, ведь тот, другой, использовал его тело, и его не поймали. «Я просто запаниковал, — подумал Кармоди, — а Горман... Он бы никогда до этого не додумался. Всё вышло как нельзя лучше, да ещё и полмиллиона будет, чтобы покрыть издержки на зеркл. Может, даже удастся выбить из Локарда миллион, он ведь наверняка труслив и глуп. Слегка пригрозить ему, и этого будет достаточно».

Кармоди немного помедлил у гостиницы — он опасался открыто войти в ярко освещённый холл.

Автоматические двери бесшумно раскрылись перед Кармоди и он столкнулся лицом к лицу с Локардом, тащившим за собой Элен. Её лицо было скрыто под густой вуалью. Багаж несли следом. Они оба остановились, увидев убийцу. Локард побледнел, его жена не могла вымолвить на слова от изумления.

«Жаль, что я вынужден оставить её в руках этого негодяя», — подумал Кармоди.

Он приблизился к ним, изображая обворожительную улыбку:

— Господин Локард, я решил вам дать ещё один шанс.

Он, сам того не подозревая, всё испортил.

— Ах, ты решил! — заорал Локард. — Я думал, что у меня действительно появился этот шанс, а ты опять спутал мне все карты!

Кармоди удивлённо вскинул брови:

— О чём это вы?

— Я думал уехать отсюда до того, как ты вернёшься, — захлёбываясь от ярости, прокричал Гэбриэл. — Но, ты меня из-под земли достанешь! Ты всегда появляешься там, где я! Я устал убегать. Есть только один способ от тебя отделаться, только одна возможность быть уверенным, что тебя не будет рядом, что бы со мной ни случилось!

— Послушайте, Локард, вы ошибаетесь. Я...

— Единственная моя ошибка — что я нанял постороннего для дела, которое мог выполнить сам.

Локард выхватил бластер — бластер Кармоди — и выстрелил. Он был плохим стрелком, но на столь малом расстоянии это не играло никакой роли. Он стрелял и стрелял, непрерывно нажимая на курок, пока огненные лучи не уничтожили не только Кармоди, который так и не успел ничего понять, но и подожгли всё вокруг. Несколько случайных посетителей, находившихся в это время в гостиничном холле, попрятались за кресла и пальмовые кадки в тщетных поисках спасения. Эти неважные укрытия немедленно воспламенились под воздействием луча. Запахло горелым мясом, деревом и материей.

Элен испустила вопль ужаса, когда обугленное тело Кармоди повалилось на обожжённый ковер.

— Гэб, Гэб, что ты натворил! — закричала она.

Локард выронил бластер, который упал рядом с телом его бывшего владельца. Лицо Гэбриэла было искажено от ужаса.

— Я не хотел его убивать! Я хотел только напугать его. Что же теперь делать?

— Бежать, господин Локард, — проговорил Джон Китс, входя в разгромленный холл. — Убегать и скрываться. Этот парень мёртв и вам теперь придётся всегда быть в бегах. Хо-

тя, нет, простите за неточность, не всегда. В один прекрасный день вас поймают, ведь в полиции работают не такие дилетанты, как вы и он... — говорящий указал на обезображенный, почерневший труп, силясь подавить дрожь: ведь он был, один лишь Господь это знал, самым большим дилетантом среди них!

Локард облизал пересохшие губы и с опаской посмотрел по сторонам. Перепуганные люди стали осторожно выглядывать из-за своих укрытий.

— Послушайте, мне нужно с вами поговорить. — Голос Локарда был глухим и решительным. — Давайте обсудим всё это. Но сначала нужно убраться отсюда, пока кто-нибудь не вызвал полицию.

— Прекрасно, — улыбнулся истощённый парень, — поговорить я всегда согласен. Мы могли бы пойти в офис Гормана, сейчас нас там никто не будет искать.

— Но как мы туда проникнем?

— У меня есть электроключ, — ответил Китс.

Один из ключей, лежавших в его кармане, несомненно должен подойти, и этот шанс нельзя не использовать.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Китсу пришлось перепробовать пять разных ключей, пока он не нашёл тот, который подошёл к двери. Он опасался, что у Локарда могло вызвать подозрения его полное незнание обстановки внутри, но тот был слишком поглощён собственными мыслями. Неприятный запах горелого мяса исходил изнутри.

— Ну же, Кармоди, давай, — поторапливал его Локард, но тут дверь широко распахнулась, зажглись лампы, осветив жалкую обстановку комнаты.

Горман был здесь: он лежал, обожжённый и страшный, раскинув руки, на грязном, пыльном ковре.

— Это вы, вы убили его! — в ужасе завопил Гэбриэл.

Казалось, что убийство, совершённое другим, поразило его больше, чем то, которое он сам недавно совершил.

Его спутник через силу улыбнулся:

— Его убил Кармоди. Ведь бластер, которым всё это сделали, остался в его кармане. Я ничего не мог сделать.

Его глаза встретились со скрытыми под вуалью глазами Элен. Ему хотелось, чтобы она знала: он говорит правду.

Гэбриэл стоял рядом, не в силах оторвать взгляд от тела.

После смерти и здоровяк Кармоди, и коротышка Горман выглядели одинаково: куча горелого мяса и углей. Не было даже крови, всё было очень гигиенично.

— Ты ловкий парень, Кармоди, чёрт тебя подери! — с усилием разлепил губы Гэбриэл.

— Я Китс, а не Кармоди, запомни это! — ответил парень и обессиленно плюхнулся в кресло. — Садитесь вы, оба!

Лишь Гэбриэл принял приглашение.

— Почему вы не открываете лицо, миссис Локард? Вы что, тоже от кого-то скрываетесь?

Гэбриэл коротко засмеялся:

— Она прячется от всех. Я ей немного помял физиономию, она собиралась предать меня... тому парню в вашем теле.

Китс судорожно вцепился в подлокотники кресла: потеряй он сейчас самообладание, и вся игра — коту под хвост.

— Это было славное тело, — сказал он, стараясь не смотреть на то, что лежало на ковре, и не вспоминать о ещё одном трупе в другом конце города. — Очень хорошее было тело!

Элен смотрела из-под вуали. А ему так хотелось увидеть, что же Локард с ней сделал, но он не мог сдёрнуть вуаль, как того ни хотел. Он боялся выражения, которое, могло появиться на её лице: радость вместо печали или, наоборот, печаль вместо радости.

— Не такое хорошее, как у меня сейчас! — Локард стукнул себя рукой в грудь, желая показать, насколько оно лучше по сравнению с предыдущим.

— Это дело вкуса, — заметил Китс. — Моё предыдущее тело было намного лучше.

— Но моё в хорошем состоянии, — с раздражением настаивал Гэбриэл. — Можно быстро привести его в порядок.

— У вас не будет такой возможности, если только об этом не позаботятся власти. Знаете, в тюрьме не церемонятся с

арестованными, особенно с приговорёнными к пожизненному заключению.

Гэбриэл побледнел:

— Вы преступник, Кармоди-Китс, — жалобно начал он, — вы знаете своё дело. Вы знаете, как спрятаться от ищеек, а я всего лишь добропорядочный гражданин. — Он в преувеличенной беспомощности раскинул руки. — Простой любитель — вот кто я! Теперь я вижу, что ввязался не в своё дело.

— И что же дальше?

— Я богат, Китс, сказочно богат. Половина может стать вашей, если вы... поменяетесь со мной своим телом.

Угловатое лицо Китса оставалось бесстрастным. Неожиданно Элен, будто ей причинили боль, громко вскрикнула. Гэбриэл повернулся к ней. Его верхняя губа скривилась, обнажив зубы:

— А её я даю в придачу. Вы, должно быть, видели её до того, как я отделал. Она же не всегда была такой «красивой». Ради неё стоит рискнуть!

Китс неопределённо пожал плечами:

— Если легавые вас пристрелят, она так или иначе станет законной вдовой.

— Да, но у вас нет на неё никаких надежд с таким телом, как сейчас. Нет надежд, — повторил он срывающимся голосом, — и никогда не было надежды.

— Ну-ну, ты ещё себя пожалей, —отреагировал собеседник, — а то никто больше не пожалеет!

Лицо Гэбриэла потемнело, но он обязан был сдерживаться, чтобы добиться своего.

— Вы ведь не станете отрицать, что моё тело лучше, чем ваше? — спросил он.

— Кроме одной вещи, которая мне не нравится, — ответил Китс. — Это ваша голова.

— А чем она вас не устраивает? — Гэбриэл в замешательстве уставился на него.

— Меня не устраивает цена.

Гэбриэл откинулся на спинку стула и сказал:

— Не притворяйтесь невинным, Кармоди, вы ведь тоже убивали!

— Да, верно, но не у всех на виду, как вы. Знаете, сколько народу видело, как вы сожгли его? Довольно много. Если вы хотите свести с кем-нибудь счёты, это делают в тёмной подворотне или в безлюдном переулке, но уж никак не в залитом светом холле гостиницы. Стреляют сзади... Впрочем, бесполезно давать вам советы, вряд ли вы когда-нибудь сможете ими воспользоваться, даже если бы и захотели.

Гэбриэл сразу весь поник.

— Значит, вы не согласны? — спросил он, не поднимая глаз.

Китс немного испугался. Он не думал, что здоровяк Локард сдаст так быстро, это могло испортить все его планы и опять привести в безвыходное положение с этим никчёмным, больным телом. Китс закурил сигарету.

— Я этого не сказал. — Он старался, чтобы голос звучал возможно равнодушнее. — Скажу больше: я бы даже учёл ваши пожелания, если...

В глазах Локарда снова заблестели искорки надежды. Это вызвало в душе Китса чувство жалости, ведь он знал, какую шутку собирается сыграть с Гэбом. Но тут он вспомнил, как с ним с самим, с его женой поступил этот человек, и слабые проблески сострадания покинули его.

— Что вы хотите? — спросил Гэбриэл.

— Я хочу всё, что у вас есть, — после некоторой паузы ответил Китс.

— Вы не можете взять это с собой, дружище, — продолжал Китс. — Если мы меняемся телами, то это надо делать сегодня ночью, потому что полиция может напасть на ваш след в любую минуту. У вас не будет возможности перевести деньги на моё имя. Если вы возьмёте с меня слово, что я передам вам половину после того, как всё будет позади, то я согласен избавить вас от вашего тела. Подумайте над этим, Локард! Что вам дороже — пара паршивых миллиардов или свобода?

— Ладно, Кармоди, — проговорил Локард тупо, — вы — диктатор!

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

— Опять неофициальная игра? — винз, не скрывая удивления, выразительно пожал плечами. — Это обойдётся вам, джентльмены, по сто тысяч каждому.

— Без скидки постоянному клиенту? — попытался сосчитать Китс, но внутри его колотила дрожь.

Щупальца винза вздрогнули и он сказал:

— Никакой скидки. Вы должны ещё быть благодарны, что я снова не поднял цену.

— А почему вы не сделали этого? — поинтересовался Китс. Винз твёрдо посмотрел ему прямо в глаза.

— Не знаю, — ответил он наконец. — Может быть, я так долго пробыл на этой планете, что у меня появилось чувство сентиментальности... Как бы там ни было, я послезавтра возвращаюсь на Винау.

— Ради бога, — вскричал в страхе Локард, который слышал лишь обрывки их разговора, — заплатите ему столько, сколько он просит, и не торгуйтесь!

— Хорошо, — согласился Китс и, обращаясь к винзу, добавил: — Леди подождёт меня здесь.

— Обычно это не разрешается, — нерешительно пробормотал инопланетянин. — Ладно, я не могу отказать в таком пустяке старому клиенту. Прошу сюда, мадам!

Гэбриэл Локард открыл глаза: настоящий Локард в теле Локарда.

— Ну, как, — прошепелявил винз, склонившийся над ним, — какие ощущения, когда снова получаешь своё старое тело?

Гэбриэл встал и потянулся — раз, затем другой. Его красивое лицо приняло удивлённое выражение.

— Я чувствую себя точно так же, как и в любом другом теле, — промолвил он, запинаясь, — но мне в этом как-то неудобно. В нём что-то не так, оно мне не подходит. Моё собственное тело...

— Вы из него выросли, — сказал зелёный инопланетянин с участием, не свойственным винзам. — Вы приспособитесь к своему телу снова, если дадите ему возможность...

— Опять возможность, — поморщился Гэбриэл, — я начинаю чувствовать его так же, как раньше. Интересно, будет ли у меня когда-нибудь шанс...

— Мой вам совет, — прервал его винз и его лицо приняло почти человеческое выражение, — эта игра приносит нам деньги, но мы уже достаточно заработали на вас и ваших — я могу так сказать? — друзьях. Это постыдное занятие — обманывать менее развитых существ, но надо же как-то жить. Но вам я скажу: вас будет снова и снова тянуть к этой игре, ваше тело будет невыносимо терзаться и вы будете страстно желать избавиться от него, однако вы должны подавить это

желание или, я предупреждаю, вы потеряете себя навсегда. С этим очень трудно покончить, но можно.

Гэбриэл улыбнулся маленькому зелёному существу:

— Спасибо, дружище, я запомню твой совет. И я его исполню.

— Тот, другой, он ещё не проснулся, — сказал ему винз.

— На этот раз я подумал, что лучше разбудить вас первым. Прощайте и... удачи!

— Спасибо, старина! — растроганно ответил Гэбриэл.

Щупальца винза опять вздрогнули.

Элен ждала его в передней, сняв вуаль, и он увидел её лицо, всё в синяках и кровоподтёках. Волна ярости подкатила к горлу, но он сдержался. Её страдания уже были отомщены.

— Гэбриэл! — В голосе Элен чувствовалось напряжение. — Джд!

Он улыбнулся:

— Гэбриэл, самый что ни есть настоящий!

— Как я рада, — сказала она, вконец обессиленная, одними губами.

— Идём, — он взял её за руку и они вышли на тихую улицу.

Светало и небо было нежно-серо-голубым. От Луны снова отделилась звёздочка и, набирая скорость, устремила к далёким мирам. «Скоро, — подумал Гэбриэл, — мы будем на таком же звездолёте. Мы покинем эту угасающую планету и отправимся к звёздам!»

— Ты собираешься отпустить того, другого Гэба? — спросила Элен.

Он посмотрел на её опухшее лицо:

— Ты свободна, Элен. Я получил своё тело, нам незачем думать о нём. Он нам больше ничего не сможет сделать.

— Я думаю, ты прав, — прошептала молодая женщина. — Но это кажется несправедливым. — Она вздрогнула. — Ты даже не представляешь, что он со мной делал, что он заставлял меня делать... — По её телу опять пробежала дрожь.

— Ты замёрзла, идём.

— Но куда? — спросила она, беря его за руку и заглядывая в глаза.

— Назад, в гостиницу, забрать твои вещи. А потом... Я всё ещё продолжаю думать, что Проксима — хорошая идея, правда? Мне до смерти надоел этот старый мир.

— Но, Дже... Гэбриэл, ты сошёл с ума! Ведь полиция ждёт тебя в гостинице.

— Конечно, они там, но с благодарностью и без наручников.

Элен смотрела на него в полной растерянности. Гэбриэл засмеялся:

— Единственное, чего не знал твой бывший муж, что за поимку Кармоди, живого или мёртвого, было назначено вознаграждение.

Лицо девушки побледнело:

— Вознаграждение?! Ах, Гэбриэл! — И она истерически засмеялась.

— Тихе, дорогая, держи себя в руках, — он обнял её осторожно, но крепко. — О нас заговорят!

Первые лучи солнца начинали заливать улицы старого города, золотистым светом.

— Подумай лучше о вознаграждении, которое мы получим. Пять тысяч — они будут наши!

Девушка вытерла глаза, опустила вуаль и сказала:

— Мы сможем с ними делать всё, что нам захочется?

— Я думаю, было бы здорово передать эти деньги гостинице, — улыбнулся Гэбриэл, — ведь я устроил в холле настоящую бойню, выполняя долг добропорядочного гражданина. Давай передадим им деньги и оставим для нашего путешествия к звёздам одни только приятные воспоминания!

«Неужели, — не смог удержаться от мысли Гэбриэл, — там на звёздах не найдётся места, где играют в зеркл?»

Bodyguard, 1956

Перевод: А. Кутасевич

Иллюстрации: Кават

WHAT PRICE WINGS?

by H. L. Gold

ЧЕГО СТОЯТ КРЫЛЬЯ

Но ты ведь обещал! — воскликнула Лиз Блэквелл. — Ты клялся всеми святыми, что попросишь их ампутировать!

— Ампутировать? — в ужасе вскричал доктор Джонас. — В жизни не слышал ничего подобного!

— Но про человека с крыльями вы тоже в жизни никогда не слышали, — отпарировала она. — Гарвей, прошу тебя... Ты обещал!

— Это чтобы тебя успокоить, — ответил Гарвей Лидс. — Ты тогда так разволновалась, потому что все на меня смотрели...

Голый до пояса, в одних брюках и ботинках, развернув свои крылья во всё их великолепии, он походил на современный вариант Ники Самофракийской мужского пола.

— Лиз, если бы господь не хотел, чтобы я летал, он не наградил бы меня крыльями.

Доктор Джонас отложил складной метр и сказал:

— Длина крыльев — сто семьдесят пять сантиметров. Размах — три метра сорок. Если вычесть ваш прежний вес из нынешнего, крылья весят двадцать четыре килограмма. Они выросли из лопаток и являются естественным продолжением вашей костной, мускульной и кровеносной систем. Я никогда не видел у людей крыльев, но эти кажутся мне вполне надёжными. Ампутировать их — всё равно, что отрезать совершенно здоровую ногу... С моей стороны это было бы непростительной профессиональной ошибкой, молодой человек!

— Но с ним так неловко теперь выходить на люди! — взмолилась Лиз. — И зачем только они выросли? Когда крылышки у него были как у ангелочка, это было божественно!

— Вы просили, чтобы я вас осмотрел, — продолжал врач, обращаясь к Гарвею, — и я сделал всё, что мог, хотя, по совести, вам следовало бы обратиться к ветеринару. Рост крыльев,

наверное, вас очень утомил. Пейте как можно больше молока, чтобы возместить потерю кальция. Спите подольше и ешьте всевозможные свежие овощи. Короче, я вам рекомендую то же самое, что посоветовал бы любой молодой матери.

Гарвей надел рубашку, а затем пиджак задом наперёд, и Лиз помогла ему застегнуть пуговицы. В таком облачении он походил на священника, вернее, на ангела, концы его крыльев мели пол.

— Надо будет присмотреться к древним статуям, — сказал он, — а то неизвестно, как мне теперь одеваться.

— Хорошая мысль, — одобрил доктор Джонас. — Точность деталей у древних скульпторов поистине удивительна! Наверное, они лепили с натуры. И если это так, то вы не уникальнейший случай, а просто анахронизм. Но каким образом они у вас выросли?

— Не знаю, — сказал Гарвей.

— Зато я знаю! — взорвалась Лиз. — Это потому, что он такой добродетельный. У него нет ни одного недостатка, а это уже само по себе невыносимо для нормальной девушки вроде меня. Всё началось, когда он проверял счета, и вдруг обнаружил, что случайно не доплатил что-то около двух долларов налога. Он хотел их возместить, но ему сказали, что этот счёт уже закрыт и чтобы он об этом больше не думал. Тогда он послал деньги по почте анонимно. И в тот же вечер я заметила у него вокруг головы какое-то сияние вроде венчика...

— Но ведь я должен был как-то вернуть эту сумму, — запротестовал Гарвей.

— Ну а крылья? — настаивал доктор Джонас.

— Вы поверите? Он до сих пор невинен! Настоящий девственник! В его-то годы! Я хотела убедиться, подойдём ли мы друг другу, но он ответил, что мы должны блюсти себя в чистоте до дня свадьбы. И вот тогда у тебя стали чесаться лопатки, Гарвей Лидс! А через несколько дней прорезались крылышки.

— Правда, я и сам позабыл, — скромно подтвердил Гарвей.

Наступило молчание. Затем доктор Джонас медленно проговорил:

— Это доказывает, что добродетель тоже имеет свои пределы, за которыми в организме возникают глубокие физиологические изменения. С пороком, видимо, то же самое... Доктор Джекил и мистер Хайд, очевидно, не плод воображения. Это волнующая тема для размышлений.

— Но как ему теперь быть с работой? — взмолилась Лиз.
— С тех пор как у него появились крылья, он не может ходить в мастерскую.

— На пошивочном ателье свет клином не сошёлся, — заявил Гарвей.

— Совершенно верно, — согласился врач. — Для крылатого человека наверняка найдётся масса интересных дел.

— Не нужен ты мне со своими дурацкими крыльями! — отрезала Лиз.

Гарвей заметил, что перья его взъерошились... «Как у орла», — подумал он.

— Если вы так низко меня цените, уважаемая мисс Блэквелл, значит, вы не та единственная, предназначенная мне женщина.

Он хотел бы ответить ей более резко, но не знал, как это делается.

— В таком случае прощай! — сказала Лиз, с треском защёлкнула сумочку и вышла.

Гарвей остался стоять посреди комнаты в полной растерянности.

— Наверное, и я должен был сказать «прощай», — наконец промямлил он. — Теперь мне надо придумать, как прокормиться с помощью этих крыльев.

— Желаю удачи! — сказал врач. — И держите меня в курсе всех изменений, которые могут с вами произойти.

* * *

Епископ с восхищением осмотрел Гарвея со всех сторон.

— Несомненно, крылья самые настоящие, с перьями и прочим. Как сказал ваш врач, просто удивительно, с каким

искусством древние скульпторы воспроизводили крылатых... Поистине они должны были ваять с натуры! Это... потрясающе!

— Вот с одеждой трудно, — заметил Гарвей, надевая рубашку задом наперёд.

— Решение проблемы — тога, сын мой, как на статуях. Это, разумеется, не слишком модно, однако не менее, чем человек с крыльями.

Епископ сел за стол и закурил сигару.

— А теперь расскажите, что привело вас ко мне.

— Но это же и так понятно! — Гарвей прислонился к стене: сесть в кресло он не мог — мешали крылья. — Я ведь ангел, не так ли?

— Я не могу быть судьёй в таком сложном богословском вопросе, но внешнее сходство, бесспорно, есть. Я даже готов в принципе согласиться с теорией вашего врача о критической массе добра. Но что я могу сделать для вас практически, сын мой?

— Примите меня на должность ангела, — сказал Гарвей.

Епископ поперхнулся.

— А что вы будете делать? — спросил он, наконец прокашлявшись.

— Я не знаю, что делают ангелы. Это должна решить церковь, а не я.

Епископ склонился над столом.

— Сын мой, если церковь, начнёт заниматься всякими физическими аномалиями, у нас не останется времени ни на что другое. Вы, разумеется, являетесь исключением, но слишком старомодным, я бы сказал, средневековым.

— Но вы можете меня как-то приспособить, использовать?

— Повторяю, это вне моей компетенции, однако я не вижу, чем вы можете быть полезны церкви, и наоборот, чем церковь может быть полезной вам. Было время, когда церковь нуждалась в чудесах, но то было в средние века, в тёмную эпоху неграмотности и суеверий.

— А сейчас чудеса разве не нужны? — настаивал Гарвей.

— Сегодняшняя церковь — просвещённая церковь. Она так же далека от средневековья, как современные вычисли-

тельные машины от древних счётов с деревянными шариками. Церковь нуждается в дельцах, уверенных и хладнокровных, которые отличают вексель от акции, умеют изыскивать фонды... короче, умеют пользоваться всеми средствами массовой информации для распространения современной религии.

— Вы хотите сказать...

— ...что в современной церкви просто нет места для средневековых пережитков вроде вас.

Гарвей помолчал. Затем сказал со вздохом:

— Если так, ничего не поделаешь. А мне казалось, что это хорошая мысль.

Епископ обогнул стол и отечески потрепал Гарвея по плечу.

— Вы что-нибудь придумаете, сын мой. Надо уметь извлекать пользу даже из неудач. Когда жизнь подсовывает вам лимон, превращайте его в лимонад! Именно так мы и делаем ежедневно в лоне церкви.

— Благодарю вас, что приняли меня, — сказал Гарвей в смятении чувств. — И... прощайте!

— Прощай, сын мой, — не сморгнув ответил епископ деловито. — И да благословит тебя господь!

* * *

Сэм Крюбел закончил скептический осмотр крыльев Гарвея.

— Они и вправду настоящие. Ну так чего вы хотите?

— Работы, — ответил Гарвей. — Люди наверняка будут щедро платить, чтобы посмотреть на крылатого человека.

— В ярмарочных балаганах — возможно. Но у меня перwokлассное агентство. Я не занимаюсь ярмарочными аттракционами.

— Но ведь есть ещё телевидение. И ночные кабаре. И кино.

— Послушайте, — терпеливо начал Крюбел, — единственное, что у вас есть, — это крылья. Для номера этого недостаточно. Два-три представления, и всё. Единственное место, где вы можете получить постоянную работу, — это ярмарочный балаган.

Гарвей задумался.

— Этого я не сообразил. Значит, мне нужен свой номер. Как мне его придумать?

Крюбел распахнул дверь в соседний обширный зал с гимнастическими кольцами и зеркалами на стенах.

— Вот, — сказал он, — здесь достаточно места для полёта. Потому что вы ведь летаете, не так ли?

— У меня нет опыта, — с сожалением пробормотал Гарвей. — В моей квартире слишком тесно, а на улице я стесняюсь...

— Здесь вам ничто не мешает. И смотреть на вас будем только мы трое.

— Как это трое? — удивился Гарвей.

Он оглядел зал и только сейчас увидел маленькую коренастую женщину, которая сидела рядом с таким же маленьким коренастым мужчиной на металлической скамье у стенки. Они ждали приёма у Крюбела, но теперь с интересом уставились на Гарвея.

— Не смущайтесь, — подбодрил его Крюбел, — это всего лишь акробаты... Итак, летайте, летайте! — проговорил он нетерпеливо.

Гарвей снял пиджак, рубашку, отошёл в дальний угол тренировочного зала. Он распростёр своя великолепные крылья и начал разбег. Стараясь координировать движения крыльев и ног, он добежал почти до противоположной стены, прежде чем поднялся на воздух. Неловко развернувшись, чтобы не удариться о зеркала, он воспарил к потолку.

— Для начала не очень-то, — заметил Крюбел. — Что ещё вы умеете?

— Право, не знаю...

— Может, мёртвую петлю?

— О, знаете, у меня, кажется, боязнь высоты...

— Ещё нелегче! Если вам больше нечего показать, спускайтесь.

Гарвей сдвинул ноги для приземления. Скорость его была меньше пятнадцати километров в час, но он не рассчитал пробег и врезался в закрытую дверь. Сложив крылья, он вернулся к своей одежде, как побитый.

— Плачевное зрелище, — буркнул Крюбел и открыл дверь, об которую Гарвей расквасил нос. — Приходите ко мне, когда у вас действительно будет что показать.

— Что, например? — вскричал Гарвей.

Крюбел замер, держась за ручку двери.

— Я продаю номера. Я их не изобретаю!

Гарвей заметил, что акробаты одобрительно закивали.

— Хорошо, я подумаю дома над своими возможностями.

— В запасе у вас всегда есть ярмарка. Желаю вам всяческой удачи.

— Благодарю за приём, — сказал Гарвей.

— Не за что. — Крюбел прикрыл за собой дверь, но тотчас отворил её, чтобы коротко бросить акробатам: — Сожалею, Ламбино, но для вас у меня ничего нет.

Они что-то вежливо пробормотали и вышли.

Гарвей надел задом наперёд рубашку, пиджак, рассеянно дошёл до лифта. Он и представить себе не мог, какой номер ему изобрести.

* * *

Когда Гарвей вставил ключ в скважину, кто-то тронул его за локоть. Он оглянулся. Мужчина и женщина, оба маленькие и коренастые, стояли рядом, бормоча вежливые слова.

— Мы шли за вами, — объяснил мистер Ламбино.

— Это было нетрудно, — извинилась миссис Ламбино.

— Мы хотели бы поговорить насчёт вашего номера.

— Вы очень любезны, — сказал Гарвей. — Входите.

Когда они сели, слегка смущённые, мистер Ламбино объяснил:

— Мы пошли следом за вами, потому что для нас вы целое состояние — миллион долларов!

— Я? — поразился Гарвей, прислоняясь к стене. — Каким образом? Вы хотите стать моим импресарио?

— К сожалению, нет. Мы — Великие Ламбино, лучшие из акробатов. Но у нас нет контракта.

— Мне очень жаль. Я в таком же положении.

— Кому интересны акробаты? Никому. Но труппа с крыльями...

— Труппа? — переспросил заинтригованный Гарвей.

— У вас нет номера. У вас не те габариты.

— Разумеется, для акробатики, — извинилась миссис Ламбино.

Мистер Ламбино пробурчал что-то вежливое.

— Конечно, для акробатики, не для женщин... — Он поклонился, не вставая со стула. — Вы упражняетесь каждый день?

— Нет, совсем нерегулярно, — признался Гарвей.

— Вот видите! — торжествующе воскликнул мистер Ламбино. — Мы с женой работаем каждый день с утра до вечера, чтобы быть в форме, и совершенствуем наш номер, и без того превосходный. Вы способны на это?

— Я попробую. Раз это необходимо...

— Вам придётся тренироваться годами! И только тогда вы, может быть, сделаете свой номер. В то время как вместе с нами вы сможете дебютировать немедленно.

Гарвей нахмурился.

— Простите, но я вас не понимаю.

— Всё очень просто. С крыльями мы заработаем кучу денег, и вы будете получать четверть, нет — половину наших доходов.

— Да, да, половину, — подтвердила миссис Ламбино.

— Но с чего мы начнём? — спросил Гарвей.

— Расскажите, где и кто пересади́л вам крылья.

— Пересади́л? — изумился Гарвей. — Они вовсе не пересаженные. Они просто выросли.

Великие Ламбино перестали вежливо ворковать.

— Мы говорим серьёзно, — сказал мистер Ламбино. — Не шутите, прошу вас.

— Но это серьёзно! Они выросли сами!

Мистер Ламбино выхватил пистолет.

— Сами?! Ну хватит. Если вы не откроете нам вашу тайну, мне придётся прибегнуть вот к этому.

— Послушайте! — взорвался Гарвей. — От этих крыльев у меня одни неприятности. С точки зрения аэродинамики я не-

лепее, чем первый планер Лилиенталя. Из-за них я потерял работу. Из-за них я потерял любимую девушку. Из-за них я не могу сесть в кресло и сплю стоя на подпругах, как больная лошадь. А люди, которые на меня глазают! Крюбел прав. Я гожусь только для ярмарочного балагана, где показывают монстров. *Чёрт бы побрал эти проклятые крылья!*

Крылья упали на пол.

Гарвей смотрел на них вначале с ужасом, потом с облегчением.

— Видимо, иногда полезно разозлиться, — сказал он. — Давно бы мне потерять терпение... и ещё кое-что, — добавил он мечтательно.

Быстро вытолкав обескураженную чету акробатов, он набрал знакомый номер телефона и с улыбкой до ушей заговорил:

— Алло, это ты, Лиз? Слушай, у меня есть для тебя новости...

What Price Wings? 1962

Перевод: Ф. Л. Мендельсон

TROUBLE WITH WATER

ТРУДНОСТИ С ВОДОЙ

Как сказал автор, «рассказ не задумывался смешным. Если же он вызывает смех, то из-за неразрывной связи юмора с трагедией. Происходящее с героем трагично с финансовой, религиозной и культурной точек зрения. Валяйте, смейтесь. Сами увидите, беспокоит ли меня это».

Дж. Данн

Гринберг заслуживал лучшей судьбы. Он оказался первым рыбаком в сезоне, что обещало хороший клёв, и отплыл далеко от берега озера на совершенно сухой, без единой течи лодке. Вода была совершенно спокойной, единственное возмущение поверхности вызвала брошенная им искусственная муха. Солнце приятно грело, при том что воздух оставался

прохладным, Гринберг удобно сидел на мягкой подстилке, ощущая полный комфорт. С собой он прихватил завтрак, а две бутылки пива охлаждались за бортом.

Любой другой человек преисполнился бы счастья, рыбака в такой славный день. Обычно Гринберг тоже испытывал бы приподнятое настроение, но сегодня он никак не мог расслабиться в ожидании поклёвки — заботы и тревожения не оставляли его и посреди озера.

Гринберг был невысоким, лысым, полноватым бизнесменом, ведущим кочевой образ жизни. Летом он жил в отеле с разрешением готовить еду в Рокауэе, зимой — в таком же отеле с разрешением готовить еду, но уже во Флориде. И там, и там он занимался торговлей напитками и закусками. Год за годом дожди шли по выходным, и трижды в год случались настоящие бури и наводнения — в День независимости, День поминовения и День труда¹. Он не очень любил свой образ жизни, но всё-таки зарабатывал на хлеб.

Гринберг закрыл глаза и тяжело вздохнул. Если бы у него вместо Розы был сын, всё пошло бы иначе. Сын управлялся бы с хот-догами и гамбургерами, Эстер варила бы пиво, а сам он подавал бы прохладительные напитки. В доходах не было бы особого прироста по сравнению с тем, что он имеет, признавался себе Гринберг, но кое-что удалось бы откладывать на старость, а не на приданое его несчастной уродливой великовозрастной дочери.

— Ну не выйдет она замуж, и что с того?! — орал он на жену. — Я буду содержать её. Другие оставляют собственным сыновьям маленькую кондитерскую и стойку газированной воды с двумя кранами. Почему я обязан дарить неизвестно кому целое казино?

— Да чтоб у тебя язык отсох, трусливый скупердяй! — визжала она в ответ. — Моя дочь ни за что не останется старой девой! Я найду мужа для Розы, даже если нам придётся

¹ День независимости, День поминовения и День труда — праздники, которые отмечаются в США соответственно 4 июля, 30 мая и в первый понедельник сентября.

умирать в приюте для нищих! Каждый грош, который мы не проедаем, отойдёт в её приданое!

Гринберг не испытывал к дочери ненависти, не винил её в неудачах. Но именно из-за неё он рыбачил сейчас сломанной удочкой, половинки которой пришлось связать вместе.

Сегодня утром жена открыла глаза и увидела, как он собирается. Сон как рукой смахнуло.

— Давай! — завопила она (умение разговаривать нормальным тоном не относилось к числу её достоинств). — Иди, рыбачь, бездельник! Бросай меня одну тут. Я и сама могу соединить трубы с пивными бочками и принести сифоны для газировки. Я могу купить мороженое, сардельки, рулеты, одновременно присматривая за электриком и газовщиком. Давай, иди, развлекайся!

— Я уже всё заказал, — пробормотал он. — Газовщик и электрик не придут сегодня. Хочу в последний раз немного порыбачить, ведь завтра начнём торговать. Сама подумай, Эстер, будет у меня время рыбачить, когда мы откроемся?

— Мне всё равно! И вообще, я разве не жена тебе, что ты вот так заказываешь всё, не спросив меня?!

Он начал защищаться, что было тактической ошибкой. Ему следовало собрать вещи и уйти, пока она оставалась в постели. Когда спор дошёл до приданого Розы, жена уже стояла перед ним.

— Я не беспокоюсь о себе. Но каким же чудовищем ты должен быть, чтобы спокойно идти на рыбалку, когда наша дочь так страдает?! Да ещё в такой день! А ведь надо приготовить ужин и проследить, чтобы Розы была одета как следует. Но тебе наплевать, что хороший молодой человек приходит сегодня к ужину и, кто знает, может быть, поведёт Розы на прогулку! Ты ужасный отец!

Всё кончилось тем, что он успел поймать одну половину удилица, а вторая попала ему в голову.

Теперь он сидел в отличной сухой лодке посреди прекрасного озера на Лонг-Айленде, с ужасом осознавая, что даже не крупная рыба может легко разломать такое убогое удилице.

Чего ещё он мог ожидать? На поезд Гринберг опоздал, потому ему пришлось ждать владельца лодочной станции, его

любимая наживка — сушёная мушка — отсутствовала, и с самого утра ни одна рыба так и не клюнула. Ни одна!

Время шло. Гринберг терял терпение. Он вытащил одну из бутылок пива и осушил её, надеясь набраться храбрости и заменить муху на менее спортивную наживку — червяка. Это решение болезненно отозвалось в душе, но уж очень хотелось поймать рыбу.

Крючок с нанизанным извивающимся червяком исчез под водой. Круги ещё не успели разойтись по воде, как он почувствовал рывок. Гринберг задержал дыхание и подсёк, вонзая крючок поглубже в губу долгожданной рыбе. Иногда, подумал он философски, рыбы просто не желают клевать на искусственную наживку.

— О Боже, — взмолился Гринберг, — я дам доллар на благотворительность, только пусть удочка выдержит!

Удилище опасно изогнулось. Он с тревогой посмотрел на него и на всякий случай повысил ставку до пяти долларов. Несмотря на щедрость, попытка извлечь рыбу из воды могла провалиться. Гринберг опустил удочку в воду, чтобы снизить нагрузку, и порадовался, что никто не видит его в этот момент. Неожиданно всякое сопротивление исчезло.

— Я что, угря поймал? Или нечто такое же некошерное? Ты почему не борешься, а? — бормотал он.

На самом деле Гринбергу было плевать, что именно клюнуло на его червяка, пусть даже угорь.

Он вытащил из воды длинную пятнистую шляпу без полей.

Мгновение Гринберг молча взирал на добычу. Затем сорвал её с крючка, швырнул на дно лодки и начал топтать, одновременно заламывая руки в отчаянии.

— Весь день я рыбачу! — вопил он. — Два доллара за проезд на поезде, доллар за лодку, четверть доллара за наживку, а ещё надо купить новую удочку да отдать пять долларов на благотворительность! И ради чего?! Ради дурацкой шляпы!

В этот момент из воды раздался необычайно вежливый голос:

— Не могли бы вернуть мою шляпу?

Гринберг оглянулся. По воде к нему направлялся маленький человечек, величественно скрестивший руки на груди. Он быстро и решительно плыл, загребая воду огромными ушами. Добравшись до правого борта, человечек остановился, и уши помогли ему удерживать вертикальное положение. Он серьёзно посмотрел на Гринберга и беззлобно сказал:

— Вы топчете мою шляпу.

Гринберга это совершенно не беспокоило. Он заявил с чувством превосходства:

— Вы гребёте ушами! Это смешно.

— А как ещё я могу плыть? — вежливо спросил человечек.

— Загребая руками и ногами, как любой человек, разумеется!

— А я не человек. Я водяной гном, дальний родич более знаменитых горных гномов, которые живут в шахтах. Я не могу грести руками, я должен держать их скрещёнными, чтобы продемонстрировать подобающее водяному гному достоинство. Ноги я использую, когда пишу, и держу ими различные предметы. А вот мои уши прекрасно приспособлены для передвижения в воде. Поэтому я их и использую по назначению. Но, прошу вас, мне нужна моя шляпа. Несколько серьёзных происшествий требуют моего внимания, и я не могу терять время попусту.

Недоброе отношение Гринберга к очень вежливому гному легко объяснимо. Он обнаружил существо, к которому мог относиться свысока. Задирая его, Гринберг тешил своё подавленное эго. Двухфутовый гном выглядел достаточно безобидным.

— Чем это таким важным ты собираешься заниматься, ушастый? — спросил он довольно противным голосом.

Гринберг надеялся, что гном обидится. Но тот не обиделся, как не обиделись бы и вы, назови вас представитель расы с атрофированными мышцами качком. Вы бы, возможно, даже немного возгордились.

— Я очень тороплюсь, — сказал гном с беспокойством. — Но если для того, чтобы получить шляпу, мне придётся ответить на ваши вопросы, пусть будет так. Мы заняты тем, что пытаемся вернуть в воды Восточного побережья рыбу. Про-

шлый год выдался засушливым. Комиссия по рыболовству сотрудничает с нами в определённой степени, но мы не можем полагаться на неё в полной мере. Всем рыбам приказано не клевать, пока численность популяции не восстановится. — Гринберг позволил себе скептически улыбнуться. — Моя основная работа сводится к контролю дождей на Восточном побережье, — покорно продолжал гном. — Наш отдел по сбору информации, расположенный в метеорологическом центре континента, координирует осадки по всему региону. Когда его сотрудники решают, что в какой-то части Восточного побережья должен пролиться дождь, я забочусь о том, чтобы так оно и произошло. А теперь отдайте мою шляпу.

Гринберг грубо рассмеялся.

— Ваша первая ложь — насчёт указания рыбам не клевать — и так была достаточно велика. Вы такой же специалист по производству дождя, как я президент США! — Он с лукавой усмешкой склонился к гному. — А как насчёт доказательства?

— Конечно, раз уж вы настаиваете. — Гном поднял спокойное треугольное лицо и посмотрел на ясное синее небо. — Следите за этим участком.

Гринберг с улыбкой поднял взгляд к небу. Даже когда среди синевы быстро образовалось тёмное облако, улыбка осталась широкой — ведь это могло быть совпадением. Но затем тяжёлые капли забарабанили по поверхности озера, причём дождь шёл только на участке диаметром в двадцать футов. Улыбка потухла, и Гринберг помрачнел.

Он с ненавистью смотрел на гнома.

— Так это ты тот мерзкий тип, из-за которого по выходным льёт дождь!

— Летом обычно по выходным, — признался гном. — На выходные приходится девяносто два процента потребления воды, и нам необходимо её возместить. Поэтому, разумеется, дождь тоже идёт в выходные.

— Вор! Убийца! — завопил Гринберг. — Да ты понимаешь, что делаешь своим дождём с моим бизнесом? Даже без дождя дела идут не так уж хорошо, а ты устраиваешь потоп!

— Извините, — ответил гном, не тронутый словами собеседника. — Мы делаем дождь не для людей, мы заботимся о рыбах. А теперь верните шляпу, я и так потерял много времени. В эти выходные мы должны устроить особенно сильный дождь.

Гринберг вскочил на ноги в качающейся лодке.

— Ливень в эти выходные?! Когда я наконец-то мог бы заработать?! Ты разрушаешь бизнес! Да чтоб ты вместе с твоей рыбой умер в долгих и страшных мучениях!

В ярости он разорвал шляпу на клочки и швырнул их в гнома.

— Жаль, что вы так поступили, — спокойно сказал гном, опираясь ушами о поверхность воды. Он ничем не выдавал раздражения. — Мы, Малый народ, никогда не выходим из себя. Но иногда мы считаем необходимым проучить кое-кого, чтобы сохранить достоинство. Я не мстителен. Однако раз уж вы так ненавидите воду и тех, кто живёт в воде, то отныне вода и те, кто в ней живёт, будут избегать вас.

Продолжая держать руки скрещёнными на груди, гном взмахнул ушами и моментально погрузился в озеро, почти не возмутив поверхность.

Гринберг смотрел на разбегающиеся круги. Он не осознал последних слов гнома, он даже не попытался понять, что тот сказал. Он угрюмо косился на дождь, продолжавший идти из маленькой тучки возле его лодки. Через мгновение гном, видимо, вспомнил об этом, потому что дождь прекратился. Будто завернули кран, неохотно признал Гринберг.

«Прощай, бизнес по выходным, — подумал он. — Если Эстер дознается, что я поругался с парнем, который делает дождь...»

Гринберг забросил удочку, желая в последний раз попытать удачу. Леска полетела к воде, затем крючок подскочил вверх и остановился на расстоянии нескольких дюймов над поверхностью. Крючок словно висел в воздухе.

— А ну ступай в воду! — с угрозой велел Гринберг, дёрнул удочку назад и снова забросил крючок в воду. Но тот снова остался в воздухе, немного не долетев до воды.

Бурча под нос что-то бессвязное о том, что скорее повесится, чем сдастся, Гринберг швырнул за борт удочку. Он уже не слишком удивился, когда удочка зависла над поверхностью озера. Сердито посмотрев на свою снасть, Гринберг выбросил из лодки последние лоскутки шляпы и сел за вёсла.

Когда он попытался сделать гребок, вёсла не коснулись воды, а лишь провернулись в воздухе, и Гринберг чуть не ткнулся носом в дно лодки.

— Ага, вот и начались неприятности, — пробурчал он, свешиваясь за борт. Как и следовало ожидать, киль лодки не был погружён в воду. Лодка парила на значительной высоте над поверхностью озера.

Отчаянно болтая вёслами в воздухе, Гринберг продвигался к берегу с чудовищной медлительностью, будто ожившая средневековая картинка, изображавшая летучий корабль. Но он думал не об этом, а о том, чтобы его никто не увидел в таком унижительном положении.

Вернувшись в отель, Гринберг попытался прошмыгнуть мимо кухни в ванную. Он знал, что Эстер непременно будет ругать его за рыбалку накануне открытия, да ещё в день, когда милый молодой человек придёт к Розе. Если он успеет переодеться, возможно, она будет меньше...

— Явился наконец, бесполезный лентяй!

Гринберг замер на месте.

— Да посмотри на себя, грязнуля! — закричала она пронзительно. — Ты же весь провонял рыбой!

— Я ничего не поймал, дорогая, — робко запротестовал он.

— Но ты всё равно воняешь. Немедленно иди в ванну, чтоб ты там утонул! У тебя две минуты! Переоденься и займи юношу, когда он придёт! Живо!

Гринберг быстро заперся в ванной, радуясь, что не слышит больше голоса жены. Он открыл кран, чтобы наполнить ванну водой, и снял верхнюю одежду. Гринберг надеялся, что горячая ванна поднимет ему настроение.

Никакой рыбы! Дожди по выходным! Что сказала бы Эстер, если бы, конечно, знала. Но он, конечно, не собирался говорить ей.

«Навлечь на себя пожизненные проклятия! — Гринберг ухмыльнулся. — Ха!»

Он вставил новое лезвие в бритву, взял тюбик с кремом и посмотрел в зеркало. У отражения, уставившегося на него в ответ, было мягкое, круглое лицо с хорошо заметной уродливой щетиной. Он выпятил подбородок, чтобы выглядеть решительнее, и нахмурился. Его лицо действительно приняло жёсткое и непреклонное выражение. К сожалению, Эстер никогда не видела его лицо таким, а то бы говорила с ним мягче.

— Герман Гринберг никогда не сдаётся! — прошипел он свирепо. — Дожди по выходным, никакой рыбы, всё, что угодно, а мне плевать! Поверьте, он приползёт ко мне раньше, чем я пойду к нему!

И тут Гринберг сообразил, что его бритвенный помазок упорно не желает намочнуть. Он опустил взгляд и увидел, что вода, бегущая из крана, разделяется на отдельные струи и огибает кисточку. Решительное выражение лица Гринберга моментально сменилось испугом. Он попытался поймать воду, хватал струю ладонью, дул на неё, подставив кисточку с другой стороны, но всё тщетно — вода легко убегала от него. Гринберг попытался заткнуть кран ладонью, но тогда вода попросту потекла вспять, и он услышал, как она журчит по трубам.

— Ну и что же мне теперь делать? — простонал он. — Эстер меня убьёт, если я не побреюсь, но я не могу побриться без воды!

Помрачневший Гринберг закрутил кран ванны и шагнул в неё, даже не раздеваясь до конца. Он лёг, чтобы намочнуть. Через минуту Гринберг с диким ужасом осознал, что остался совершенно сухим, а вся вода одним судорожным рывком выскочила из ванны и растеклась по полу.

— Герман, хватит плескаться! Я только что вымыла полы! Если я найду хоть одно пятнышко грязи, я убью тебя! — закричала жена.

Гринберг уныло смотрел на бассейн, образовавшийся на полу ванной комнаты.

— Да, любовь моя, — выдохнул он страдальчески.

Он гонялся за убегающей водой с салфеткой, пытаясь собрать её, прежде чем она зальёт нижние помещения. Однако салфетка осталась сухой, а тем временем начали намочить перекрытия между этажами. Вода всё ещё пребывала на полу.

Отчаявшись, Гринберг уселся на край ванны. Он сидел молча, пока жена не забарабанила в дверь и не потребовала, чтобы он вышел. Тогда он неохотно встал и начал одеваться.

Гринберг выскочил из ванной комнаты и плотно прикрыл дверь. Он выглядел грязным, а всё его лицо покрылось царапинами, так как он попытался побриться без пены.

— Рози, — прошептал он, — где мама?

Дочь сидела в кресле и красила ногти на коротких пальцах.

— Ты ужасно выглядишь, — сообщила она. — Не хочешь побриться?

Её спокойный голос показался Гринбергу ужасно шумным, так что он даже подпрыгнул.

— Тише, Рози! — попросил он, прижав палец к губам.

Гринберг услышал, как жена тяжело ходит по кухне.

— Рози, — тихонько проворковал он, — я дам тебе доллар, если ты вытрешь воду, которую я пролил в ванной.

— Не могу, папа, — ответила дочь. — Я уже переоделась.

— Два доллара, Рози. Ну хорошо, два с половиной, шантажистка.

Гринберг вздрогнул, услышав удивлённый возглас Рози. Но когда она вышла из ванной в мокрых туфлях, отец уже бежал вниз по лестнице. Гринберг выскочил из отеля и бесцельно побежал в сторону деревни.

Ну вот, только этого ещё не хватало, думал он. Крики жены, слёзы дочери, теперь надо будет купить пару новых туфель для Рози да отдать ей два с половиной доллара. Но сперва необходимо избавиться от щетины...

Осторожно коснувшись царапины — одной из многих, оставленных бритвой при попытке побриться насухо, — Гринберг обнаружил, что стоит напротив аптеки. Поколебавшись мгновение, он вошёл внутрь. Вряд ли здесь может быть что-то полезное, подумал он, но всё-таки подошёл к прилавку. С другой стороны появился аптекарь. Приятный, неглупый парень, как оценил его Гринберг.

— Чем бы я мог побриться, не используя воду? — спросил он у аптекаря.

— Слишком чувствительная кожа? У меня есть отличное средство, — ответил тот.

— Нет, просто... скажем так, я просто не хочу бриться с водой.

Аптекарь выглядел разочарованным.

— Могу предложить вам крем для бритья, не требующий помазка. Хотя, — он просиял, — лучше возьмите электрическую бритву!

— Сколько она стоит?

— Всего пятнадцать долларов, а будет служить вам всю жизнь.

— Дайте мне крем, — холодно ответил Гринберг.

Обладая тактическим чутьём прирождённого военачальника, Гринберг бродил снаружи, пока не стемнело, и только тогда отправился обратно в отель. Уже миновало семь часов вечера, и он проголодался. Все люди, входившие в отель, были ему знакомы — традиционные летние постояльцы. Наконец мимо прошёл незнакомец и начал быстро подниматься по лестнице.

Мгновение Гринберг колебался. Незнакомца никак нельзя было назвать юношей, но, вероятно, Эстер просто выдавала желаемое за действительное. Он решительно зашагал следом за мужчиной.

Гринберг выждал несколько минут, чтобы гость успел представиться, а Эстер и Розы — принять любезный вид. Затем он вошёл, уверенный, что при госте никаких сцен не будет.

Войдя, Гринберг сразу почувствовал враждебность, но сделал вид, что ничего не заметил. Он вежливо пожал руку гостю, назвавшемуся Самми Кацем, доктором. Надо полагать, ищет практику, проникательно подумал Гринберг и попросил извинить его.

В ванной он тщательно прочитал инструкцию по использованию крема для бритья. Гринберг почувствовал себя менее уверенно, узнав, что после бритья лицо следует ополоснуть водой с мылом, но, как бы то ни было, нанёс крем и подо-

ждал, чтобы щетина смягчилась. Этого не произошло, как выяснил он, начав бриться. Закончив, Гринберг вытер лицо насухо. Полотенце стало чёрным и воняло. Опять расходы, подумал он, но тут же равнодушно пожал плечами. Следовало отдать пятнадцать долларов за электрическую бритву, но он по глупости упустил этот шанс.

Из вежливости его дождались, не начиная ужинать. Продолжая мило улыбаться, Эстер прошептала:

— Погоди, я с тобой ещё разберусь!

Гринберг улыбнулся в ответ, на что весьма болезненно отозвалось ею многострадальное лицо. Грозу можно предотвратить, если очень радушно отнестись к молодому человеку Рози. А, если удастся подсунуть Самми пять долларов, чтобы он — увёл Рози погулять — опять расходы! — то Эстер всё простят.

Гринберг совершенно погрузился в попытки обольстить Самми и направить его в нужном направлении, да забыл обо всём, в том числе, о блюде, которое следует за икрой. В иной раз он бы оскорбился при виде нафабранных остроконечных усиков гостя и его коммерческом подходе к бедной Рози, но сегодня Гринберг видел в Самми Каце потенциального спасителя.

— Вы уже обзавелись кабинетом, доктор Кац?

— Ещё нет. Вы знаете, как здесь делаются дела. Кстати, зовите меня Самми.

Гринберг оценил этот спланированный ход, особенно потому, что фраза понравилась Эстер. Одним ударом Самми снискал расположение хозяев и завязал торговые переговоры.

Не говоря ни слова, Гринберг взял ложку и атаковал суп. Этот нетерпеливый доктор легко попадётся в мои силки, подумал он. *Доктор!* Неудивительно, что Эстер и Рози светятся от счастья.

Соблюдая все правила этикета, Гринберг попытался опустить ложку в тарелку с супом. Суп выплеснулся на скатерть.

— Поаккуратнее, ты накапал! — прошипела Эстер.

Гринберг поднёс ложку ко рту. Суп, словно ожив, выскочил из ложки и понёсся на него, но в последний момент изменил направление и плюхнулся на пол. Гринберг сглотнул и

отодвинул тарелку. На сей раз из неё на скатерть вылился весь суп.

— Я всё равно больше не хочу супа, — предпринял Гринберг жалкую попытку спасти положение.

К счастью, Самми умиротворил Эстер своим спокойным говором, приобретённым в колледже. Хороший он парень, несмотря на усики. И появился как нельзя вовремя.

Но Гринберга начал охватывать страх. После икры он испытывал сильную жажду, ведь икра вызывает жажду похлеще любой селёдки. Вдобавок Гринберг понимал, что его попытки попить закончатся разлитой водой, отчего желание утолить жажду становилось нестерпимым. Он решил пуститься на хитрость.

Прочие участники вечера разговаривали на повышенных тонах и немного истерично. Дождавшись, пока его храбрость сравняется по силе с жаждой, Гринберг вышел из-за стола и схватил стакан.

— Не нальёте мне немного воды, Самми? — спросил он.

Самми взял кувшин и начал лить воду в поставленный стакан, под пристальным взором Эстер. Как Гринберг и ожидал, вся вода гейзером взметнулась из стакана прямо на костюм доктора Каца.

— Извините, но я не буду ужинать с психами, — сердито сказал Самми.

И он ушёл, хотя Эстер рыдала и умоляла его остаться. Роза сидела, слишком потрясённая, чтобы двигаться. Дверь захлопнулась, Гринберг поднял взгляд и увидел, как жена направляется к нему. На её лице читалась жажда убийства.

Гринберг стоял на тротуаре возле своего бара и взирал на мирный, синий и ужасно противный океан. Интересно, что произойдёт, если подойти к нему. Наверное, вода расступится, и можно будет пешком дойти до Европы, не замочив ног.

Было раннее утро, слишком рано для бизнеса, но он уже чувствовал себя уставшим. Ни Гринберг, ни его жена так и не уснули в ту ночь. Судя по всему, соседи не спали тоже. Но прежде всего он просто умирал от жажды.

Ради эксперимента он приготовил содовую воду. Разумеется, содержимое убежало из стакана при попытке поднести его к губам. За завтраком Гринберг попытал счастья с фруктовым соком и кофе. Результат оказался тот же.

Гринбергу казалось, что на его сухом языке образовался налёт вроде накипи. Совершенно обессилев, он сел на лавочку возле магазина. Было утро пятницы, что обещало жаркий и ясный, солнечный день. Была бы суббота, пошёл бы ливень.

— В этом году мне придёт конец, — простонал он. — Я не могу приготовить содовую, так почему же пиво будет делать мне одолжение и оставаться в бокале? Я хотел нанять мальчика за десять долларов в неделю, чтобы он управлялся с хот-догами. Сам собирался делать содовую, а Эстер поручить варить пиво. Но теперь я могу делать только хот-доги, Эстер, правда, по-прежнему может варить пиво, но придётся двадцать или даже двадцать пять недель платить человеку за приготовление содовой. Я даже погулять не могу выйти. Не будет мне удачи!

Положение действительно было отчаянным. Торговля зависела от огромного количества факторов, а взамен обещала лишь непостоянную прибыль.

Пляж постепенно заполняли купальщики. Гринберг сидел на лавочке и завидовал им. Они могут плавать, могут пить, не опасаясь, что жидкость сбежит от них. Они не испытывали жажду...

К его заведению направлялись первые клиенты. А утренние клиенты берут только прохладительные напитки, напомнил ему опыт. Гринберг вскочил, поспешно опустил жалюзи и бросился в отель.

— Эстер, мне нужно поговорить с тобой! — воскликнул он, вбегая в комнату. — Я больше не вынесу!

Жена угрожающе подняла метлу, держа её как бейсбольную битку.

— Вернись в бар, идиот! — приказала она. — Мало ты бед натворил?

Гринбергу невозможно было причинить страдания большие, чем он уже испытывал, так что на сей раз он не дрогнул.

— Мне нужна твоя помощь, Эстер.

— Ты почему до сих пор не побрился, бездельник? Если ты...

— Об этом я и пытаюсь сказать. Вчера я поругался с водяным гномом...

— С кем?! — Эстер смотрела на него с подозрением.

— С водяным гномом, — забормотал несчастный Гринберг. — Это такой коротышка, вот такого роста, с огромными ушами, он ещё гребёт ими, когда плавает, а ещё он делает дождь...

— Герман! — завопила жена. — Хватит нести чушь! Ты рехнулся!

Гринберг ударил себя кулаком по лбу.

— Нет, Эстер, я не сумасшедший. Пойдём со мной.

Жена с готовностью пошла за ним, но её отношение к его словам заставило Гринберга ощущать ещё большую беспомощность и одиночество, чем раньше. Уперев кулаки в толстые бёдра и широко расставив ноги, Эстер внимательно следила, как он пытается набрать стакан воды.

— Неужели ты не видишь? — завыл Гринберг. — Я не могу налить воду в стакан! Она выплёскивается, она убегает от меня!

Эстер несколько смутилась.

— Что с тобой случилось?

Совершенно сломленный, Гринберг рассказал жене о встрече с водяным гномом, не упустив ни одной детали, даже выставляющей его в невыгодном свете.

— А теперь я не могу прикоснуться к воде, — закончил он. — Я не могу приготовить содовую, не могу пить. А я так хочу пить! Жажда убивает меня...

Эстер отреагировала моментально. Она схватила его в объятия, прижала голову к своей груди и нежно погладила, как ребёнка.

— Герман, мой бедный Герман! — мягко произнесла жена. — Что мы натворили, чем мы заслужили это проклятие?

— Что мне делать, Эстер? — беспомощно спросил Гринберг.

Эстер отстранила его на расстояние вытянутой руки.

— Сходи к врачу, — сказала она решительно. — Сколько ты протянешь без воды? Без воды ты умрёшь. Может, я бываю с тобой слишком жёсткой, но ты же знаешь, я люблю тебя...

— Знаю, мамочка, — согласился Гринберг. — Но чем поможет мне доктор?

— Ну, я же не врач, откуда мне знать? На всякий случай сходи. Чего тебе терять?

Гринберг колебался.

— Мне нужно пятнадцать долларов на электрическую бритву.

— Ну и что? Если нужно, значит, нужно. Иди, дорогой. Я присмотрю за баром.

Ощущение одиночества и беспомощности исчезло. До кабинета врача Гринберг дошёл уверенным шагом и связно изложил симптомы своего недуга. Врач слушал его с профессиональной симпатией вплоть до описания водяного гнома. Тогда его глаза вспыхнули и сузились.

— Я знаю одно средство для вас, мистер Гринберг, — сказал доктор. — Посидите здесь, пока я не вернусь.

Гринберг спокойно ждал. Он даже позволил себе немного надеяться на скорый конец мучений. Однако уже через мгновение завывла сирена, и доктор вернулся с двумя медбратьями, которые попытались надеть на него смирительную рубашку. Перепуганный Гринберг сопротивлялся, от ужаса он довольно сильно ударил медика.

— Что вы делаете?! Зачем вы хотите надеть на меня эту штуку?! Не надо!

— Успокойтесь, — мягко сказал врач. — Всё будет хорошо.

В этот момент в кабинет вошёл полицейский, обычно сопровождающий машину «скорой помощи».

— Что здесь происходит? — спросил он.

— Не стой столбом! — ответил один из медбратьев. — Этот человек — псих, помогите нам надеть на него смирительную рубашку.

Но полицейский не торопился прийти на помощь медикам.

— Успокойтесь, мистер Гринберг, — сказал он. — Пока я здесь, никто не причинит вам вреда. Что случилось?

— Майк! — закричал Гринберг, хватая спасителя за рукав.
— Они решили, что я свихнулся!

— Разумеется, он сошёл с ума, — подтвердил доктор. — Пришёл сюда с дикой историей про водяного гнома, который наложил на него проклятие.

— Какое проклятие, мистер Гринберг? — осторожно спросил полицейский.

— Я поссорился с водяным гномом, он присматривает за рыбой и делает дождь, — тихо пробормотал Гринберг. — Я порвал его шляпу. Теперь я не могу притронуться к воде. Не могу пить и вообще...

Доктор кивнул с удовлетворением.

— Ну вот. Совершенно обезумел.

— Замолчите.

Майк посмотрел внимательно на Гринберга, затем спросил:

— Вы, учёные, попытались проверить его слова? Ну-ка, мистер Гринберг, давайте попробуем.

Полицейский налил воды в бумажный стаканчик и подал Гринбергу. Тот протянул руку, чтобы взять стаканчик, и вода вылилась через дальний от него край, а когда Гринберг попытался подставить вторую руку, вода прыгнула вверх.

— Сумасшедший, говорите? — ехидно спросил полицейский. — Думается мне, вы ничего не знаете о гномах и эльфах. Идёмте, мистер Гринберг.

Они вышли вместе и пошли по улице. Гринберг рассказал Майку всё от начала и до конца, объяснив, что проклятие не только делает его личную жизнь невыносимой, но и уничтожает бизнес.

— Итак, доктора вам помочь не могут. Они ничего не знают про Малый народ. Я не стану порицать вас за оскорбление гнома, ведь вы не ирландец, а то бы отнеслись к нему уважительно. Но что-то надо сделать, вы же умираете от жажды. Скажите, вы вообще ничего не можете выпить?

— Ничего, — траурным тоном ответил Гринберг.

Они вошли в бар. Одного взгляда хватило, чтобы понять — дела шли очень медленно, но это не испортило его настро-

ение, потому что портить было уже нечего. Эстер бросилась к нему.

— Ну что?

Гринберг безнадежно покачал головой:

— Плохо. Они решили, что я псих.

Тем временем Майк осматривал бар. Наконец его глаза засияли.

— Точно, я вспомнил. Мистер Гринберг, вы пробовали выпить пива? Когда я был ребёнком, мама мне всё рассказала про эльфов, гномов и прочий Малый народ. Они никогда не прикасаются к алкоголю. Давайте попытаемся.

Гринберг взял бокал и осторожно подошёл к крану. Поколебавшись, он отвернул его и подставил бокал. Его лицо посветлело, потому что пиво налилось в бокал и осталось там! Эстер и Майк смотрели, как Гринберг медленно поднёс бокал к губам и сделал глоток.

— Майк! — воскликнул он. — Ты спас меня! Ты дал мне попить!

Полицейский нерешительно запротестовал.

После обеда Эстер закончила торговлю, и они втроем пошли в отель.

Пришла суббота, и полил дождь. Гринберг маялся бесконечным похмельем, вызванным необходимостью постоянно пить пиво для утоления жажды. Он с вожделием думал о запретных пакетах со льдом и обычных напитках.

— Я больше не могу! Пиво, пиво, всё время пиво, даже на завтрак!

— Лучше, чем ничего, — сказала Эстер с покорностью судьбе в голосе.

— Ох, не знаю, не знаю. Дорогая, ты же не сердись на меня из-за Самми?

Она мягко улыбнулась:

— Пустяки. При одном упоминании о приданом он прибежит обратно.

— Вот и я так думаю. Но что же делать с этим проклятием?

Жизнерадостный Майк закрыл зонт и ввёл внутрь невысокую седовласую женщину, свою мать. Гринберг с завистью

убедился в пользе пакетиков со льдом и обычных напитков, так как Майк был бодр, как накануне.

— Майк рассказал мне о вас и гноме, — сказала женщина. — Я хорошо знаю Малый народ и не буду винить вас в том, что вы обидели гнома, вы же никогда не встречались ни с кем подобным. Но я полагаю, что вам хочется избавиться от проклятия. Вы раскаиваетесь?

Гринберг содрогнулся:

— Конечно! Пиво на завтрак, вы только представьте себе!

— Ну что же, вам нужно лишь пойти на озеро и дать гному доказательство.

— Какое доказательство? — нетерпеливо спросил Гринберг.

— Вам нужно отнести ему сахар. Малый народ любит сладкую начинку...

— Ты слышала, Эстер? Я куплю целую бочку...

— Любят, но не могут есть, — продолжила мать полицейского. — Сахар растворяется в воде. Вам нужно придумать, как обойти это препятствие, и тогда маленький господин поверит, что ваше раскаяние искренно.

— Ага, я знал, что не всё так просто! — воскликнул Гринберг.

В наступившей тишине Гринберг яростно обдумывал сложившуюся проблему, атакуя её со всех сторон.

— Когда я увидела ваш бар сегодня, то сразу поняла, что Майк сказал мне правду. Идёт дождь, во всём городе льёт как из ведра, а вокруг вашего бара большой круг, где совершенно сухо. Никогда не встречала ничего подобного, — сказала женщина.

Пока Гринберг испуганно внимал ей, Майк кивнул и Эстер, по-видимому, заинтересовалась феноменом. Когда Гринберг признал, что не может ничего придумать, он обнаружил, что остался в баре один. Он смутно припомнил, что Эстер ушла и обещала вернуться через несколько часов.

— Что же мне делать? — произнёс Гринберг. — Сахар, который не растворится в воде... — Он налил бокал пива и задумчиво выпил его. — Что же сделать? Может, сойдёт сироп? Он достаточно сладкий.

Гринберг покрутился по бару, подыскивая себе занятие. Протереть краны он не мог, несколько оставшихся сосисок, скорее всего, пропадут. Пол уже был чисто вымыт. В конце концов, Гринберг сел и снова задумался над своими трудностями.

«В понедельник я пойду на озеро, что бы ни случилось, — подумал он. — Завтра туда идти не следует, потому что опять будет лить дождь, поэтому завтра я только замёрзну».

Вернулась Эстер, загадочно улыбаясь. Она вела себя очень вежливо и заботливо, и Гринберг оценил это. Но уже вечером и на следующий день он понял, чему она радовалась. Эстер распустила слух, что, хотя во всём городе шёл сильный дождь, их бар остался совершенно сухим. Так что Гринбергу пришлось работать за шестерых, несмотря на головную боль, отдававшуюся во всём теле, чтобы удовлетворить толпу, любовавшуюся чудом и наслаждавшуюся сухостью и теплом. Сколько удалось заработать в тот день, он в точности так и не узнал — Гринберг давно взял за правило воздерживаться от обсуждений таких деликатных вопросов. Но совершенно ясно, что даже в 1929 году он никогда не зарабатывал столько за один уик-энд.

В понедельник Гринберг проснулся рано. Он тихонько поднялся, стараясь не беспокоить супругу, и начал одеваться. Но Эстер всё-таки проснулась и приподнялась в кровати, опираясь на локоть. Она смотрела на него с сомнением.

— Герман, — мягко сказала жена, — тебе в самом деле нужно идти?

Он обернулся, поражённый.

— Что ты имеешь в виду?

— Ну, — она заколебалась, — ты не мог бы подождать до конца сезона, дорогой?

Он подался назад, с ужасом глядя на неё.

— Хорошая мысль пришла в голову моей жене! Я должен пить пиво вместо воды! Как я могу это вынести? По-твоему, я люблю пиво? Я помыться не могу! Люди уже сейчас стараются не стоять рядом со мной, а что будет в конце сезона? Я выгляжу как бродяга, потому что всё время пью пиво, а моя

щетина слишком жёсткая для электрической бритвы. Я требую уважения...

— Я понимаю, дорогой, — согласилась жена. — Но я подумала о Розе... Так хорошо дела у нас никогда не шли. Каждую субботу и воскресенье идёт дождь, но не у нас. Это же наша удача!

— Эстер! — потрясение ответил Герман. — Неужели моё здоровье ничего не значит?!

— Конечно, значит, дорогой! Но я подумала, может, ты ещё немножко потеряешь...

Гринберг схватил шляпу и куртку и выскочил за дверь, но тут же остановился, слушая крики жены. Он впервые понял, что, избавившись от проклятия, упустит отличную возможность поправить дела.

Он медленно закончил одеваться. Кое в чём Эстер была права. Если бы немного потерпеть это безводное существование...

— Нет, — решительно сказал Гринберг. — Мои друзья избегают меня. Уважаемый человек не может всё время пить и не принимать ванну. Ну так мы заработаем меньше денег. Деньги — это ещё не всё.

И, сохраняя решительный настрой, он отправился к озеру.

Тем же вечером, прежде чем отправиться домой, Майк зашёл в бар. Он обнаружил Гринберга сидящим в кресле, закрыв лицо руками. Его тело содрогалось от боли.

— Что случилось, мистер Гринберг? — вежливо спросил Майк.

Гринберг поднял голову и слепо уставился на полицейского.

— А, это вы, — пролепетал он. Постепенно его взгляд прояснился.

Гринберг встал, провёл Майка к стойке и налил пива. Они молча выпили.

— Я ходил сегодня к озеру, — сказал он опустошённо. — Я бродил вокруг озёра как ненормальный, но гном так и не выглянул из воды.

— Понимаю, — ответил Майк сочувственно. — В это время они обычно очень заняты.

Гринберг умоляюще сложил руки.

— Так что же мне делать? Я не могу написать ему или послать телеграмму, у него нет двери, в которую можно постучать, и звонка, в который можно позвонить. Как мне заставить его выйти и поговорить? — Его плечи поникли. — Возьмите сигару, Майк. Вы очень хороший друг, но, похоже, нас побили.

Наступила тишина. Наконец Майк сказал:

— Сегодня слишком жарко. Настоящее пекло.

— Верно. Эстер говорит, что дела пойдут хорошо, если такая погода продержится.

Майк вертел в пальцах сигару. Гринберг произнёс:

— Допустим, я смогу вызвать гнома на разговор. Как быть с сахаром?

Тишина воцарилась вновь. Молчание становилось всё напряжённее. Майк чувствовал себя особенно неудобно, так как со своим бесцеремонным характером был не слишком приспособлен для утешения страдающих друзей. С преувеличенным вниманием он покрутил сигару пальцами, вслушиваясь в хруст.

— Такая жара вредна для сигар, — сказал он, чтобы поддержать разговор. — Они совершенно высыхают. Хотя именно эта в порядке.

— Да, — согласился Гринберг. — Целлофан предохраняет её...

Они с Майком уставились друг на друга, затем одновременно просияли.

— Чёрт возьми! — закричал Майк.

— Сахар в целлофановой обёртке! — вторил Гринберг.

— Совершенно верно, — горячо ответил Майк, снизив голос до шёпота. — Я зайду за вами завтра рано утром. Мы пойдём на озеро.

Гринберг молча пожал ему руку, слишком взволнованный, чтобы говорить. Когда Эстер пришла проведать его, он убежал, оставив её в баре одну с неопытным мальчиком, занимавшимся грилем, а сам кинулся в деревню на поиск сахара в целлофановой обёртке.

Следующим утром солнце едва показалось из-за горизонта, а Майк уже пришёл за Гринбергом. Его друг уже был полностью одет и стоял на крыльце в нетерпеливом ожидании. Майк искренне переживал за друга. Они отправились на железнодорожную станцию. Гринберг ковылял на заплетающихся ногах, а его глаза упорно норовили съехаться к переносице.

Они зашли в кафе позавтракать. Майк взял апельсиновый сок, бекон, яйца и кофе. Гринберг с тоской слушал, как он заказывает, пытаясь побороть ком в горле.

— А вы что пожелаете? — обратился к нему официант.

Гринберг покраснел.

— Пиво, — прохрипел он.

— Вы шутите?

Гринберг отрицательно покачал головой, не в силах сказать ни слова.

— А что подать к пиву? Овсянку, тост, пирог...

— Только пиво.

И он заставил себя проглотить очередную порцию пива.

— Выручай! Ещё одно пиво на завтрак убьёт меня! — прошипел он Майку.

— Ох, понимаю, — промычал Майк набитым ртом.

В поезде они занялись составлением планов. Но так как друзья впервые столкнулись с подобным феноменом, то ничего придумать не смогли. Они подошли к берегу озера, понимая, что им придётся проявить всю свою изобретательность, чтобы добиться желаемого результата.

— Как насчёт лодки? — спросил Майк.

— Если я сяду в лодку, то она не останется в воде. А ты не сможешь грести в таком состоянии.

— Тогда что делать?

Гринберг прикусил губу и уставился на прекрасное синее озеро, лежавшее перед ним. Там, так близко, живёт гном.

— Иди через рошу по берегу и вопи как ненормальный. Я пойду в другую сторону. Мы обогнём озеро с разных сторон и встретимся у лодочной станции. Если гном выглянет, позови меня.

— Хорошо, — сказал Майк без особой уверенности в голосе.

Озеро оказалось достаточно большим. Они шли по берегу, часто останавливаясь, чтобы встать поудобнее и кричать. Через два часа Майк и Гринберг стояли друг напротив друга на противоположных берегах озера. Гринберг слышал, как полицейский кричит:

— Эй, гном!

— Эй, гном! — вторил Гринберг. — Выходи!

Через час они встретились. Оба совершенно выдохлись и чувствовали жжение в горле. Майк и Гринберг обескуражено посмотрели друг на друга — их вопли слышали только рыбаки, которые единственные и беспокоили водную гладь.

— Чёрт побери, ничего не выходит. Пойдём к лодочной станции, — сказал Майк.

— Но я не могу сдать! — проскрипел Гринберг.

Они прошли вдоль берега озера, покрикивая вполголоса. Возле лодочной станции Гринберг был уже готов признать поражение. Тем временем к ним бросился лодочник с самым угрожающим видом.

— Вы, психи, убирайтесь отсюда! — закричал он. — Что вы шлёпаетесь тут и орёте, распугивая рыбу? Ребята сердятся...

— Мы больше не будем кричать. Всё равно толку нет, — ответил Гринберг.

Они купили пиво, и Майк всё-таки нанял лодку. Лодочник моментально остыл и пошёл готовить её к отплытию.

— Зачем ты нанял лодку? Я не могу плыть в ней, — сказал Гринберг.

— Ты и не поплывёшь. Ты пойдёшь.

— Что? — воскликнул Гринберг. — Опять вокруг озера?

— Не-а. Смотрите, что я думаю, мистер Гринберг. Может быть, гном просто не слышит нас через толщу воды. Гномы вовсе не бессердечные злодеи. Если бы он слышал нас и подумал, что вы раскаялись, он бы сразу снял с вас проклятие.

— Наверное, — сказал Гринберг, не слишком убеждённый.

— И куда я должен идти?

— Насколько я понял, вы так или иначе отталкиваете воду, но при этом и вода отталкивает вас. Ну, по крайней мере, я хо-

чу в это верить. И если я прав, то вы сможете идти по озеру. — Майк начал собирать большие камни и грузить их в лодку. — Помогите мне, — сказал он.

Любое занятие, даже бесполезное, лучше бездействия, решил Гринберг. Он помог Майку загрузить лодку камнями, пока она не осела чуть ли не до самых краёв бортов. Полицейский сел в лодку и отчалил от пристани.

— Вперёд, попробуйте ступить на озеро, — сказал он.

— Думаю, я не смогу, — колебался Гринберг.

— С вами ничего не случится. Вы же не можете промокнуть, значит, и утонуть не можете.

Логичный вывод убедил Гринберга, и он шагнул вперёд. Когда вода немного подалась под его ногой, а затем невидимая сила приподняла его над поверхностью, он испытал странное чувство. Хотя Гринберг стоял не слишком уверенно, соблюдая определённую осторожность, он мог идти по поверхности озера достаточно легко.

— А что теперь? — спросил Гринберг почти радостно.

Майк с лодкой держался от него на расстоянии шага.

Полицейский взял один камень со дна лодки и протянул Гринбергу.

— Будем бросать их в воду. Устроим такой тарарам, что всех перебудим под водой. Это наверняка заставит гнома выглянуть.

Друзья снова приободрились. Со словами «Этот его точно разбудит» и «Этим я ему точно по башке попаду» Гринберг и Майк бросали камни в воду. Они уже использовали примерно половину камней, когда Гринберг замер с очередным булыжником в руках. Что-то заставило его сердце сжаться, и он утратил весёлое настроение.

Майк с интересом наблюдал, как гном появляется из воды, работая ушами. Полицейский признал, что маленький господин с высокомерно скрещёнными на груди руками выглядел достаточно смешно.

— Неужели обязательно швырять камни и отвлекать нас от работы? — спросил гном.

Гринберг сглотнул.

— Простите, господин гном, — сказал он нервно. — Но мы никак не могли докричаться до вас.

Гном посмотрел на него:

— О, так это вы, тот смертный, которого надо было утихомирить. Зачем вы вернулись?

— Чтобы сказать вам, что раскаялся и что больше не буду оскорблять вас, — сказал Гринберг.

— А как вы докажете свою искренность? — тихо спросил гном.

Гринберг поспешно засунул руку в карман и вытащил пригоршню кусков сахара, завёрнутых в целлофановую обёртку. Он протянул сладости гному.

— А, это очень умно, да, — живо ответил маленький гном, жадно срывая обёртку и запихивая угощение в рот. — Давно не пробовал ничего подобного.

Через мгновение Гринберг барахтался в воде, отчаянно размахивая руками и ногами. Майк схватил его за куртку и помог выбраться. Впрочем, Гринберг был счастлив, что наконец-то может утонуть.

Trouble with Water, 1939

Перевод: М. Д. Бородкин

Иллюстрация: Д. Хьюитт

No Charge For Alterations

By H. L. GOLD

ОБНОВЛЕНИЕ — БЕСПЛАТНО!

Если бы доктора Кэлмара спросили, что он ненавидит больше всего на свете, он бы, безусловно, назвал интернов, получивших медицинский диплом на Земле. Они всегда хотели что-то изменить. Они никогда не понимали, что пограничные планеты создают собственную систему для удовлетворения своих потребностей, редко похожих на друг на друга. Доктор Кэлмар никогда не ладил со своими ассистентами, и не ждал, что доктор Хойт, прилетавший попутным кораблём с Веги, станет исключением.

Разумеется, доктор Кэлмар, и сам учился на Земле, он с ностальгией вспоминал, как уважал доктора Лоуэлла, будучи его ассистентом. Он понимал, что его скудные знания не шли ни в какое сравнение с мудростью и опытом доктора Лоуэлла, прожившим на Денебе три десятка лет, и жадно внимал его наставлениям.

— Ну почему, — ворчал он себе под нос, направляясь в космопорт встречать очередного молокососа, — почему Земля не выпускает молодых врачей, как раньше? Из них стоит выбивать самонадеянность ещё до окончания медицинского колледжа. Мне же это совершенно не повредило, и моё поведение, по прибытии на Денеб, было весьма скромным.

Космопорт, естественно, был забит то отказа. Прилёт корабля был достаточно редким явлением и собирало всех, кто

не был занят на фермах, шахтах, заводах, транспорте и прочих объектах этой сравнительно новой колонии. Зеваки прихватили с собой семьи, запаслись едой, и расположились вокруг посадочной площадки. Доктор Кэлмар прошёл на платформу.

Корабль уселся на огненный гриб, быстро превратившийся в пылающий блин, а затем раздавил его.

— Я встречаю партию скота, — с энтузиазмом сообщил мужчина, стоявший рядом с доктором Кэлмаром.

— Вам повезло, — сказал доктор, — они не разговаривают.

Мужчина сочувственно посмотрел на него:

— Встречаете жену?

— Нечто более болтливое и надоедливое, — ответил Кэлмар, не вдаваясь в подробности. Скотовод с вежливостью первопроходца не стал продолжать разговор.

На одном лифте спускали грузы и скот, на другом — пассажиры. Траволаторы несли груз к стерилизационным камерам, а путешественников — к платформе встречающих. Доктор Кэлмар совсем упал духом. Человек с медицинским саквояжем, а это наверняка был доктор Хойт, оказался ещё более энергичным, стройным и мускулистым, чем ожидал доктор Кэлмар. Новичок смотрел таким высокомерным и пытливым взглядом, что предыдущий интерн, довольно невыносимый, теперь казался таким же покладистым, как одна из прибывших коров.

Доктор Хойт сразу же заметил доктора Кэлмара и, подойдя, схватил его руку своей камнедробилкой.

— Вы доктор Кэлмар. Рад познакомиться с вами. Я уверен, что мы прекрасно поладим. Ужасная поездка. Пришлось делать четыре пересадки, добираясь сюда. Надеюсь, здешняя еда будет лучше корабельных помоев. Есть хорошая больница для работы? Я живу внутри неё или снаружи?

Доктор Кэлмар с неохотой вынужден был отвечать в том же темпе:

— Взаимно. Я на это надеюсь. Да, ужасно. Нас устраивает. Полагаю, что так. Внутри.

Он усадил Хойта в скоростное такси и поспешил вернуться в больницу. Пациенты ожидали в очереди, пока он совершал

визит вежливости в космопорт, что было неприятно уже само по себе. А теперь у него появился ещё и болтливый помощник, которого придётся вводить в курс происходящего.

— Довольно пустынно, — заявил доктор Хойт, глядя в окно на лишённую растительности землю внизу. — Что так?

Ведь он знал, что едет на Денеб, сердито подумал доктор Кэлмар. Вполне можно было навести хотя бы справки о планете.

— Это планета земного типа, — резко сказал доктор Кэлмар, — только жизнь на ней никогда не развивалась. Мы должны были привезти всё — полезные микроорганизмы, семена, животных, рыб, насекомых — полную экосферу. Наши фермы расположены недалеко от городов. Устраивать их в отдалении слишком накладно. Ещё несколько столетий, и тут будет настоящее население, с миллионами людей вместо тех двадцати тысяч, что обитают сегодня в нескольких десятках поселений по всей планете. Тогда весь наш мир станет приятного зелёного цвета.

— Я — городской ребёнок, и реки там одеты в гранит, — ухмыльнулся доктор Хойт. — Ненавижу деревню. Вполне хватает гидропоники и синтетического мяса!

— Для Земли. Пройдёт много времени, прежде чем Денеб настолько уплотнится.

— Денеб, — недовольно повторил молодой врач. — Так называется звезда. Вы хотите сказать, что у планеты такое же название?

— В большинстве солнечных систем есть только одна планета земного типа. Если вы просто назовёте эту планету Денебом, Вегой или как-то ещё, то избавитесь от многих хлопот.

— Эта куча лачуг и есть город? — воскликнул доктор Хойт.

— Под названием Денебия, — подтвердил доктор Кэлмар, начиная наконец получать удовольствие.

— Да ведь его можно потерять в пригороде или Босьоркдельфии!

— Это чудовище, которое раньше было Нью-Йорком, Пенсильванией, Коннектикутом, Род-Айлендом и Массачусетсом? Не в моём вкусе.

Кэлмар с удовольствием отметил, что доктор Хойт ошеломлённо замолчал. Если повезёт, то его оцепенение продлится целый день. Тем более, вид скромной маленькой больницы явно впечатлил юнца, прибывшего с гигантских медицинских фабрик Земли.

Доктор Хойт несколько оживился, увидев пациентов, ожидающих в скудно обставленной приёмной, но Кэлмар сказал:

— Пока располагайтесь, — и распахнул дверь перед своим интерном

— Но в этой комнате только одна кровать, — возразил доктор Хойт. — Вы, должно быть, ошиблись!

Доктор Кэлмар, вспомнив переполненные жилые капсулы Земли, издал гордый сухой смешок.

— Ты на Денебе, парень. Здесь придётся привыкать к простору. Нам так нравится!

Молодой врач нерешительно вошёл в комнату, оставив дверь открытой на случай бегства, вдруг что-то пойдёт не так. Кэлмар сделал то же самое девять лет назад. Судя по его собственному опыту, доктору Хойту понадобится шесть месяцев, чтобы привыкнуть к мысли, что вся комната в его распоряжении. Завтра будет достаточно времени для знакомства с местными особенностями, а пока надо позаботиться о назначенных встречах.

Доктор Кэлмар направился в свой кабинет попросив медсестру мисс Дюпон пригласить первого пациента.

Это была 17-летняя Эйвис Эмери в сопровождении родителей. Она сидела угрюмая, темноволосая, слишком красивая и стройная для такого пограничного мира, как Денеб. Мистер Эмери положил на стол доктора папку из отдела Социального контроля.

— Мы фермеры... — начал мужчина.

— Вся эта информация содержится в деле, — перебил его доктор Кэлмар. — В следующем году Эйвис должна выйти замуж, а она хочет отправиться на Землю и стать певицей в

ночном клубе. Отказывается выйти замуж за парня, который ведёт хозяйство, и сама не хочет работать на ферме.

Он строго посмотрел на родителей.

— Это ваша собственная вина. Вы её баловали. Сельскохозяйственный труд слишком ценен, чтобы им пренебрегать. Мы не можем себе этого позволить.

— Да, это моя вина, док, — пробормотал мистер Эмери с несчастным видом. — Она такая хорошенькая малышка — я не мог позволить ей вкалывать, подобно нам со Сью.

— А потом у неё появились идеи, — добавила миссис Эмери, бросив на мужа злобный взгляд. Доктор Кэлмар представил себе долгие ночи споров и ругани, прежде чем они, наконец, обратились за медицинской помощью для решения своих проблем. — Петь в ночном клубе на Земле, выйти замуж за миллиардера, жить на небесной яхте!

— Эйвис, — мягко произнёс доктор Кэлмар. — Ты же знаешь, что это всё не так просто, правда? На Земле очень много красивых девушек и очень мало миллиардеров. Если бы ты получила работу певицы в ночном клубе, тебе бы пришлось делать некоторые неприятные вещи, ибо конкуренция там огромна. Такие вещи, как стриптиз, выпивка за столиками и прогулки с кем угодно, на кого покажет хозяин.

Лицо девушки впервые оживилось.

— Разумеется! Иначе зачем мне улетать?

— И ты совсем не любишь Денеб и свою ферму?

— Я ненавижу всё это!

— Но ты же понимаешь, что нам нужна еда. Разве тебе не кажется важным рост урожая, для увеличения нашего населения?

— Нет! Почему это должно волновать меня? Я хочу на Землю!

Доктор Кэлмар, с сожалением покачав головой, нажал кнопку на своём столе, подсоединённую к гравитационному генератору прямо под креслом девушки. Четырёхкратная сила тяжести внезапно толкнула её вниз, а игла для подкожных инъекций быстро ввела снотворное. Эйвис обмякла. Доктор отпустил кнопку, искусственная гравитация ослабла, но девушка оставалась ошеломлённой и расслабленной.

— Вы ведь не причините ей вреда, док? — умоляюще спросил мистер Эмери.

— Конечно, нет. Но я полагаю, вы знаете приказ Социального контроля.

Оба кивнули — муж мрачно, жена решительно.

— Сделайте это, док! — сказала она. — Мне осточертело стачивать пальцы до костей, пока она красуется, прихорашивается и всё время говорит о полёте на Землю.

— Пойдём, Эйвис, — произнёс доктор Кэлмар низким, властным голосом.

С совершенно пустым лицом девушка встала и проследовала за ним в комнату Альтер-эго. Док закрыл дверь, усадил Эйвис на изолированное сиденье рядом с пультом управления, надел ей на голову пластиковый шлем с проводами и плотно подогнал его к черепу.

Пробежав пальцем по листку её социального контроля, Кэлмар установил циферблаты приборов в соответствии с инструкциями. К психическим областям, подлежащим сокращению, относятся сексуальное влечение, соперничество и воображение, а вот области репродуктивных побуждений и сотрудничества должны быть усилены. Он отрегулировал индивидуальные параметры и послал переменный заряд через мозг.

Никакой реакции — ни судорог, ни гримас. Она сидела, будто ничего не случилось, но личность её изменилась настолько сильно, как если бы она была переучена с самого рождения.

Мисс Дюпон вошла без стука. Она, конечно, знала, что комнате Альтер-эго пациента тревожить нельзя.

— Рефизика, доктор Кэлмар? — спросила она.

— Боюсь, что да. Пожалуйста, подготовьте её.

Медсестра сняла с девушки одежду. Без сопротивления.

— Какое прекрасное тело, — произнесла она. — Как жаль.

Кэлмар пожал плечами.

— Пока у нас не будет в достатке людей, ферм, заводов, мисс Дюпон, нам придётся менять людей в соответствии с потребностями нашего общества. Я уверен, вы это понимаете.

— Да, но всё равно жаль. Такие тела на деревьях не растут.

Он осторожно перенёс Эйвис в Рефизическую камеру.

— Но они растут в этой машине. Как только мы сможем себе это позволить, а это произойдёт всего через несколько сотен лет, мы сможем любую женщину сделать похожей на эту или даже лучше.

— И не забывайте про мужчин, — сказала мисс Дюпон, когда он включил митогенетический генератор. — Адонисы нам бы здесь не помешали.

— У нас они будут, — заверил её врач.

— Когда-нибудь. Но никто из нас до них не доживёт.

Работая, подобно скульптору, с катодом в одной руке и анодом в другой, доктор Кэлмар принялся лепить девушку, неподвижно стоявшую в камере. Плоть прогибалась под катодом и выпячивалась за анодом, когда он сделал шире тонкий нос, прибавил толщины подвижным губам, нарастил тонкую челюсть и осторожно вытянул изящно изогнутые надбровные дуги.

— Я оставлю завиток в её волосах, — пробормотал он. — Каждой женщине нужна хотя бы одна черта, которой можно гордиться.

— И это вы говорите мне, — усмехнулась мисс Дюпон.

— Синтетическую ткань, пожалуйста.

Она вытащила трубку с изменяемой насадкой и приступила к работе. Брызги высокоскоростных клеток пронзили гладкую кожу девушки на шее, плечах, груди, бёдрах и ногах, образуя бесформенные комки, которые врач направил в связки и мышцы. Стройная фигура быстро расширилась, стала мускулистой и надёжной, превращаясь в тело женщины, готовой к размножению и работе бок о бок со своим мужчиной.

Доктор Кэлмар убрал инструменты и помог мисс Дюпон одеть девушку в комбинезон и сандалии. Он чувствовал гордость за своё мастерство, когда обнаружил, что одежда, предоставленная Социальным контролем, идеально подошла. Он ввёл противоядие от гипноза и провёл стандартный тест на эмоциональную реакцию, бесстрастное лицо девушки прояснилось и стало спокойным.

— Эйвис, ты понимаешь, где находишься?

— Да. Кабинет Альтер-эго, рефизическая камера.

— Что мы с тобой сделали?

— Обновили меня для соответствия моему окружению.

— Ты против обновления?

— Нет. — Она замолкла с обеспокоенным видом. — А кто заботится об урожае, пока я здесь?

— Урожай подождёт, вашего возвращения, Эйвис. Давайте покажем результат родителям, хорошо?

— Хорошо, — сказала она. — Думаю, они мной будут гордиться. Они всегда хотели, чтобы я была такой.

— А ты?

— О, я чувствую себя намного лучше. Как будто гора с плеч.

— Я рад этому, Эйвис. Мисс Дюпон, вы лучше приготовьте успокоительное для отца. Полагаю, оно ему понадобится.

— А матери? — уточнила практичная медсестра.

— Думаю, она захочет выпить, чтобы отпраздновать это событие. Налей ей стаканчик.

Прогноз доктора Кэлмара оказался верным, но неполным. Его молодой ассистент с Земли покинул свою тревожно большую комнату и нервничал в кабинете, когда они вошли.

— Это та хорошенькая девушка, которая ждала нас, когда мы вошли? — он даже взвизгнул от возмущения. — Что вы с ней сделали?

Доктор Кэлмар дал ему успокоительное вместо мистера Эмери, который был потрясён, но хотя бы заранее знал, чего ожидать. Мисс Дюпон быстро приготовила ещё одно успоко-

ительное, затем дала миссис Эмери коктейль и повела семью к двери.

— Она прекрасно выглядит, док, — радостно произнесла мать. — Отныне Эйвис будет помогать нам по дому и на ферме.

— Я в этом не сомневаюсь, — согласился врач.

— Но она была так прекрасна! — заплакал было мистер Эмери, но быстро стих, когда подействовало успокоительное.

Дверь за ними закрылась.

— О вас нужно доложить в Медицинскую Ассоциацию на Земле! — раздражённо заявил доктор Хойт. — Так испортить девичью красоту!

Доктор Кэлмар вздохнул. Он надеялся, что сможет отложить разъяснительную лекцию до следующего дня, когда не будет так много пациентов, внесённых в его записную книжку.

— Ладно, давай покончим с этим. Во-первых, я также обучался на Земле и знаю, как там используются Альтер-эго и Рефизика: Альтер-эго для удаления психических блоков, чтобы люди могли лучше развиваться, и Рефизика, чтобы быть привлекательными. Во-вторых, мы не находимся под юрисдикцией Медицинской Ассоциации Земли. В-третьих, нам, чёрт возьми, лучше вообще не обсуждать это, ибо здешние проблемы и их решение совсем не те же самые, к которым привыкли вы.

— Вас бы посадили в тюрьму за то, что лишили эту девушку возможности удачно выйти замуж!

— Наоборот, — спокойно ответил доктор Кэлмар. — Я повысил её шансы.

— Вы не сделали ничего подобного... — доктор Хойт замолчал. — Повысили? Как так?

— Я всё время твержу вам, что это пограничный мир, а вы делаете вид, будто всё понимаете, но это не так. Подобным девушкам трудно найти здесь мужей. Они слишком разные. Семья — это актив, если каждый её член готов работать.

— Но такая хорошенькая девушка всегда сможет...

— Ни один денебианин не может позволить себе жениться на хорошенькой девушке. Это слишком рискованно. Она не сможет работать так же усердно, как он, и при этом заботить-

ся о своей внешности. А ещё муж будет вынужден постоянно беспокоиться о ней, что снизит и его производительность. Заставляя меня сделать её привлекательной девушкой в здоровом, простом смысле, Социальный контроль гарантирует ей больше, чем просто брак — он гарантирует ей удовлетворённую супружескую жизнь.

— Париться на ферме, — пробормотал доктор Хойт.

— Теперь, когда её антисоциальные устремления исчезли, она поймёт, что Денебу нужны фермеры, а не певички из ночных клубов. Она будет гордиться тем, что хорошо работает, вырастит столько детей, сколько сможет выносить, и у неё будет хороший муж и процветающая ферма. Раньше этого бы ей не хватило. А сейчас — вполне. От этого лучше и ей, и всей планете.

Доктор Хойт покачал головой.

— Всё перевёрнуто с ног на голову.

— Вы к этому привыкнете. Почему бы вам не взять сегодня выходной и не исследовать Денебию? После всех этих месяцев в космосе вам определённо нужен отдых.

— Возможно, — неопределённо протянул доктор Хойт, всё ещё под действием успокоительного.

— Хорошо, — доктор Кэлмар вызвал мисс Дюпон. — Пришлите, пожалуйста, следующего пациента. Да, доктор Хойт берёт на сегодня выходной.

Но молодой ассистент уже был ошеломлён огромной толщиной папок социального контроля, принесённых следующим пациентом, мистером Фаллоном и его женой.

— Я знаю, что вы думаете, доктор Кэлмар! — воскликнула миссис Фаллон с нервной улыбкой. — Опять эти ужасные Фаллоны! Я вас нисколько не виню, но...

Собственно говоря, именно так доктор Кэлмар и думал, а ещё, обречённо отметил он, именно их и не хватало для достойного завершения дня.

— Боже мой, что там во всех этих папках? — воскликнул доктор Хойт.

Доктор Кэлмар мог бы, конечно, всё объяснить, но сил у него не было.

За него это сделал мистер Фаллон, застенчивый, худощавый, приветливый парень поэтического вида.

— Бумаги, — ответил он.

— Я знаю, но почему их так много? — возбуждённо спросил доктор Хойт.

Мисс Дюпон, казалось, забавлялась, наблюдая за его реакцией.

— Видимо потому, что я никак не могу решиться, — призналась миссис Фаллон с неловким смешком. Это была крупная женщина, которая на Земле могла бы с упоением коллекционировать игрушечных собачек, но здесь она была контролёром грузов, а её муж — статистиком в Департаменте снабжения, хотя на Земле он мог быть кем угодно — от композитора до социального работника. — Неважно, как часто мы обновляем Гарри. Я всегда устаю от его внешности через несколько месяцев.

— И сколько уже раз? — спросил доктор Хойт.

— По-моему, одиннадцать раз. Разве не так, дорогой?

— Нет, милая, — поправил мистер Фаллон. — Тринадцать.

Доктор Кэлмар мог бы остановить его, но счёл более разумным позволить своему ассистенту вкушать горький плод познания. Мисс Дюпон слишком наслаждалась происходящим, чтобы вмешиваться.

— Мы делали его высоким, низким, тощим, толстым, мускулистым, рыжеволосым, черноволосым, белокурым, седым — я не помню, почти всё, что есть в книге, — сказала миссис Фаллон, — и я просто не могу найти такого, который бы мне понравился навсегда.

— Тогда какого чёрта ты не найдёшь себе другого мужа?

Миссис Фаллон выглядела потрясённой.

— Да ведь его выбрали для меня!

— Доктор Хойт только что прилетел с Земли, — вмешался доктор Кэлмар, прежде чем началась драка. — Он не знаком с нашими методами.

— Давайте познаем глубину этой глупости, — покорно согласился доктор Хойт.

— Мы поддерживаем баланс населения, — начал доктор Кэлмар. — Избыток представителей любого из полов создаёт

напряжение, враждебность, потерю производительности; не верите? — взгляните на Землю. Мы не можем идти на подобный риск, поэтому используем перинатальный контроль, чтобы держать соотношение полов в равенстве.

— У каждого мужчины есть жена, — добродушно вставил мистер Фаллон, — и у каждой женщины есть муж. Всё получается отлично.

— Без излишеств, — добавил доктор Кэлмар. — Здесь нет летунов, которые могли бы позволить себе браки, подобно вашим, на Земле, где так легко расстаются и создают новые пары. Мы получаем спутника на всю жизнь. Вот тут-то и вступают в игру Альтер-эго и Рефизика.

— Вы имеете в виду, что люди приводят своих супругов, чтобы обновить их?

— Если они не удовлетворены и если супруги согласны на обновление.

— Я не возражаю, — добродетельно ответил мистер Фаллон. — Я думаю, что Мэйбл сама решит, чего она хочет, и тогда мы сможем остепениться и быть счастливыми друг с другом.

— А как же ты? — спросил доктор Хойт в замешательстве. — Разве ты не хочешь, чтобы она изменилась?

— О, нет. Я люблю её такой, какая она есть.

— Теперь ты видишь, как это работает? — спросил доктор Кэлмар. — У нас не может быть множества партнёров, но мы можем получить всё разнообразие, которое захотим, в одном партнёре. Это приводит к тому же самому, насколько я могу судить, и вызывает гораздо меньше путаницы, тем более, что нам нужны стабильные отношения.

Доктор Хойт героически пытался негодовать, несмотря на успокоительное.

— И многие ли просят, чтобы их супруги обновились?

— Полагаю, мы своего рода рекорд, не так ли? — гордо провозгласил мистер Фаллон.

— Наверное, так оно и есть, — согласился доктор Кэлмар. — А теперь, доктор Хойт, если у вас больше вопросов нет, то я хотел бы поговорить с этой парой.

Доктор Хойт широко раскрыл слипающиеся глаза.

— Мне всё это кажется странным, но это не моё дело. Как только я закончу стажировку, я вернусь на Землю, где всё имеет смысл, так что мне не нужно разбираться в этой местной мешанине. Вам потребуется помощь?

— Если бы вы узнали, что на этот раз задумала миссис Фаллон, я бы гораздо быстрее закончил приём.

— А как они к этому отнесутся? — спросил доктор Хойт.

— Со мной всё в порядке, — дружелюбно сказал мистер Фаллон. — Знаете, я к этому уже привык.

— Но как же мы будем тебя обновлять, Гарри? — взволновалась его жена. — Я ревновала тебя к другим женщинам, когда ты был красив, но мне не нравилась твоя заурядная внешность.

— Почему бы вам не пролистать книгу моделей вместе с доктором Хойтом? — предположил доктор Кэлмар. — Есть ещё несколько типов, не опробованные вами.

— А они есть? — радостно изумилась мисс Фаллон. — Вы не возражаете, доктор Хойт?

— С удовольствием, — ответил тот.

Мисс Дюпон принесла ему модельный альбом, и они с миссис Фаллон начали просматривать лица и физические данные моделей, приведённых в очень чётких трёхмерных цветных изображениях. Мистер Фаллон упоённо решал математические задачи на листе бумаги, полностью предоставив выбор супруге.

Тем временем доктор Кэлмар и мисс Дюпон быстро приняли нескольких пациентов, повышая уровень толерантности к фрустрации у часовщика, сглаживая прыщавую кожу чувствительного юноши, восстанавливая палец, потерянный при аварии в механическом цехе, и создавая позитивную агрессию у рудокопа с упавшей производительностью.

Когда последний пациент ушёл, миссис Фаллон всё ещё не определилась.

— Не знаю, — с несчастным видом произнесла она. — Я совершенно не знаю. Не могли бы вы предложить что-нибудь, доктор Хойт?

— Это было бы неэтично, — резко ответил тот, — и недопустимо.

Доктор Кэлмар, проверяя вместе с мисс Дюпон документы социального контроля, размышлял, стоит ли ему вмешаться. Это снизит доверие к доктору Хойту, а значит, люди будут настаивать на том, чтобы именно доктор Кэлмар лечил их. Тогда вместо того, чтобы сбросить часть работ на помощника, ему придётся работать за двоих. Он решил, что пусть молодой врач продолжает.

Но тут доктор Хойт раздражённо встал, захлопнул книгу и сказал:

— Миссис Фаллон, если вы знаете, чего хотите, я буду рад услужить вам. Но я не телепат...

— Я могу чем-нибудь помочь? — доктор Кэлмар быстро перебил его, прежде чем его ассистент успел брякнуть что-нибудь ещё.

— Ему не стоит обижаться, — возмутилась миссис Фаллон. — Всё, о чём я просила, это одно-два предложения...

— Он оскорбил мою жену? — воинственно спросил мистер Фаллон.

— Это моя вина, — примирительно сказал доктор Кэлмар. — Доктор Хойт только сегодня прилетел с Земли, он устал и, естественно, пока не понимает всех наших обычаев...

— Пока? — с отвращением повторил доктор Хойт. — С чего вы взяли, что я когда-нибудь...

— И я не должен был обременять его этой проблемой, пока он не отдохнёт и не осмотрится, — продолжил доктор Кэлмар чуть громче. — А теперь посмотрим, сможем ли мы решить эту проблему до закрытия, а?

Фаллоны затихли, доктор Хойт с сарказмом наблюдал за ними, хотя и молчал, пока доктор Кэлмар и мисс Дюпон, действуя слаженно, подбирали им что-то подходящее. Всё было сделано очень гладко, настолько гладко, что доктор Кэлмар почувствовал профессиональную гордость, ибо даже его упрямый ассистент не смог распознать, что это было за предложение.

Доктор Кэлмар заставил миссис Фаллон вспомнить об обновлениях, которым подвергся её муж, и мисс Дюпон сразу же согласилась с ней, когда та объяснила, почему каждое из них было неудовлетворительным. Это заняло некоторое вре-

мя, но в конце концов он подвёл её к вопросу, как выглядел мистер Фаллон, когда она впервые вышла за него замуж.

— Ну разве это не странно? — озадаченно спросила она.
— Не могу вспомнить. А ты можешь, дорогой?

— Всё несколько запутано, — признался мистер Фаллон.
— Давай посмотрим, я знаю, что был выше и у меня было длинное худое лицо...

— О, нам не нужно гадать, — сказал доктор Кэлмар. — Сестра, у нас есть информация в деле, не так ли?

— Да, доктор, — сказала сестра и тут же достала фотографию. Фаллоны, очевидно, решили, что это просто деловитость; они не заметили, как мисс Дюпон тихонько искала фотографию, пока доктор Кэлмар вёл опрос. На самом деле он тянул время, пока она не кивнула в знак того, что нашла фото.

Мистер Фаллон нахмурился, как будто узнал это лицо, но не мог вспомнить имя. Его жена вскрикнула от восхищения.

— Ну, Гарри, ты выглядел просто замечательно!

— Эти глубокие ямочки делали бритьё довольно затруднительным, — вспомнил тот.

— Но они такие милые! Почему ты вообще позволила мне обновить тебя?

— Потому что я хотел, чтобы ты была счастлива, милая.

Это было так просто — немного практической психологии, основанной на знании пациентов. Доктор Кэлмар с тоской пожалел, что рядом нет старого доктора Лоуэлла. Он бы это одобрил, что могло бы скомпенсировать неприятное выражение лица доктора Хойта.

— Надеюсь, это то, что вам нужно, — сказал доктор Кэлмар, провожая их к входной двери после рефизического сеанса.

— Боже мой, я надеюсь! — воскликнула миссис Фаллон. Она с нежностью посмотрела на мужа, и на этот раз ей пришлось поднять глаза, чтобы увидеть его лицо. — Я почти уверена, что хочу, чтобы Гарри был именно таким.

— Ну, если это не так, милая, — сказал мистер Фаллон, — мы попробуем что-нибудь другое. Я не возражаю, пока это делает тебя счастливой.

Они закрыли за собой дверь, оставив больницу пустой, за исключением персонала.

— Они сумасшедшие! — взорвался доктор Хойт. — Нам не надо обновлять его! А вот эта идиотская женщина нуждается в хорошей альтерации эго!

— Он не просил об этом, — терпеливо заметил доктор Кэлмар.

— Так пусть попросит!

— Это его решение, не так ли? Знаете, есть такая вещь, как этика.

— Я никогда не видел ничего более безумного, чем ваша работа, — отрезал доктор Хойт. — Я не могу дождаться, когда закончу практику и полечу домой.

Он вышел, слегка пошатываясь из-за успокоительного.

— Ну, что вы думаете о нашем помощнике? — спросил доктор Кэлмар.

— Он симпатичный, — внезапно сказала мисс Дюпон.

Доктор Кэлмар сердито посмотрел на сестру. Он совсем забыл, что в этом году у неё должен появиться супруг.

Больничная рутина перестала быть таковой. Доктор Хойт еле сдерживался от возмущения, когда кого-то лечили, а помогал настолько неохотно, что доктор Кэлмар, потев под двойной нагрузкой и одновременно ругаясь с доктором Хойтом, совсем было собрался посадить того на корабль и попросить Землю о другом интерне. Но мисс Дюпон его отговорила.

Видимо, страдая от одиночества, доктор Хойт пригласил сестру на свидание. Мисс Дюпон была довольна, хотя Хойт постоянно ворчал по поводу её типично денебской одежды — поношенной и плохо сидящей.

Либо они не разговаривали о работе, либо мнение сестры его не интересовало — язвительные замечания и раздражение усиливались с каждой новой неделей.

Это беспокоило доктора Кэлмара больше, чем думал он, и гораздо больше, чем хотелось бы миссис Кэлмар. Приятная маленькая женщина принимала вещи такими, какие они есть, и именно поэтому доктор Кэлмар всё это время колебался, не решаясь попросить её пройти небольшое обновление. Он предпочёл бы видеть жену немного выше, полнее, убрать лёгкие морщинки, а ещё дать космически-чёрные волосы

вместо неопределённо светлой копны. Но раздражать миссис Кэлмар ему не хотелось, так что мечты оставались мечтами.

— Не позволяй мальчику расстраивать тебя, — сказала миссис Кэлмар. — Просто он такой молодой и неопытный. Не следует ждать, что он быстро приспособится к новой среде и совершенно новой медицинской практике.

— Но именно это и раздражает! Когда я прилетел сюда, я ловил каждое слово доктора Лоуэлла! Я никогда не считал себя более умным!

— Ну, дорогой, ты — это ты, доктор Лоуэлл — это доктор Лоуэлл, а доктор Хойт — это доктор Хойт.

Он попытался возразить и не смог.

— Я полагаю, что так.

— Может быть, ты почувствуешь себя лучше, если поговоришь об этом с доктором Лоуэллом?

— А что он сделает? Это внутренняя проблема, и я должен решить её с доктором Хойтом. Не стоит впутывать в это дело ещё и доктора Лоуэлла.

Всё изменила молодая девушка, возжелавшая стать мальчиком. Доктор Кэлмар и доктор Хойт страшно разругались. Естественно, ей следовало обновить эго, и она станет счастливой девочкой, но доктор Хойт заявил, раз уж она хочет быть мальчиком, так пусть им и станет. Доктор Кэлмар ещё раз раздражённо объяснил, что баланс полов должен соблюдаться, а доктор Хойт настаивал на праве личного выбора.

— Это применимо на Земле, но не на Денебе, — возразил доктор Кэлмар. В ответ доктор Хойт фыркнул что-то насчёт игры в Бога.

Вечером доктор Кэлмар заявил жене, что она права. Ему следовало обратиться к старику Лоуэллу; сам он уже не контролирует ситуацию, что явно не идёт больнице на пользу. Пора доктору Лоуэллу посетить больницу, где он не был с момента выхода на пенсию. Для этого доктору Кэлмару понадобилась помощь мисс Дюпон. Но она неожиданно заупрямилась.

— Я не причиню вреда карьере Лео, — решительно заявила она.

Доктор Кэлмар бросил на неё отсутствующий взгляд:

— Лео?

Сестра покраснела.

— Доктор Хойт. Он честно пытается понять ситуацию, но считает, что она слишком отличается от Земли. Практически всё, что мы здесь делаем, мы делаем наоборот.

— Но таков наш мир, мисс Дюпон! Земля переполнена, а Денеб малонаселённый, и, конечно, наши методы противоположны земным. Ему надо понять, что мы обязаны решать свои проблемы по-своему.

Она взглянула на него с подозрением.

— И это всё, что вы хотите?

— Конечно. Чёрт побери, неужели ты думаешь, что я хочу его уволить и отправить на Землю до окончания стажировки? Я знаю, что это повредит его послужному списку. Кроме того, мне нужен помощник — но не тот, с которым мне приходится всякий раз препираться.

— Ну, в таком случае...

— Вот и умница. Всё, что от тебя потребуется, это помочь мне отложить спорные процедуры до приезда доктора Лоуэлл. — Кэлмар мрачно уставился на свои стиснутые руки. — Видит Бог, я не дипломат. В отличие от доктора Лоуэлла. Он легко переубедил меня, когда я прилетел на Денеб. Возможно, он убедит и доктора Хойта.

— О, я надеюсь, что так, — искренне сказала Мисс Дюпон. — Я так хочу, чтобы вы с Лео работали вместе.

Он с любопытством поднял взгляд.

— Почему это?

— Потому что я в него влюблена.

Он поймал себя на том, что горько кивает. Убытие доктора Хойта на Землю могло состояться вместе с мисс Дюпон... Да, теперь было о чём беспокоиться.

Доктор Лоуэлл прибыл на скоростном такси через несколько дней.

— Лучше бы в больнице всё было чисто! — весело крикнул он, расплачиваясь с шофёром. — У меня плохое настроение. Могу отстранить от работы всех подряд.

Когда старик вошёл в кабинет, доктор Кэлмар почувствовал странное воодушевление. Хотел бы он сам внушать такое

же почтение и уважение окружающим. Но это невозможно. Доктор Лоуэлл был великолепен; сам же Кэлмар — не более чем компетентен.

Доктор Кэлмар представил старику своего молодого помощника.

— Молод и силён, — одобрил доктор Лоуэлл. — Это нужно на Денебе. Умение важно, но здоровье и молодость ещё важнее.

— Для тех, кто останется, — холодно ответил доктор Хойт. — А это точно не я.

Доктор Кэлмар почувствовал, что дрожит от ярости. Молокососу не стоит так разговаривать с доктором Лоуэллом!

Но доктор Лоуэлл весело продолжил:

— Вы, кажется, решили вернуться. Неважно. Некоторые решения подобны яйцу — принимаются только для того, чтобы разбиться. Надеюсь, у вас так и будет.

— Ни за что, — отрезал доктор Хойт. Даже умоляющий взгляд мисс Дюпон не смягчил его высокомерный тон.

— Тогда давайте подадим сигнал следующему кораблю... — начал доктор Кэлмар.

— Как вижу, вас ждут пациенты, — перебил доктор Лоуэлл. — За меня не волнуйтесь. Я это жалкое маленькое здание знаю, как свои пять пальцев. Не очень похоже на земные больницы, верно? — он направился в медицинский отсек, добавив перед тем, как выйти: — Зато небольшое легче объять. Личный подход, знаете ли.

Доктор Кэлмар с завистью осознал, как ловко старик поставил юношу на место, в то время как сам он смог бы лишь затеять очередную перебранку. Господи, если бы он только мог обрести эту восхитительную мудрость!

— Ну, тогда за работу, — сказал он, стараясь хотя бы изобразить весёлость.

— Конечно, давайте разрушим ещё несколько жизней, — почти прорычал доктор Хойт.

— Лео, прошу тебя! — прошептала мисс Дюпон.

Через пять минут оба доктора яростно спорили о каком-то старике, присланным Социальным контролем на обновление зрения.

— Ты не имеешь права ограничиться только зрением! — завопил доктор Хойт. — Для чего же, чёрт возьми, нужна Рефизика, если не для этого?

— Ты наверняка считаешь, что мы должны снова сделать его 25-летним, — крикнул в ответ доктор Кэлмар. — Если это всё, чему ты научился, работая здесь...

— Ну-ну, — успокаивающе сказал доктор Лоуэлл. Он незаметно вошёл в кабинет. — Доктор Хойт, конечно, прав. Мы хотели бы сделать стариков молодыми, и когда-нибудь мы это сможем. Но не сейчас.

— А почему бы и нет? — спросил доктор Хойт, понизив голос, явно польщённый тем, что доктор Лоуэлл принял его сторону.

— Рефизика никого не может сделать молодым. Она может только придать молодую внешность и обновить явно больные органы. Но старое тело — это целиком потрёпанный организм; и, в конце концов, оно должно разрушиться. Если мы дадим ему избыток энергии, то разрушение наступит раньше, гораздо раньше, чем если мы позволим ему нормально стареть. Это означает экономические, а также гуманитарные потери.

— Я вас не понимаю, — растерянно сказал доктор Хойт.

— Ну, наш пациент был машинистом. И причём хорошим. Теперь он может быть только смазчиком. И очень хорошим, если ты улучшишь его зрение. Он будет хорошим смазчиком много лет, выполняя полезную функцию. Но если ты его омолодишь, то он опять станет машинистом и быстро изматывает себя.

— Это имеет какой-то смысл?

— Да, — сказал доктор Лоуэлл, — на Денебе.

Доктор Хойт хотел продолжить разговор, но доктор Лоуэлл уже отправился осматривать другую часть больницы. Бурча, молодой человек помог составить схему оптических нервов на замену, и отшлифовал форму сетчатки согласно указанию Социального контроля.

Но он продолжал спорить при каждой новой процедуре, особенно в случае с отставным пилотом грузового реактивного самолёта, которому нужно было замедлить рефлекс, что-

бы превратиться в довольного жизнью метеоролога. Всякий раз, когда спор грозил перейти в драку, доктор Лоуэлл спокойно выступал посредником.

К концу дня доктор Кэлмар был истощён эмоционально. Когда они с доктором Лоуэллом мыли посуду, Кэлмар изрёк:

— Парень безнадёжен. Я думал, вы сможете его исправить — видит Бог, я не смог — но он никогда не поймёт, почему мы поступаем именно так.

— Твои предложения? — спросил доктор Лоуэлл, вытираясь полотенцем.

— Отправлю его обратно на Землю. Найду более понимающего стажёра.

Доктор Лоуэлл бросил полотенце в стерилизатор.

— Не выйдет. Мы так быстро распространяемся по всей Галактике, что Земля не может подготовить и отправить достаточное количество врачей для новых колоний. Если мы отошлём этого, я не знаю, когда мы получим другого.

Доктор Кэлмар сглотнул.

— То есть или он, или никто?

— Боюсь, что так.

— Но он никогда не подстроится под Денеб!

— Ты же смог, — сказал доктор Лоуэлл.

Доктор Кэлмар попытался скромно улыбнуться.

— Я-то сразу понял, как мало я знаю и как много опыта у вас. Я был готов учиться. Я ведь слушал вас, смотрел, как вы работаете, и пытался понять, почему вы так поступаете...

— Ты в этом уверен? — уточнил доктор Лоуэлл.

Доктор Кэлмар удивлённо взглянул на него.

— Вы же знаете, что да. Если уж на то пошло, я и сейчас так думаю.

— Когда ты высадился на Денебе, — сказал доктор Лоуэлл, — ты был самым упрямым, самым самоуверенным молодым ослом, которого я когда-либо встречал.

Доктор Кэлмара благодарно ухмыльнулся.

— Чёрт побери, ведь мне хотелось быть таким же уверенным и непринуждённым!

— Ты был настолько упёртым и склонным к спорам, что доктор Хойт по сравнению с тобой — малолетний школьник, легко поддающийся внушению.

— Ну, это вы преувеличиваете, — возразил доктор Кэлмар. — Я понимаю, к чему вы клоните — каждый интерн нуждается в надёжном руководстве, и я должен быть более терпеливым и понимающим.

— Нет, ты меня совсем не понимаешь, — констатировал доктор Лоуэлл. — Пригласите доктора Хойта, мисс Дюпон и меня к себе на ужин сегодня вечером, и, возможно, вы поймёте, что я действительно имею в виду.

— Работаете за еду, да?

— И удержу на Денебе врача, которого ты в противном случае потеряешь.

— Думаете, что я не смогу этого сделать?

— Разве ты уже не решил это для себя?

— Да, наверное, — признался доктор Кэлмар. — Хорошо, как насчёт ужина сегодня вечером у меня дома? Я приглашу остальных и позвоню Харриет, чтобы она нас ждала.

— С удовольствием, — сказал доктор Лоуэлл. — Очень мило, что ты меня пригласил.

Мисс Дюпон была в восторге от приглашения, а доктор Хойт сказал, что ему всё равно больше делать нечего. Вызванная по видеофону миссис Кэлмар на мгновение растерялась, но доктор Лоуэлл сказал ей, чтобы она передала срочный заказ в Центральный комиссариат от его имени.

Именно тогда доктор Кэлмар понял, насколько старик серьёзен. На пограничной планете, где кризисы были повседневной рутинной ситуацией, ситуация должна стать катастрофической, чтобы получить статус чрезвычайной.

Обед на Денебе был таким же, как и везде в Галактике. Чтобы освободить женщин для другой работы, еду доставляли еженедельно в приготовленном виде. Специальный посыльный из Центрального комиссариата принёс аварийный паёк, и миссис Кэлмар просто проколола саморазогревающеся картриджи и поставила порции перед каждым гостем; контейнеры также являлись одноразовыми тарелками и комплектовались одноразовыми приборами. Никакого мусора,

никакой подготовки, никакой уборки после этого, кроме как бросить всё это в конверторную печь. Доктор Хойт всё ещё не привык к полностью выращенной пище; он вырос на синтетике — основном продуктом питания на Земле.

— Ну что ж, это было хорошо, — сказал доктор Лоуэлл, вставая из-за стола и поглаживая округлый животик. — А теперь давай немного выпьем, прежде чем перейдём к корриде. Где ты держишь свою выпивку? Я бы хотел смешать свой особый, чтобы доктор Хойт понял, что мы, колонисты, не такие уж провинциалы.

— Боже милостивый, я уже много лет не пил ваш фирменный коктейль! — воскликнул доктор Кэлмар. — Считай с тех пор, как я прибыл на Денеб.

— Вот почему он особенный. Зарезервирован для государственных мероприятий, таких как прибытие коллег с нашей старой родной планеты.

— О, не беспокоитесь, — сказал доктор Хойт. — Вам удастся отведать его дважды — сегодня и в день моего отлёта

— Это ведь будет не скоро, правда? — с тревогой спросила мисс Дюпон.

— Как только закончу стажировку. Больше никаких планет. Мне нравится Земля.

Миссис Кэлмар принялась расспрашивать его о Земле, и Хойт охотно принялся рассказывать, а доктор Кэлмар показал старику, где хранятся запасы спиртного и составляющих для коктейлей. Наблюдая, как тот с тщательностью химика смешивает ингредиенты, доктор Кэлмар ощутил прилив ностальгии. Он вспомнил празднование в доме доктора Лоуэлла, через несколько месяцев после его прилёта с Земли. Тогда он малость перебрал со спиртным и отключился. Это было одно из самых приятных воспоминаний о начале денебской жизни.

— Я не могу смешать их все в одинаковой пропорции, — объяснил доктор Лоуэлл, принося напитки по одному, по мере готовности. — Миссис Кэлмар... Мисс Дюпон... наш любезный хозяин, доктор Кэлмар... а теперь доктор Хойт и я. — Он поднял бокал и посмотрел на доктора Хойта. — Выпьем за выпускника великих медицинских школ Земли, каковыми были и мы. Хотелось бы, чтобы доктор Хойт узнал от нас

столько же интересного о наших необычных методах, сколько мы узнали от него о последних земных достижениях.

Доктор Хойт, улыбаясь так, словно считал это невозможным, встал, когда они выпили за него.

— Земля, — сказал он. — Я хотел бы вернуться, как можно быстрее.

Он залпом выпил стакан, сказал: — Восхитительно — для колониального напитка, — и застыл на месте с приклеенной улыбкой.

— Лео! — воскликнула мисс Дюпон и встряхнула его, но тот не шевельнулся.

— Да у него аллергия на алкоголь! — удивился доктор Кэлмар.

— Сделайте что-нибудь! — умоляла миссис Кэлмар. — Не позволяйте ему стоять так! Он... он похож на статую!

— Не паникуйте, — сказал доктор Лоуэлл спокойным, уверенным голосом. — Вот и вы тогда потеряли сознание, доктор Кэлмар. Как только впервые попробовал мой коктейль.

— Но мы-то в норме, — возразил доктор Кэлмар.

— Естественно. В ваших напитках не было наркотиков.

— Наркотиков? — взвизгнула мисс Дюпон. — Вы накачали его наркотиками?

— Это довольно очевидно, не так ли?

— Но зачем? — доктор Кэлмар запнулся.

— По той же причине, по которой я подсунул тогда тебе снотворное вскоре после того, как ты пришёл. Мы не можем допустить, чтобы он вернулся на Землю. Верно?

— А я против, — возмутилась мисс Дюпон. — Я думаю, что это дешёвый, грязный, нечестный трюк, и он не сработает. Вы не можете всё время держать его под наркотиками.

— Мне не нравится, что вы так разговариваете с доктором Лоуэллом, — возмутился доктор Кэлмар.

— Уж тебе возмущаться не стоит, — заметила миссис Кэлмар. — Он сказал, что и тебя накачал наркотиками.

— Я слышал, — безучастно ответил доктор Кэлмар. — Но ничего не понимаю...

— Вот и отлично, — усмехнулся доктор Лоуэлл. — Просто не мешайте. Лучше позови его, так будет лучше.

Миссис Кэлмар выражала мрачное неодобрение, а мисс Дюпон была близка к истерике. Только доктор Кэлмар сохранил благоговейное уважение к доктору Лоуэллу. Если старик сказал, что всё в порядке, то так оно и было, хотя он и не понимал, почему.

— Давай, — настаивал доктор Лоуэлл.

— Доктор Хойт!

— Да, доктор Кэлмар?

— Ты пойдёшь с нами!

— Да, доктор Кэлмар.

Доктор Лоуэлл отвёз их обратно в больницу.

— И что теперь? — спросил доктор Кэлмар.

— Ты действительно не понимаешь? — удивилась Мисс Дюпон. — Он хочет провести Лео через Альтер-эго.

— Это абсурд, — разозлился доктор Кэлмар, — и открытая клевета. Доктор Лоуэлл на такое не пойдёт — у нас нет ни заявления Хойта, ни санкции Социального контроля.

Доктор Лоуэлл добродушно улыбнулся и открыл дверь в комнату Альтер-эго.

— Мне очень не хочется разочаровывать вас, доктор Кэлмар. Но именно это я и сделаю, как в своё время с тобой.

— Это абсурд, — повторил доктор Кэлмар, но уже не так уверенно и несколько смутившись.

— Зато это работает. Вели ему сесть.

Доктор Кэлмар послушался и автоматически надел пластиковый шлем на голову доктора Хойта.

— Ты не можешь! — воскликнула мисс Дюпон, когда он потянулся к пульта управления. — Это нечестно!

— Давайте не будем устраивать дискуссию об этике, — сказал доктор Лоуэлл. — Денеб не может позволить себе потерять Хойта; нам нужен каждый врач, который у нас есть. Если он улетит на Землю, пройдут годы, прежде чем мы найдём ему замену.

— Но вы не можете делать это без его согласия!

— Для этого время ещё будет, — усмехнулся старик. — Не спускайте с него глаз, доктор Кэлмар, пока вы будете форми-

ровать у него уважение к авторитету. Сократите враждебность, агрессию и стремление к власти. Повышайте социальную ответственность и предприимчивость. Но убедитесь, что он постоянно смотрит на вас.

— Я этого не допущу, — решительно заявила миссис Кэлмар. — Вы не заставите моего мужа нарушить клятву.

— Но я ведь сделал это с ним, не так ли? — весело ответил доктор Лоуэлл. — А заодно дал тебе мужа.

Мисс Дюпон схватила доктора Кэлмара за руку, но он уже включил ток.

— Что-нибудь ещё? — спросил он.

— Ну, конечно, он должен жениться, — сказал доктор Лоуэлл. — Пусть он посмотрит на мисс Дюпон — она ведь назначена на этот год, не так ли? — пока ты дашь ему импульс брачного порыва. А теперь сотрите из памяти этот инцидент и добавь ему пьянящей радости. Мы можем закрепить это состояние, выпив ещё. Когда закончишь, приведи его в себя.

Доктор Хойт очнулся, издав вопль. Он вскочил с изолированного сиденья, посмотрел на мисс Дюпон блестящими глазами, схватил её и поцеловал.

— Боже мой! — ахнула она.

— Итак, что насчёт этики? — спросил доктор Лоуэлл.

Ответа не последовало. Мисс Дюпон и миссис Кэлмар застыли на месте.

— Вы и их накачали наркотиками? — вяло поинтересовался доктор Кэлмар.

— Да, несколько отложенного действия, — признал старик. — Всё, что тебе нужно сделать с ними, это стереть последние полчаса. Мне не нужны свидетели неэтичного поступка. Да, и добавь им алкогольного веселья.

Доктор Кэлмар последовательно всё исполнил.

Покончив с этим, они оставили всю пьяную троицу в приёмной и отправились умываться. Доктор Кэлмар был в замешательстве. Старик был абсолютно невозмутим, словно делал это ежедневно.

— Я был таким же высокомерным и воинственным, как этот наглец?

— Хуже, — сказал доктор Лоуэлл. — Он хотя бы хотел закончить свою практику. Ты всё ещё беспокоишься об этике?

— Да. Естественно.

— Хорошо, тогда включи логику. Ты счастливее на Денебе, чем был бы на Земле?

— Ну, конечно. На Земле я был бы рад работать врачом в летнем лагере. Нет, я бы не променял такую просторную планету на переполненные клетки Земли. И наши методы мне нравятся больше, чем земные догмы. Но это моё мнение. Я не могу навязать их никому другому.

— Чёрт возьми, это не было твоим мнением! Ты постоянно оспаривал наши методы и громче, чем этот парень, тосковал по земным кабинкам. Всё, что требуется, — это немного обновить своё эго, и у тебя будет более счастливая жизнь, чем ты мог бы иметь. Ведь оно так?

Доктор Кэлмар почувствовал, что его напряжение спадает. Если старик сказал, что это правильно, то так оно и есть. На мгновение он обиделся, поняв, что и эта реакция вызвана доктором Лоуэллом, но потом улыбнулся. Это действительно правильно. Возможно, немного смело, но всё в конечном счёте для блага доктора Хойта, Денеба, да и его самого.

— Слушайте, — сказал он, вытирая руки. — Я бы хотел, чтобы моя жена немного обновилась.

— Почему бы тебе не спросить у неё самой?

— Дело в том, что я боюсь, как бы она не подумала, что я недоволен, и не хочу, чтобы она обиделась.

— Может быть, она тоже хочет, чтобы ты обновился.

— А зачем? Со мной всё в порядке.

— Она, наверное, чувствует то же самое по отношению к себе.

— Но всё, что мне нужно, — это совсем небольшие перемены. Она сейчас подобна лётчику-космонавту. Это было бы очень кстати...

Доктор Лоуэлл отбросил полотенце и бросил на него возмущённый взгляд.

— Существует такая вещь, как профессиональная этика, доктор Кэлмар!

— Но вы...

— Это совсем другое дело. Это социальное решение, а не эгоистичное. Если вы спросите её, и она согласится, то это будет её выбор. Но вы не смеее обновить её только потому, что вам этого хочется. Только попробуйте, и я отправлю вас обратно на Землю.

Доктор Кэлмар почувствовал дрожь в коленях.

— Нет-нет. Не так уж и важно. Пустяки...

Впрочем, оно действительно того не стоило, как он обнаружил, выйдя приёмную. Непривычная к выпивке, миссис Кэлмар была более ласковой, чем когда-либо с тех пор, как они поженились; ему, пожалуй, стоит время от времени выпивать с ней. Мисс Дюпон, не желая высвободиться из крепких объятий доктора Хойта, смотрела на него стекляннорадостными глазами. Доктор Хойт не отпускал её, пока не увидел доктора Кэлмара.

— Вы — лучший врач, которого я когда-либо встречал, — произнёс он с энтузиазмом. — Денеб — чудесная планета. Я просто хочу жениться на мисс Дюпон, остаться здесь и учиться у вас. Хорошо?

Доктор Кэлмар бросил на старика не менее благоговейный взгляд.

— Ну, разумеется, — сказал он.

No Charge For Alterations, 1953

Перевод: А. А. Ланудев

Иллюстрации: Г. Шарп

to quote:

Рост: 5 футов 9 дюймов, вес без одежды: 155 фунтов, родился в Монреале, образование получил в США, женат, имею сына. В начале писательской деятельности занимался нормальной работой: помощник фармацевта, продавец обуви, натирщик полов, ученик обойщика и т. д. Моей любимой была работа утопленником: я тонул, а практиканты-спасатели меня спасали. Я написал и продал более 5.000.000 слов под 32 псевдонимами, был редактором и издателем более двух десятков журналов в различных областях.

H. L. GOLD

Содержание

Вопрос формы.....	3
Телохранитель.....	67
Чего стоят крылья.....	118
Трудности с водой.....	127
Обновление — бесплатно!.....	153